А 99
9
71

А. П. Липранди.
А. Волынецъ.

Германія въ Россіи.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ", Дѣвичья ул., № 14.
1911.

А. П. Липранди.
А. Волынецъ.

А 9 9/71.
А 9 9/71 72

Германія въ Россіи.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.
1911.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

8899-31

Чертковская библиотека

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 8899
23 VII 1931 г.

ГЕРМАНІЯ ВЪ РОССІИ.

I.

Двухмилліонный германскій авангардъ въ Россіи.

Начало поселенія нѣмцевъ въ западной Россіи, какъ и въ южныхъ губерніяхъ и на Волгѣ, относится къ концу XVIII столѣтія, когда край этотъ только что освободился изъ подъ владычества Польши. Первое нѣмецкое поселеніе—Михалинъ—возникло въ 1791 году, въ Бердичевскомъ уѣздѣ. (Кіевской губерніи), въ имѣніи графа Потоцкаго (близь села Махновки), который предоставилъ колонистамъ разныя льготы и пособія. Затѣмъ въ 1801 году такимъ же образомъ образовалась колонія Карлосъ-Вальдъ (или Карлсвальдъ) въ Острожскомъ уѣздѣ (на Волыни); въ 1804 году возникла колонія Антоновка въ Луцкомъ уѣздѣ; въ 1811 году—Софіевка въ Ровенскомъ уѣздѣ; въ 1816 году—Александровка во Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ и Черкасская въ Дубенскомъ уѣздѣ; въ 1824 году—Голендры во Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ; въ 1832 году—Дунаевцы въ Ушицкомъ уѣздѣ (на Подоліи); въ 1833 году—Коростышевъ (при мѣстечкѣ) въ Радомысльскомъ уѣздѣ, и Люгилевка въ Ушицкомъ уѣздѣ; въ 1835 году—Старый Запустъ и Станиславовка въ Луцкомъ уѣздѣ; въ 1836 году—Шрахдорфъ въ Новгородъ-Волынскомъ уѣздѣ. Всего, съ 1791 по 1840 годъ, образовалось въ Юго-Западномъ краѣ четырнадцать нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ поселилось 840 колонистовъ.

Съ 1840 по 1861 гг., въ двадцатилѣтній промежутокъ времени, въ Юго-Западномъ краѣ образовалась уже двадцать одна нѣмецкая колонія съ числомъ поселенцевъ 991 человѣкъ. За этотъ промежутокъ времени родилось въ краѣ 568 человѣкъ нѣмцевъ и, такимъ образомъ къ 1861 году

въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ (Кіевской, Волынской и Подольской) было тридцать пять нѣмецкихъ колоній, населеніе которыхъ составляло 2,373 человѣка; изъ нихъ 224 человѣка въ Кіевской губерніи, 451—въ Подольской и 1,697, т. е. болѣе двухъ третей, въ Волынской губерніи. Въ тотъ же промежутокъ времени, до 1861 года, въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края (Виленскою, Ковенскою, Гродненскою, Минскою, Могилевскою и Витебскою) поселилось 6,500 колонистовъ-нѣмцевъ, слѣдовательно—всего, въ девяти Западныхъ губерніяхъ, состояло къ 1861 году 8,873 нѣмецкихъ поселенца. Цифра эта, конечно, незначительна для края съ 12 милліоннымъ населеніемъ (въ 1861 году). Это были лишь единичныя поселенія нѣмцевъ, ничего общаго съ позднѣйшею колонизаціей не имѣвшія.

Не то мы видимъ съ шестидесятыхъ годовъ. Польскій мятежъ 1863 года заставилъ насъ позаботиться объ ослабленіи въ западныхъ губерніяхъ польскаго преобладанія и, по умиротвореніи края, правительство стало всячески поощрять переселеніе въ него не-польскихъ элементовъ, предоставляя имъ различныя льготы и содѣйствуя прочному, обоснованію ихъ въ краѣ. Для привлеченія чужеземныхъ пришельцевъ, въ 1861 году (правила 18-го декабря), они были освобождены отъ рекрутской повинности и отъ всѣхъ податей и повинностей какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ (въ теченіи пяти лѣтъ по поселеніи). Затѣмъ, воспретивъ законами 10-го Іюля и 10-го Декабря 1865 года полякамъ и евреямъ пріобрѣтать земли въ западныхъ губерніяхъ, правительство признало правоспособными къ пріобрѣтенію недвижимой собственности въ краѣ, *наравнѣ съ русскими*, и нѣмцевъ, предоставивъ имъ различныя льготы и преимущества (освобожденіе отъ купчихъ пошлинъ и т. п.), и даже организовало выдачу имъ изъ казны ссудъ на покупку польскихъ имѣній (правило 5 и 23-го марта 1864 года). *Наравнѣ съ русскими*, нѣмцамъ раздавались въ шестидесятыхъ годахъ конфискованныя (за участіе владѣльцевъ въ мятежѣ) польскія имѣнія на самыхъ льготныхъ условіяхъ (съ разсрочкою покупной суммы на нѣсколько десятилѣтій). Казенныя-же земли (въ Сѣверо-Западномъ и Привислянскомъ краяхъ) раздавались нѣмцамъ *совсѣмъ даромъ*, причемъ правительство затрачивало еще значительныя средства

на поселеніе ихъ. Это называлось „русской“ колонизаціей, организованной въ видахъ „обрусенія“ края!

Все это, разумѣется, способствовало усиленію прилива чужеземцевъ и положило начало той колонизаціи, которая, принимая съ того времени все большіе размѣры, обратилась впослѣдствіи въ систему мирнаго завоеванія нашихъ западныхъ окраинъ.

Въ теченіи десятилѣтія 1861—1871 г.г. вновь поселилось въ Юго-Западномъ краѣ 6,607 германскихъ колонистовъ, изъ нихъ 5,458, т. е. болѣе 80%, на Волыни. Въ 1871 году, по даннымъ, собраннымъ этнографическо-статистической экспедиціей Императорскаго русскаго географическаго общества, ихъ числилось въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ уже 27,071 человѣкъ, изъ нихъ 24,704 на Волыни. Въ краѣ было уже 221 нѣмецкая колонія, изъ нихъ 193 на Волыни.

По свидѣтельству г. Воронина, изучавшаго (въ 1871 году), по порученію высшей мѣстной администраціи, бытъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Юго-Западномъ краѣ, „болѣе одной трети поселенцевъ внесли сюда не однѣ рабочія руки и свой личный трудъ, но и значительный капиталъ, давшій имъ возможность пріобрѣсти въ собственность до 30 тысячъ десятинъ земли, на которой они образовали самостоятельные поселки; такіе же поселки основаны и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, у которыхъ они взяли въ аренду болѣе 42 тысячъ десятинъ. Въ хозяйство ими затрачено болѣе милліона рублей серебромъ“. Далѣе г. Воронинъ указываетъ, что „съ мѣстнымъ населеніемъ они (т. е. нѣмцы) не имѣютъ не только ничего общаго, но большею частью находятся во враждѣ съ нимъ и не оказываютъ никакого вліянія на хозяйство малоруссовъ. Не смотря на значительное число поселившихся въ Юго-Западномъ краѣ нѣмцевъ, только 5,966 душъ записаны по ревизіи, а остальные не пожелали принять русскаго подданства и проживаютъ въ краѣ въ качествѣ иностранцевъ. Такимъ образомъ, большая часть нѣмцевъ—колонистовъ составляютъ status in statu; они образуютъ свое самоуправленіе, заводятъ молельни и школы по своему усмотрѣнію и въ спорахъ съ мѣстнымъ населеніемъ обращаются къ дипломатическимъ агентамъ своего (германскаго) правительства. Ведя лучше хозяйство и будучи лучшими ремесленниками, они представ-

ляютъ для мѣстнаго хозяйства и ремесленнаго труда сильную конкурренцію, не неся повинностей и не дѣлаясь вообще гражданами, такъ что, къ сожалѣнію, ихъ нельзя не считать узурпаторами“ [1]).

Собственно, это были еще только зачатки колонизаціи, но, уже и тогда бросалось въ глаза заносчивое поведеніе и пренебрежительное отношеніе къ Россіи нѣмецкихъ поселенцевъ, которыхъ изслѣдователь не постѣснился назвать въ офиціальномъ донесеніи своемъ „узурпаторами“. Настоящая колонизація, вскорѣ-же принявшая систему мирнаго завоеванія, *начинается съ объединенія Германіи*, т. е. съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Франко-Прусская война, завершившаяся объединеніемъ Германіи и расширеніемъ ея владѣній на западъ, разожгла аппетиты Нѣмцевъ, серіозно ставшихъ мечтать о расширеніи своихъ владѣній и на востокъ. Съ этого времени Drang nach Osten принимаетъ систематическій характеръ какъ по размѣрамъ своимъ такъ и по организаціи, обращаясь прямо въ мирное завоеваніе нашихъ, смежныхъ съ Германіей и ея союзницей Австро-Венгріей, западныхъ окраинъ. Кромѣ цѣлой арміи, потянувшихся нескончаемою вереницей, колонистовъ, изъ Германіи стали являться къ намъ крупные капиталисты, скупающіе въ пограничныхъ губерніяхъ огромныя земельныя пространства и обращающіе ихъ, путемъ заселенія тысячами нѣмецкихъ колонистовъ и рабочихъ, въ уголки Германіи.

Нѣмцевъ обуяло вдругъ такое неудержимое влеченіе въ Россію, что, спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1875 году въ правительственныхъ сферахъ уже былъ возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допускать дальнѣйшій наплывъ германскихъ выходцевъ въ пограничныя губерніи Юго-Западнаго края, гдѣ ихъ, по собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ даннымъ, числилось въ это время уже 53,146 человѣкъ, т. е. вновь прибыло съ 1870 года свыше 26 тысячъ человѣкъ; земли во владѣніи и пользованіи ихъ находилось уже 165,635 десятинъ. Главная масса пришельцевъ по прежнему группировалась въ пограничной Волынской губерніи, гдѣ численность ихъ доходила уже до 40

---

[1]) „Труды этнографическо-старостической экспедиціи въ Западно-Русскій край“. Т. VII, вып. I, стр. 299—300.

тысячъ человѣкъ. Никакихъ мѣръ, однако не было принято, нашествіе продолжалось и въ 1881 году численность иностранцевъ въ Юго-Западномъ краѣ доходила, по собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, до 103,108 человѣкъ т. е. въ шестилѣтіе 1876—1882 г.г. вновь переселилось 49,962 человѣка (въ среднемъ ежегодно переселялось по 8,327 человѣкъ). Площадь ихъ земельнаго владѣнія и пользованія увеличилась къ 1882 году до 552,717. десятинъ, изъ числа которыхъ 400 тысячъ десятинъ находились въ Волынской губерніи (6% или семнадцатая часть всего ея пространства). А численность колонистовъ на Волыни увеличилась къ этому времени до 87,731 человѣка, что составляло уже 4,2% общаго ея населенія.

Въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края въ 1882 году числилось 81,500 поселенцевъ, болѣе половины которыхъ (до 45 тысячъ человѣкъ) группировалось въ пограничной Ковенской губерніи, что составляло 3,5% ея населенія. Всего, такимъ образомъ, въ пограничныхъ нашихъ западныхъ губерніяхъ въ 1882 году было уже *184,600* нѣмецкихъ поселенцевъ.

Это заставило, наконецъ, спохватиться правительство, но изданный въ 1887 году законъ, воспретившій иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать вновь земли въ двадцати двухъ губерніяхъ западной и юго-западной Россіи, къ сожалѣнію, уже запоздалъ. Да все равно онъ и не могъ остановить иноплеменнаго нашествія, такъ какъ дѣйствіе его ограничивается лишь иностранными подданными; такимъ образомъ, принимая русское подданство, нѣмцы совершенно парализуютъ его дѣйствіе. Вообще эта первая (и увы—послѣдняя до сего времени) попытка съ нашей стороны оградить западныя окраины отъ дальнѣйшаго нѣмецкаго заполоненія оказалась безуспѣшной. Мирное завоеваніе какъ этихъ окраинъ, такъ и южныхъ губерній, продолжалось невозбранно, и вотъ тѣ результаты, съ которыми теперь приходится считаться:

Въ Привислянскомъ краѣ нѣмцевъ 497 тысячъ человѣкъ. Въ Юго-Западномъ краѣ (губерніи Кіевская, Волынская и Подольская)—232 тысячи, и въ Сѣверо-Западномъ краѣ (губерніи Виленская, Ковенская и Гродненская)—40 тысячъ.

Итого въ шестнадцати западныхъ и привислинскихъ губерніяхъ, непосредственно соприкасающихся съ Германіей и Австріей, *769 тысячъ германскихъ колонистовъ.*

Это, однако, не весь нашъ приграничный районъ, смежный съ Германіей и Австріей. Къ этому нужно еще присоединить:

Новороссійскій край (губерніи Бессарабская Херсонская, Таврическая и Екатеринославская), почти весь (за исключеніемъ одной Екатеринославской губерніи) приграничный частью съ Австріей (Бессарабская губернія). Здѣсь нѣмцевъ (частью поселившихся ранѣе семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, частью-же привселившихся въ позднѣйшую эпоху) 436 тысячъ человѣкъ.

Прибалтійскій край (губерніи Эстляндская, Лифляндская и Курляндская), смежный съ Германіей, въ которомъ 190 тысячъ нѣмцевъ,—и, наконецъ, Петербургскую губернію, въ которой 93 тысячи нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, во всемъ западномъ (смежномъ съ Германіей) и юго-западномъ (смежномъ съ Австріей) приграничномъ районѣ Россіи безъ малаго *полтора милліона*, *именно 1,488 тысячъ нѣмцевъ*, изъ которыхъ болѣе 1,300 тысячъ (за исключеніемъ коренныхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ) —выходцы изъ Германіи и въ значительной части даже ея подданные. Вотъ какой авангардъ имѣетъ Германія въ Россіи!

Это такая численность, которая не можетъ не обращать на себя вниманія Русскихъ людей и не вызывать въ нихъ чувства безпокойства. Вѣдь эти двадцать губерній составляютъ въ высшей степени важный, по своему политическому и стратегическому значенію, районъ отдѣляющій Русь отъ враждебной ей Европы и должный служить для насъ оборонительнымъ базисомъ противъ завоевательныхъ стремленій чужеземцевъ. Въ районъ, гдѣ и безъ того русская государственность далеко не крѣпко утверждена, и гдѣ огромная масса народонаселенія, не принадлежа къ Русской національности, и такъ не питаетъ должныхъ чувствъ вѣрности и преданности Россіи, въ этотъ-то районъ мы допустили *полтора милліона* чуждаго и враждебнаго намъ пришлаго, извнѣ присланнаго къ намъ элемента. Мы простодушно пріютили въ своей пограничной полосѣ цѣлый полутора милліонный германскій авангардъ, сороковую часть народа,

вооруженнаго съ ногъ до головы и ежеминутно готоваго вторгнуться въ тѣ именно края, въ которыхъ, подъ видомъ „колонизацій“, уже находится его авангардъ.

Въ послѣдніе годы въ газетахъ то и дѣло извѣщается о переселеніяхъ крестьянъ западныхъ губерній въ Сибирь и на Амуръ. Это переселеніе (русскихъ крестьянъ) приняло уже широкіе размѣры.

Такимъ образомъ коренное населеніе выселяется и уходитъ въ отдаленныя области государства, здѣсь же, въ западномъ приграничномъ районѣ, гдѣ нужно не ослабленіе, а напротивъ усиленіе русскаго элемента,—исконныя русскія земли достаются мирному завоеванію чуждыхъ и враждебныхъ пришельцевъ. А задумай государство усилить здѣсь земледѣльческій русскій элементъ, для поселеніи его не оказывается свободныхъ земель, какъ это мы и видѣли въ Сѣверо-Западномъ краѣ!

Нигдѣ, конечно, ни въ какомъ другомъ государствѣ немыслимо подобное явленіе. Только мы съ нашимъ простодушіемъ и фальшивымъ „либерализмомъ“ могли не только допустить столь массовое нашествіе въ страну иноплеменныхъ, но и сами устраивать ихъ у себя, надѣлять землями, предоставлять всяческія преимущества, освобождать отъ повинностей, которыя несетъ коренное населеніе. Теперь эти пришельцы, разжирѣвъ на русскихъ хлѣбахъ, пріумноживши и почувствовавъ почву подъ ногами тѣснятъ и гнутъ нашего же меньшого брата, русскаго мужика, гнутъ и матеріально и духовно (штунда), и, наконецъ, вовсе уже вытѣсняютъ его съ родной земли.

Но кромѣ полуторамилліоннаго авангарда, расположеннаго въ нашемъ приграничномъ районѣ, Германія имѣетъ въ Россіи и свой, то-же внушительный, находящійся въ тылу у насъ, резервъ, въ видѣ многочисленныхъ колоній на Волгѣ (Самарская и Саратовская губерніи), въ Донской области и на Кавказѣ, которыя также уже соединены, чрезъ посредство южныхъ колоній, съ западнымъ приграничнымъ райономъ, составляя вмѣстѣ цѣлый германскій Vaterland въ Россіи. Въ губерніяхъ Саратовской и Самарской 487 тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ, выходцевъ изъ Германіи; въ Донской области—46 тысячъ, и на Сѣверномъ Кавказѣ—49 тысячъ, а всего—*582 тысячи*. Кромѣ того, нѣ-

мецкія колоніи (и не единичныя) существуютъ еще въ Витебской, Могилевской, Минской, Черниговской, Курской, Харьковской, Воронежской и другихъ губерніяхъ, въ Закавказьѣ и другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Но мы ихъ въ расчетъ уже не беремъ.

Такимъ образомъ всего—съ резервомъ—*Германія имѣетъ въ Россіи свыше двухъ милліоновъ (2,070 тысячъ) колонистовъ.* Эта численность (по даннымъ 1908 года) постоянно увеличивается какъ отъ естественнаго прироста, такъ и отъ новыхъ привселеній, продолжающихся безпрерывно.

Для болѣе рельефнаго изображенія картины нѣмецкаго заполоненія нашихъ западныхъ окраинъ приводимъ цифровыя данныя по губерніямъ съ показаніемъ общаго ихъ населенія, численности нѣмецкаго элемента и процентнаго отношенія его къ первому [1]):

Губерніи (курсивомъ обозначены пограничныя)	общее населеніе (въ тысячахъ)	численность германскаго элемента	% отношеніе его къ общ. населенію	т. е. на 1000 жителей приходится нѣмцевъ
Волынская	3,691	210	5,7	57
Ковенская	1,720	24	1,4	14
Гродненская	1,904	12	0,6	6
Кіевская	4,355	18	0,4	4
Виленская	1,861	4	0,2	2
Подольская	3,605	4	0,1	1
	17,136	272	1,6	16

Такимъ образомъ, мы видимъ, что главная масса нѣмецкихъ поселенцевъ Западнаго края сосредоточена въ пограничныхъ губерніяхъ его Волынской и Ковенской, составляя въ нихъ до девятнадцатой части всего населенія (Волынская губернія).

Въ Привислянскомъ краѣ по губерніямъ германскій элементъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Эта и всѣ слѣдующія таблицы составлены по послѣднимъ даннымъ официальной статистики, именно—„Ежегодникъ Россіи“ 1908 года.

Губерніи (курсивомъ обозначены пограничныя)	общее населеніе	численность германскаго элемента	% отношеніе его къ общему населенію	т. е. на 1000 жителей приходится нѣмцевъ
	(въ тысячахъ			
Петроковская	1,752	186	10,6	106
Калишская	1,028	75	7,3	73
Плоцкая	635	41	6,5	65
Сувалкская	644	34	5,2	52
Варшавская	2,361	95	4	40
Люблинская	1,414	33	2,3	23
Сѣдлецкая				
Радомская	975	11	1,1	11
Ломжинская	671	5	0,8	8
Кѣлецкая	941	3	0,3	3
	11,361	497	4,3	43

Такимъ образомъ, и въ Привислянскомъ краѣ, также какъ въ Западномъ, главная масса нѣмцевъ сосредоточена въ пограничныхъ (съ Пруссіей) губерніяхъ—Петроковской, Калишской, Плоцкой и Сувалкской, составляя въ нихъ *до девятой* (*почти*) части всѣхъ жителей (Петроковская губернія).

Въ остальныхъ губерніяхъ западнаго приграничнаго района и въ юго-западномъ углу его картина мирнаго внѣдрѣнія Германіи въ Россію представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Губерніи (курсивомъ обозначены пограничныя)	общее населеніе	численность германскаго элемента	% отношеніе его къ общему населенію	т. е. на 1000 жителей приходится нѣмцевъ
	(въ тысячахъ)			
Лифляндская	1,432	110	7,7	77
Курляндская	727	55	7,6	76
Эстляндская	460	25	5,4	54
Петербургская	2,740	93	3,4	34
	5,359	283	5,4	53
Таврическая	1,790	97	5,4	54
Херсонская	3,348	154	4,6	46
Екатеринославская	2,869	112	3,9	39
Бессарабская	2,345	73	3,1	31
	10,352	436	4,2	42
Всего въ восьми губерніяхъ	15,711	719	4,6	46

Наконецъ, нижеслѣдующая таблица даетъ картину расположенія германскаго резерва, находящагося у насъ въ тылу:

Губерніи	общее населеніе	численность германскаго элемента	% отношеніе его къ общему населенію	т. е. на тысячу жителей приходится нѣмцевъ
	(въ тысячахъ)			
Самарская	3,428	281	8,2	82
Саратовская	2,989	206	6,9	69
Донская область . . .	3,259	46	1,4	14
Сѣверный Кавказъ . .	4,671	49	1,1	11
	14,347	582	4,1	41

Еще рельефнѣе обрисуется картина „мирнаго завоеванія“ Нѣмцами нашихъ западныхъ окраинъ и явственнѣе выступитъ та опасность, какую представляетъ для Россіи эта народившаяся у насъ Ново-Германія, когда мы изъ общей массы народонаселенія ихъ исключимъ всѣ тѣ не русскіе элементы, которые не только не способствуютъ укрѣпленію здѣсь русской государственности, но, напротивъ, всегда готовы еще противостоять ей и дѣйствовать объ руку съ грозною и враждебною намъ силой германизма. Элементы эти составляютъ, въ общемъ, весьма значительный процентъ народонаселенія нашего западнаго приграничнаго района, въ Привислинскихъ же, Балтійскихъ, губерніяхъ они являются даже большинствомъ, занимая господствующее—въ отношеніяхъ и численномъ и нравственномъ—положеніе.

Такимъ образомъ, чтобы получить вполнѣ представленіе о дѣйствительныхъ значеніи и опасности, какія представляетъ для насъ наша доморощенная Германія, необходимо сопоставить численность пришаго нѣмецкаго элемента этихъ окраинъ съ ихъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, что и дѣлается въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Губерніи (курсивомъ обозначены пограничныя)	обсолютная численность (Въ тысячахъ)		% отношеніе къ общему населенію		Принимая русское населеніе за единицу, получаемъ отношеніе къ нему нѣмцевъ какъ:
	Русскихъ	Нѣмцевъ	Русскихъ	Нѣмцевъ	
Петроковская	28	186	1,6	10,6	1,7
Калишская	11	75	1,1	7,3	7
Плоцкая	20	41	3,2	6,5	2
Курляндская	36	55	5	7,6	1,5
Лифляндская	77	110	5,4	7,7	1,4
Эстляндская	23	25	5,1	5,4	1,1
Сувалкская	46	34	7,2	5,2	0,75
Варшавская	130	95	5,5	4	0,75
Радомская	15	11	1,5	1,1	0,7
Кѣлецкая	10	3	1,1	0,3	0,3
Ломжинская	37	5	5,5	0,3	0,15
Люблинская	307	33	21,8	2,3	0,1
Сѣдлецкая	208	14	22,1	1,5	0,07
	998	687	7,1	4,9	0,7

Наконецъ, для полной ясности, приводимъ соотношеніе нѣмецкаго и русскаго элементовъ на тысячу жителей вообще и на тысячу только русскаго населенія, причемъ обращаемъ особое вниманіе читателя на послѣднюю графу нижеслѣдующей таблицы:

Губерніи (пограничныя обозначены курсивомъ)	На тысячу жителей вообще приходится		На тысячу русскихъ приходится нѣмцевъ
	Русскихъ	Нѣмцевъ	
Калишская	11	73	6820
Петроковская	16	106	6650
Плоцкая	32	65	2050
Курляндская	50	76	1520
Лифляндская	54	77	1420
Эстляндская	51	54	1055
Радомская	15	11	735
Варшавская	55	40	730
Сувалкская	72	52	725
Кѣлецкая	11	3	270
Ломжинская	55	8	150
Люблинская	218	23	106
Сѣдлецкая	221	15	70
	71	49	690

Изъ этихъ таблицъ оказывается, что въ то время когда русскій элементъ въ приграничныхъ, особенно Привислянскихъ губерніяхъ, считается едва тысячами человѣкъ, составляя во многихъ едва одинъ—два процента, т. е. сотую часть всего населенія—численность пришлаго германскаго элемента достигаетъ громадныхъ размѣровъ, составляя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Петроковская) болѣе десятой части всѣхъ жителей. Въ шести (изъ тринадцати) губерніяхъ Западнаго приграничнаго района нѣмецкое населеніе превышаетъ русское въ два, три и болѣе разъ, въ двухъ-же губерніяхъ (Петроковской и Калишской) *Нѣмцевъ въ семь разъ больше, чѣмъ Русскихъ!* Это значитъ, что на каждаго Русскаго въ Петроковской и Калишской губерніяхъ приходится по семи Нѣмцевъ, въ Плоцкой губерніи два и т. д. И все это пограничныя съ Германіей губерніи!

Привислянскія губерніи, находящіяся у самаго Германскаго рубежа, въ отношеніи германизаціи далеко, оказывается, превзошли уже даже Балтійскія губерніи, которыя принято даже считать (совершенно неосновательно, какъ это видно изъ нашихъ таблицъ) нѣмецкими губерніями! Просто диву даешься, глядя на эту чудовищную картину „мирнаго завоеванія!“ Какъ могли мы проглядѣть все это и допустить невозбранно то, чего и въ сотой долѣ не потерпѣли бы у себя эти же самые Нѣмцы?..

Достаточно только припомнить что районъ этотъ—пограничный съ Германіей и Австро-Венгріей, что весь контингентъ его „мирныхъ завоевателей“—колонистовъ составляютъ выходцы изъ Германіи, чтобы понять, какимъ существеннымъ образомъ затрогиваются этою „колонизаціей“ государственные интересы Россіи, и насколько угрожающее значеніе имѣетъ она здѣсь.

Извѣстны притязанія Нѣмцевъ на Балтійскій край, который намъ пришлось недавно какъ бы вновь отвоевывать у нихъ. Что же мудренаго, если нынѣ Германія заявитъ, при случаѣ, свои притязанія и на Привислинскія и Западныя губерніи, изъ которыхъ нѣкоторыя уже болѣе заполнены Нѣмцами и германизованы, чѣмъ Балтійскія губерніи?

II.

Значеніе и назначеніе нашихъ германскихъ колоній.

Взглянувъ на карту Россіи и обративъ вниманіе на районъ, охваченный нѣмецкою колонизаціей, трудно, невозможно допустить чтобы „колонизація“ эта представляла собой явленіе случайное, лишенное строго-выработанной системы и плана.

Невольно обращаетъ на себя вниманіе дислокація германскихъ колоній. Начинаясь у германскаго рубежа, цѣпь колоній тянется вдоль всей австрійской границы въ предѣлахъ Юго-Западнаго края и Бессарабской губерніи, упираясь здѣсь въ Румынскую границу и особенно сгущаясь въ Волынской губерніи (свыше 200 тысячъ колонистовъ). Затѣмъ, цѣпь колоній входитъ въ районъ южныхъ губерній (Херсонская, Екатеринославская и Таврическая). Чрезъ посредство довольно многочисленныхъ колоній въ области Войска Донского (46 тысячъ колонистовъ), Кубанской области (28 тысячъ колонистовъ) и Ставропольской губерніи (14 тысячъ), это южное полукольцо соединилось съ Волжскимъ тыловымъ центромъ.

Съ другой стороны, цѣпь германскихъ колоній тянется вдоль всей германской границы (лѣвобережныя губерніи Привислинскаго края) затѣмъ входитъ въ Сѣверо-Западный край, гдѣ особенно сгущается въ пограничной Ковенской губерніи (24 тысячи колонистовъ), и, соединяясь съ одной стороны—съ Прибалтійскимъ краемъ, съ другой стороны тянется къ Петербургу, который окруженъ германскими колоніями.

Наконецъ, въ третьемъ направленіи, цѣпь германскихъ колоній отъ прусской границы (Ковенская губернія) тянется къ Москвѣ (по губерніямъ Гродненской, Минской, Могилевской и Смоленской), въ которыхъ свыше 50 тысячъ нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, германскія колоніи тянутся отъ германской и австрійской границъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ—къ Кіеву, Петербургу и Москвѣ, т. е. по важнѣйшимъ стратегическимъ путямъ.

Уже одинъ фактъ, что германскіе колонисты не ищутъ у насъ дешевыхъ земель и удобнаго разселенія, а группируются въ Западномъ нашемъ приграничномъ районѣ, гдѣ цѣны на землю сравнительно очень высоки, особенно въ Привислянскомъ краѣ, и гдѣ густота населенія представляетъ неудобства для колонизаціи,—уже одинъ этотъ фактъ указываетъ, что колонизація эта представляетъ явленіе не случайное. Существуютъ, несомнѣнно, причины и основанія, побуждающія колонистовъ, высылаемыхъ Германіей пренебрегать соображеніями экономическаго разсчета, но пріобрѣтать осѣдлость въ нашемъ Западномъ приграничномъ районѣ. Здѣсь имъ приходится платить до 300 рублей за десятину земли, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ столь любезной имъ Россіи они могли бы пріобрѣтать для своей осѣдлости землю за половинную цѣну, а въ Азіатской Россіи и много дешевле. Нѣмцы—народъ разсчетливый и практичный; если они столь явно пренебрегаютъ въ данномъ случаѣ соображеніями экономическаго разсчета,—несомнѣнно у нихъ имѣются на это иныя соображенія и разсчеты.

Очевидно становится, что „колонизація“ эта преслѣдуетъ цѣль правильнаго и прочнаго населенія нашихъ смежныхъ съ Германіей и Австріей западныхъ окраинъ, что такимъ образомъ, Нѣмцы являются у насъ не простыми колонистами, ищущими только пріюта и пропитанія.

На политическій и военностратегическій характеръ нашей нѣмецкой колонизаціи не разъ уже обращалось вниманіе. Еще въ 1881 году штабомъ Кіевскаго военнаго округа (во главѣ котораго стоялъ тогда извѣстный генералъ Косичъ, впослѣдствіи помощникъ командующаго войсками того-же округа) было обращено вниманіе на нѣмецкую колонизацію, охватившую главнымъ образомъ приграничный районъ. По свидѣтельству генерала Косича, „наплывъ нѣмецкихъ поселеній въ Юго-Западномъ краѣ далъ основаніе предполагать, что все это идетъ систематически и поддерживается германскимъ правительствомъ, что у насъ организуется и обучается цѣлое германское воинство. Русскіе зря бѣгутъ въ негостепріимную Сибирь, а старинныя русскія земли, съ умѣреннымъ климатомъ и большими почвенными богатствами, достаются мирному завоеванію „нѣмецкихъ колонистовъ“.

Чтобы наглядно изобразить военно-стратегическій и политическій характеръ нѣмецкой колонизаціи, была составлена (штабомъ Кіевскаго военнаго округа) карта нѣмецкихъ поселеній съ графическимъ изображеніемъ распредѣленія ихъ по краю. Карта была представлена по начальству и, по словамъ генерала Косича, „произвела большое впечатлѣніе“ [1]). Результатомъ этого явились ограничительныя законоположенія относительно иностранцевъ въ губерніяхъ Западнаго и Привислянскаго краевъ. Законоположенія эти, къ несчастью, оказались не соотвѣтствующими той цѣли, какая имѣлась ими въ виду,—цѣли огражденія западныхъ окраинъ нашихъ смежныхъ съ Германіей и Австріей, „отъ мирнаго завоеванія“ ихъ со стороны этихъ смежныхъ государствъ.

Въ послѣдующее время предположенія, высказанныя въ 1881 году, о политическомъ и стратегическомъ характерѣ нѣмецкой колонизаціи, получили болѣе твердыя основанія. Выяснено, напримѣръ, что къ намъ переселяются изъ Германіи не только дѣйствительно-нуждающіеся у себя дома германскіе земледѣльцы, гонимые только нуждой и порывающіе въ силу этого, послѣ переселенія, всякую связь съ оставленною родиной, но въ большинствѣ случаевъ заживточные люди, даже капиталисты, систематически скупающіе огромныя земельныя пространства и заселяющіе ихъ цѣлыми арміями колонистовъ. Переселяясь преимущественно въ пограничныя области Россіи и обособляясь совершенно отъ всего русскаго, они не прерываютъ прочной связи своей съ Германіей, сынами которой остаются даже и послѣ того какъ принимаютъ русское подданство, то-есть натурализуются русскими гражданами. На такія случаи въ Германіи, какъ оказалось, существуетъ даже особый законъ—*о двойномъ подданствѣ*. Этимъ закономъ (1 іюня 1870 года), принятіе германскими подданными подданства другого государства не исключаетъ ихъ первоначальнаго и, такъ сказать, основного подданства, германскаго. Проживающимъ въ другихъ государствахъ Нѣмцамъ закономъ 1 іюня 1870 г. разрѣшается принятіе чужого подданства, если это представляется имъ выгоднымъ, но этимъ подданство ихъ Германіи и связь съ нею не прерываются и они не освобождают-

[1]) См. письмо А. И. Косича въ „Новомъ Времени“ 1896 года, № 7,130.

ся отъ гражданскихъ обязанностей передъ нею, буде то потребуется.

Какъ мало значенія придается въ Германіи иностранному подданству германскихъ Нѣмцевъ, т. е. двойному подданству,—показалъ случай, бывшій въ прусскомъ ландтагѣ. Одинъ изъ членовъ его, именно фонъ-Зандекъ, оказался русскимъ подданнымъ; имъ онъ сдѣлался живя раньше въ Россіи. Такъ какъ иностранцы не могутъ быть парламентскими депутатами, то нѣкоторыми депутатами былъ сдѣланъ запросъ предсѣдателю ландтага. Послѣдній далъ вполнѣ успокоительныя объясненія: фонъ-Зандекъ—законный депутатъ, такъ какъ, хотя имъ было принято въ Россіи русское подданство, германскимъ подданнымъ онъ не переставалъ быть и связи съ Германіей не утрачивалъ.

Такимъ образомъ, наши нѣмецкіе колонисты, принявшіе русское подданство, остаются и германскими подданными, и связи съ Германіей не утратили. Они, и живутъ у насъ совершенно обособленно. А мы считаемъ ихъ подданными Россіи,—не только считаемъ, но и считаемся съ этимъ! Значительная часть колонистовъ (около 35%), впрочемъ, досихъ поръ даже и отъ формальнаго только (чтобы не сказать, фиктивнаго) подданства Россіи уклоняется.

При внимательномъ обзорѣ районовъ, охваченныхъ нѣмецкою колонизаціей, поражаетъ не столько еще то, что германскими поселеніями оцѣплено все протяженіе нашихъ, австрійской и германской границъ, сколько то, болѣе еще существенное обстоятельство, что *пришлыми изъ Германіи нѣмецкими выходцами заняты всѣ почти стратегическіе пути и пункты* нашихъ западныхъ окраинъ.

Въ Юго-Западномъ краѣ главная цѣпь нѣмецкихъ колоній (которыхъ въ краѣ до 800, изъ нихъ свыше 700 на Волыни) тянется вдоль Кіево-Брестскаго шоссе, Полѣсскихъ (Ровно-Лунинецъ) и Юго-Западныхъ (Ковель-Казатинъ) желѣзныхъ дорогъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ важныхъ стратегическихъ путей германскія колоніи тянутся почти непрерывающейся цѣпью, отъ которой идутъ развѣтвленія вдоль другихъ военно-транспортныхъ дорогъ: Ровно-Дубно, Луцкъ-Дубно-Кременецъ, Ковель-Владиміръ-Волынскъ, Ровно-Домбровица и др. Вдоль этихъ путей расположено болѣе двухъ третей всѣхъ колоній. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ ми-

нувшаго столѣтія были устроены укрѣпленные лагери въ Дубно, Ровно и Луцкѣ, масса земель въ этомъ приграничномъ треугольникѣ была скуплена нѣмцами и заселена колонистами изъ Германіи. Возлѣ крѣпости Дубно (нынѣ упраздненной) образовалось даже цѣлое нѣмецкое царство Keneberg, на 10,000 десятинъ, купленныхъ у князя Любомірскаго берлинской компаніей Вильгельмъ Кене и Бергъ, съ 4 тысячами колонистовъ, лѣсопильными заводами и даже съ собственной желѣзной дорогою въ Дубно. Важный стратегическій пунктъ—мѣстечко Рожище (близъ крѣпости Луцкъ) возлѣ котораго желѣзнодорожный мостъ и переправа чрезъ рѣку Стырь, тоже оказался окруженнымъ нѣмецкими колонистами.

Трудно допустить, чтобы онѣ создались случайно. На такія же „случайности“ мы наталкиваемся и въ другихъ приграничныхъ районахъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ главная масса нѣмецкихъ поселенцевъ сгруппировалась тоже въ пограничной съ Пруссіей Ковенской губерніи. Здѣсь въ восьмидесятыхъ годахъ также сооружена первоклассная крѣпость Ковно: будетъ или нѣтъ война съ Германіей, а сооруженная здѣсь противъ нея крѣпость уже *занята* нѣмцами. Вокругъ крѣпости, въ Ковенскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ свыше 12,000 нѣмцевъ. Не только въ городѣ, но даже въ самомъ крѣпостномъ районѣ—между фортами, лагеремъ и желѣзнодорожнымъ мостомъ (черезъ Нѣманъ)—находится девять фабрикъ и заводовъ, которые всѣ принадлежатъ нѣмцамъ; на этихъ фабрикахъ и заводахъ до 2,000 рабочихъ и почти всѣ нѣмцы. Нѣсколько нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ съ нѣмецкими рабочими находится и въ городѣ Ковно. Такая-же дислокація германскихъ колонистовъ и въ Привислянскомъ краѣ, о чемъ подробно рѣчь будетъ далѣе.

Обращаетъ на себя также вниманіе множество нѣмцевъ-бродягъ, которые, съ котомками за плечами, вдоль и поперекъ постоянно колесятъ нашъ западный и юго-западный приграничный районъ. Являясь къ намъ подъ видомъ мелкихъ торгашей-коробейниковъ, они бродятъ изъ села въ село, изъ города въ городъ, входятъ всюду въ сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, знакомятся съ условіями каждой мѣстности, детально изучаютъ пути сообщенія. Все это здоровые, молодые люди. Торговля ихъ сводится къ нулю; у

всѣхъ у нихъ одни и тѣ же товары: картинки, иллюстраціи, мелкій домашній скарбъ, побрякушки и т. п. Все это не сулитъ имъ, очевидно, бойкой торговли, особенно если принять во вниманіе, что больше времени у нихъ уходитъ не на торговлю, а на хожденіе. Да и всего то товара въ коробѣ едва-ли наберется рублей на 50—60.

Очевидно, не коммерческія соображенія водятъ ихъ по пограничнымъ и сосѣднимъ съ ними губерніямъ западной и юго-западной Россіи. Въ прежнее время, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и при вольной жизни помѣщиковъ, такіе коробейники, извѣстные подъ именемъ „венгерцевъ“, дѣйствительно торговали довольно бойко, разнося болѣе цѣнные товары (бѣлье, полотно, зеркала и т. п.). Теперь съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и развитіемъ мѣстной торговли, эти товары не могутъ уже находить себѣ сбыта; теперь нѣтъ и половины прежняго числа помѣщиковъ, прочіе же обѣднѣли и все нужное для своего домашняго обихода пріобрѣтаютъ на мѣстѣ, въ магазинахъ и лавкахъ, въ изобиліи существующихъ не только въ городахъ, но даже и въ мѣстечкахъ. Прежнихъ „венгерцевъ“ подъ именемъ которыхъ торговали чаще Словаки, теперь и не видно: они исчезли за отсутствіемъ дѣлъ. Подъ видомъ этихъ „венгерцевъ“ появились нѣмцы изъ Германіи и изъ Австріи, шныряющіе по нашему приграничному району безо всякихъ видимыхъ цѣлей, безо всякаго, повидимому, смысла. Вы встрѣтите ихъ на всемъ пространствѣ отъ Западной Двины до Днѣпра. Число ихъ, повидимому, значительно; на нихъ вы часто наталкиваетесь, причемъ вотъ что давно замѣчено мѣстными жителями: каждый такой „венгерецъ“ имѣетъ свой опредѣленный районъ; точнѣе, каждая губернія имѣетъ опредѣленный и постоянный штатъ нѣмцевъ-бродягъ, которые изъ года въ годъ исхаживаютъ ее по всѣмъ направленіямъ и, благодаря этому, знаютъ всѣ закоулки, всѣ мельчайшія тропинки „своей“ губерніи. Но этимъ личнымъ знакомствомъ съ мѣстностью таинственные коробейники далеко не довольствуются; проѣзжая по шоссейнымъ и проселочнымъ дорогамъ губерній нашего западнаго приграничнаго района, нерѣдко можно увидѣть одного или нѣсколькихъ германскихъ или австрійскихъ „коробейниковъ“ сидящихъ нѣсколько въ сторонкѣ и рисующихъ или записывающихъ

что то въ своихъ записныхъ книжкахъ; чаще это приходится наблюдать при въѣздѣ въ городъ, возлѣ какого-нибудь моста, на рѣкѣ или озерѣ, на опушкѣ лѣса и т. п. Если-бы вздумалось кому-либо изъ мѣстной администраціи заглянуть когда-нибудь въ тщательно запрятанныя въ голенищахъ записныя книжки этихъ бродячихъ коробейниковъ,—сразу, быть можетъ, объяснились бы тѣ намѣренія и цѣли съ которыми они являются къ намъ и исхаживаютъ нашъ приграничный районъ—театръ возможной въ будущемъ войны. Во всякомъ случаѣ нѣмцы-бродяги, являющіеся изъ Германіи и Австріи подъ видомъ коробейниковъ и подъ именемъ „венгерцевъ“, представляютъ собою подозрительный и нежелательный элементъ. Очень вѣроятно, что они являются къ намъ со спеціальною задачей—детально изучать западный и юго-западный приграничный районъ. Это хожденіе у насъ съ товарами засчитывается даже имъ, какъ увѣряютъ, въ отбываніе воинской повинности и затѣмъ, по возвращеніи на родину, они числятся на лучшемъ счету въ военной службѣ. Насколько отвѣчаетъ это дѣйствительности—не знаемъ. Несомнѣнно, однако, что, исколесивъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ наши западныя и юго-западныя окраины, зная всѣ ихъ проходы и выходы,—каждый такой „венгерецъ“, германскаго или австрійскаго происхожденія, можетъ, конечно, явиться въ послѣдствіи прекраснымъ проводникомъ и переводчикомъ для непріятельской арміи.

Въ правительственныхъ сферахъ уже обращалось и неоднократно вниманіе на этихъ бродягъ. Такъ, еще въ 1882 году состоялось распоряженіе бывшаго тогда министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева, о безусловномъ воспрещеніи иностраннымъ подданнымъ заниматься въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ мелочною торговлей въ разносъ и объ удаленіи такихъ торговцевъ за-границу. Распоряженіе это состоялось по представленію мѣстной высшей администраціи, которая необходимость указанной мѣры обусловливала прежде всего соображеніями политическаго свойства. Но, какъ сплошь и рядомъ бываетъ, распоряженіе графа Н. П. Игнатьева съ теченіемъ времени забылось, и окраины наши вновь наводнились коробейниками германскаго и австрійскаго происхожденія. Чрезмѣрный наплывъ ихъ вновь заставилъ мѣстную администрацію поднять во-

просъ о неудобствахъ нашего гостепріимства въ отношеніи къ иностраннымъ бродягамъ. Вопросъ былъ поднятъ бывшимъ Черниговскимъ губернаторомъ А. К. Анастасьевымъ, по представленію котораго состоялось въ началѣ девятидесятыхъ годовъ новое распоряженіе о воспрещеніи иностраннымъ подданнымъ разносной торговли. Къ сожалѣнію, это распоряженіе такъ же осталось безъ послѣдствій, какъ и первое. Въ роли коробейниковъ явились тѣ же нѣмцы, только уже русскими подданными, что, при существованіи въ Германіи закона о двойномъ подданствѣ, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла.

Въ Австріи и Германіи запрещено ходить русскимъ коробейникамъ, и вы ихъ не увидите тамъ, потому что ихъ не пустятъ туда. У насъ тоже какъ будто запрещено хожденіе германскимъ и австрійскимъ коробейникамъ, но они преисправно исхаживаютъ западный пограничный районъ нашъ! Нѣмцы зорко и ревниво блюдутъ свои интересы, мы-же самымъ небрежнымъ образомъ относимся къ своимъ существеннѣйшимъ интересамъ.

Въ рукахъ нѣмцевъ на западныхъ окраинахъ нашихъ оказываются не только земли, города, (какъ Лодзь, Сосновица и др.), капиталы, промышленность, коммерція и т. д., но и наши стратегическіе пути. Германія не только предусмотрительно утвердила здѣсь свои колоніи, но и овладѣла—такимъ-же „мирнымъ“ путемъ—нашими желѣзными дорогами, служащими звеньями соединенія и сообщенія внутреннихъ областей Россіи съ границей и съ за-границей—Германіей и Австріей, и представляющими, поэтому, первостепенное военно-стратегическое значеніе и важность... для того, конечно, въ чьихъ рукахъ онѣ находятся, кто ими владѣетъ.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать того, что всѣ стратегическіе пути государства должны находиться въ его рукахъ, ибо только тогда они могутъ всегда быть въ его—и только въ его—распоряженіи и отвѣчать всѣмъ требованіямъ государственной обороны. Вездѣ это такъ и есть,—вездѣ, но не у насъ.

Не станемъ уже говорить о томъ, что наши такіе важные стратегическіе пути, какъ Привислинскія желѣзныя дороги: Варшава-Млава (Прусская граница), Варшава-Ковель,

Варшава-Брестъ и Брестъ-Ивангородъ-Граница (Австрійская), а также Юго-Западныя желѣзныя дороги: Брестъ-Бѣлостокъ-Граево (Прусская граница), Брестъ-Кіевъ-Радзивиловъ (Австрійская граница), Кіевъ-Волочискъ (Австрійская граница), Жмеринка-Новоселицы (Австрійская граница), Раздѣльная-Унгени (Румынская граница), Бендеры-Рени (Румынская граница), Кіевъ-Жмеринка-Одесса,—что всѣ эти важнѣйшіе стратегическіе рельсовые пути, хотя и выкуплены давно въ казну, но до сихъ поръ не поступили еще въ русское управленіе оставаясь фактически въ польскихъ рукахъ. Не будемъ также говорить о финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ, связывающихъ столицу государства съ сѣвернымъ побережьемъ Финскаго залива (Петербургъ-Выборгъ-Котка-Гельсингфорсъ), съ Балтійскимъ моремъ (Ганге), съ восточнымъ побережьемъ Ботническаго залива (Або-Николайштадтъ-Якобштадтъ-Карлебю-Брагестадъ-Улеаборгъ-Кеми) и со Шведо-Норвежскою границей (Торнео): это сѣть столь-же важныхъ стратегическихъ путей не только находится въ не-русскихъ рукахъ, не только не выкуплена въ казну (хотя создана при участіи Русской казны), но не состоитъ даже вовсе въ вѣдѣніи Русскаго Министерства Путей Сообщенія, какъ всѣ прочія казенныя и частныя желѣзныя дороги Имперіи.

Но у насъ существуетъ цѣлая сѣть столь же важныхъ стратегическихъ рельсовыхъ путей, которые совсѣмъ находятся въ чужихъ рукахъ, и которыми мы вовсе даже не можемъ,—въ томъ случаѣ, для котораго предназначены стратегическіе рельсовые пути,—пользоваться, такъ какъ ихъ колея не соотвѣтствуетъ (уже) нашей, и потому нашъ подвижной составъ непригоденъ для нихъ. Это—желѣзныя дороги: Варшава-Граница (Австрійская), откуда тотъ же рельсовый путь (той же колеи) идетъ на Краковъ, Одербергъ и Вѣну; Варшава-Александровъ (Германская граница), откуда рельсовый путь идетъ на Торнъ, Бромбергъ, Познань, Франкфуртъ (на Одерѣ), и Берлинъ; Варшава-Калишъ (Германская граница), откуда рельсовый путь идетъ на Бреславль и Берлинъ.

Въ чьихъ же рукахъ находятся, кому принадлежатъ эти важныя стратегическія желѣзнодорожныя линіи?

Мы ихъ считаемъ, конечно, своими. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Онѣ принадлежатъ „Обществу Варшавско-Вѣн-

ской желѣзной дороги". Что-же это за общество? Это не то, что „Общество Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ", „Общество Рязанско-Уральской желѣзной дороги", „Общество Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги" и т. д. „Общество Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги" совсѣмъ другое. Это—не только не русское, но даже вообще не россійское, а иностранное, именно—*германское* Общество,—и, быть-можетъ, даже вовсе не частное... Изъ 99 акціонеровъ его,—65, то-есть двѣ трети, находятся въ Берлинѣ и 12 въ Брюсселѣ всего, значитъ, за границей 77, то-есть болѣе трехъ четвертей акціонеровъ. Изъ остальныхъ 22 акціонеровъ, 18 находятся въ Варшавѣ, 1—въ Вильнѣ и 3 въ Петербургѣ. Изъ общаго числа 23,352 акцій, въ Берлинѣ у 65 акціонеровъ находится 18,372 и въ Брюсселѣ—1,981. Вотъ что представляетъ собою „Общество Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги", вотъ, значитъ, кому принадлежатъ важныя стратегическія линіи на нашей западной окраинѣ Германіи!

Остается только припомнить, что и колея этихъ—Варшавско-Вѣнскихъ и Варшавско-Берлинскихъ—желѣзныхъ дорогъ не наша, а ихняя-же, такъ что мы со своимъ подвижнымъ составомъ не можемъ даже вовсе пользоваться этими дорогами. За то непріятель по этимъ „нашимъ" (sic) стратегическимъ путямъ со своимъ подвижнымъ составомъ можетъ доставлять свои боевыя силы изъ Вѣны и Берлина прямо (безперегрузочно и безпересадочно даже на границѣ) внутрь нашей страны!

Нѣтъ, конечно, надобности объяснять всякому понятную опасность такого положенія нашихъ приграничныхъ стратегическихъ путей. Положеніе ихъ таково, что чужое, сосѣднее государство съ большимъ правомъ, чѣмъ мы, можетъ считать ихъ *своими*, и мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, что въ критическую минуту они будутъ служить намъ, а не противъ насъ.

Сопоставивъ это съ общею картиной „мирнаго завоеванія" нѣмцами нашихъ западныхъ окраинъ, въ которыхъ уже размѣщенъ полуторамилліонный германскій авангардъ, нельзя не признать это опаснѣйшимъ стратегическимъ абсурдомъ, могущимъ оказаться чреватымъ тяжелыми и роковыми послѣдствіями.

Можно ли представить себѣ, чтобы желѣзнодорожные

пути Франціи, ведущіе къ германской границѣ, принадлежали германскому обществу или чтобы въ Германіи желѣзнодорожные пути, ведущіе къ французской или русской границамъ принадлежали французамъ или русскимъ и находились въ ихъ рукахъ? Конечно, это обсолютно невозможно. А у насъ важнѣйшіе стратегическіе пути государства оказываются въ рукахъ... чужого государства, даже безъ войны ведущаго „мирную“ наступательную кампанію противъ насъ и уже успѣвшаго водворить въ нашихъ предѣлахъ цѣлую двухмилліонную армію своихъ „колонистовъ“!

Еще въ 1814 году,—непосредственно послѣ того, какъ Россія спасла и поставила на ноги Германію, разгромленную Наполеономъ, прусскій генералъ Кнезебекъ составилъ записку, представленную министру Штейну, заключавшую въ себѣ проектъ австро-германскаго союза противъ Россіи и гласившую слѣдующее:

„Австрія тѣсно связана съ Пруссіей, которая, желая быть совершенно независимой отъ Россіи, должна развивать свои силы и расширять территорію... Германія получаетъ военную организацію и примыкаетъ къ обоимъ великимъ германскимъ государствамъ (Пруссіи и Австріи). Государства эти стараются усиливать свои арміи и дѣятельно готовятся къ войнѣ. Руководящимъ началомъ политики Австріи, Пруссіи и Германіи, находящихся въ тѣсномъ союзѣ, должно быть правило: не допускать союза между Франціей и Россіей. Союзныя государства (Австрія, Пруссія и Германія) вступаютъ въ соглашеніе съ Турціей и Персіей и на случай войны съ Россіей,—войны, которая въ будущемъ можетъ сдѣлаться неизбѣжной,—стараются возстановить противъ нея и эти государства. Цѣль войны—отторженіе отъ Россіи ея западныхъ окраинъ отъ Балтійскаго моря до Чернаго“.

Нить отъ этого нѣмецкаго клубка съ девизомъ (давно вошедшимъ въ поговорку) „Drang nach Osten“ непрерывно тянется до нашихъ дней. Въ 1854 году, во время крымской кампаніи, прусскій посланникъ Бунзенъ, убѣждая короля Фридриха Вильгельма IV пристать къ коалиціи противъ Россіи, предлагалъ отторгнуть отъ нея Аландскіе острова, Финляндію, прибалтійскія губерніи, Привислинскій край и Новороссію съ Крымомъ.

Франко-прусская война 1870—1871 гг., завершившаяся

объединеніемъ Германіи и расширеніемъ ея владѣній на западѣ, еще болѣе разожгла аппетиты нѣмцевъ серьезно ставшихъ мечтать о расширеніи своихъ владѣній и на востокъ. Извѣстенъ проектъ Гартмана, который, доказывая, что всѣ культурныя и политическія задачи Россіи не въ Европѣ, а въ Азіи, утверждалъ, что Россія не должна вмѣшиваться въ балканскія дѣла и вообще должна быть отброшена на востокъ. Подобно тому, какъ въ концѣ XVIII столѣтія была раздѣлена Польша, Германія съ Австріей должны-де раздѣлить Россію. По проекту этого раздѣла Россіи, составленному Гартманомъ, Финляндія должна отойти къ Швеціи, Бессарабія—къ Румыніи, Привислянскій край—къ Германіи; Прибалтійскій край съ Виленской и Ковенской губерніями должны составить „Балтійское королевство", Юго-Западный же край съ остальной Малороссіей и Новороссіей —„Кіевское королевство". Первое находится подъ протекторатомъ Германіи, послѣднее—Австріи.

Все это были, конечно, только проекты, мечты. Россія была сильна и могущественна, о войнѣ съ ней Германія и Австрія не думали. Но съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, т. е. послѣ объединенія Германіи, начинается „мирное завоеваніе" Россіи нѣмцами: колонизація германскими выходцами нашихъ западныхъ и юго-западныхъ окраинъ, смежныхъ съ Германіей и Австріей. Этотъ „мирный" Drang nach Osten принимаетъ систематическій и какъ бы планомѣрный характеръ.

Если мы вернемся теперь къ проектамъ Кнезебека, Бунзена и Гартмана, то увидимъ, что главныя силы этой „мирной" колонизаціи сосредоточены на тѣхъ именно окраинахъ нашихъ, которыя, по этимъ проектамъ, должны быть отторгнуты отъ Россіи. Онѣ какъ-бы и оккупированы уже Германіей размѣстившей на нихъ свой полутора милліонный авангардъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проложены пути отъ этихъ окраинъ и внутрь Россіи.

Извѣстный въ Германіи профессоръ—экономистъ Рошеръ доказывалъ, что всѣ славянскія земли, въ томъ числѣ и Россія, „раньше или позже должны сдѣлаться достояніемъ великаго Германскаго народа". Другой германскій профессоръ Карлъ Іенчъ выступилъ недавно съ цѣлымъ „ученымъ" , въ которомъ, объясняя, что Россія для совре-

менныхъ Нѣмцевъ представляетъ „ни что иное какъ то, чѣмъ для нашихъ (то есть нѣмецкихъ) предковъ были земли Славянъ къ востоку отъ Эльбы, то есть нашу (нѣмецкую), самою природой намъ предназначенную, страну для колонизаціи“, проповѣдуетъ колоссальный „мирный“ походъ Нѣмцевъ на Россію. Онъ рекомендуетъ „послать въ Россію десять милліоновъ нѣмецкихъ колонистовъ“ и, въ случаѣ если Россія набравшись дерзости, вздумаетъ не пускать ихъ, то силой принудить ее къ этому. „Неужели—восклицаетъ отважный профессоръ,—мы лучше обратимъ наши пушки на то, чтобы уничтожить нашихъ лишенныхъ занятій рабочихъ, нашихъ нѣмецкихъ братьевъ, вмѣсто того чтобы завоевать этими пушками новое поле для работы и неисчислимыя богатства?“

Ошибочно было бы думать, что подобнаго рода проекты считаются въ Германіи только праздною болтовней. Напротивъ, Гартманъ, Рошеръ и Іенчъ являются въ этомъ случаѣ выразителями вожделѣній широкихъ нѣмецкихъ круговъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ вышла анонимная брошюра „Germania triumphans“, въ которой трактуется о „предстоящемъ“ въ первой четверти XX столѣтія раздѣлѣ міра между державами. Къ брошюрѣ приложена и карта уже раздѣленнаго міра. Въ раздѣлѣ этомъ особенно печальная участь ожидаетъ Россію: она остается только за Волгой, всѣ же ея западныя (Балтійскій, Сѣверо-Западный, Привислинскій и Юго-Западный края) и южныя губерніи отходятъ къ Германіи, причемъ всѣ Русскіе переселяются отсюда въ Пруссію, въ качествѣ батраковъ тамошнихъ землевладѣльцевъ и даже крестьянъ, на ихъ же мѣстахъ поселяются нѣмецкіе колонисты. Брошюра читалась въ Германіи съ восторгомъ и вызвала очень много толковъ и разговоровъ.

Не успѣли еще улечься толки по поводу ея, какъ появился на свѣтъ Божій новый проектъ ампутаціи Россіи, помѣщенный въ журналѣ „Preussische jahrbücher“ тоже какого-то анонимнаго политическаго хирурга, скрывшагося подъ псевдонимомъ „Vir Pacificus“. Проектъ этотъ тоже касается измѣненія, въ видахъ „мирнаго“ разрѣшенія всѣхъ существующихъ международныхъ вопросовъ, нынѣшней карты Европы. Измѣненіе

это, конечно, касается и Россіи, отъ которой тоже отрѣзываются всѣ ея западныя окраины, причемъ Юго-Западный край съ Кіевомъ и Черниговомъ отходитъ къ Австріи, а Привислинскій, Сѣверо-Западный и Балтійскій края—къ Германіи.

Все это, конечно, не болѣе какъ мечты. Однако, вотъ что невольно обращаетъ на себя вниманіе: во всѣхъ этихъ „мечтахъ", проявляющихся наружу на протяженіи почти цѣлаго полувѣка, рѣчь обязательно идетъ о присоединеніи къ Германіи тѣхъ именно нашихъ западныхъ областей, которыя въ эти полвѣка подверглись съ ея стороны „мирному завоеванію" и систематически заселяются германскими колонистами.

Теорія объ „естественной" принадлежности Германіи нашихъ западныхъ и юго-западныхъ областей—до Нѣмана и Днѣстра—проводится даже въ такомъ изданіи, какъ извѣстный „Conversation-Lexicon" (Лейпцигское изданіе Брокгауза), гдѣ во главѣ „Нѣмецкій народъ" говорится:

„Естественная область нѣмецкаго народа обнимаетъ бассейны Шельды, Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Эйдера, Прегеля, *Вислы*, *Нѣмана*, а также область Дуная, *Днѣстра*, Верхняго Этча и Тріестскаго залива. Эта область имѣетъ около 30,000 кв. миль пространства. На этой области нѣмецкій народъ двигался съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ со всѣми своими племенами на поле исторіи, но теперь въ этой области государства подъ властію нѣмецкихъ государей занимаютъ едва 24,000 кв. мили".

Такимъ образомъ, „государства подъ властію нѣмецкихъ государей не досчитываютъ въ настоящее время 6,000 кв. миль, составляющихъ „естественную область нѣмецкаго народа". Въ числѣ ихъ области Вислы, Нѣмана и Днѣстра. Во время переселенія народовъ земли эти были наводнены славянами, но „нѣмецкій духъ и нѣмецкій мечъ" стремятся въ теченіе тысячи лѣтъ отобрать вновь эти земли „отцовъ".

Можно-ли, послѣ такихъ „историческихъ" открытій, оспаривать „право" Германіи на наши западныя окраины, которыми она, какъ оказывается, владѣла еще до переселенія народовъ?! Завоеваніе ихъ было-бы только „возвращеніемъ земель отцовъ", хотя и очень древнихъ „отцовъ".

Извѣстный нѣмецкій историкъ К. М. Арндтъ, въ своей

„Исторіи народовъ“, говоритъ о необходимости „освобожденія Польши и Литвы отъ русскаго порабощенія: онѣ должны быть присоединены къ Германіи, русскіе же должны быть отброшены на Востокъ—въ свои географическія границы“.

Рихардъ Беккъ, въ своей извѣстной книгѣ „Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europaeischen Staaten“, указывая, что число нѣмцевъ скорѣе и больше увеличивается въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, чѣмъ въ Балтійскомъ краѣ (что, какъ мы видѣли, вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности), говоритъ: „Изъ общаго обзора мѣста пребыванія нѣмцевъ среди поляковъ выходитъ, что не только часть прежде бывшей области польскаго языка стала дѣйствительно нѣмецкой землей, но что и теперешняя область польскаго языка такъ усѣяна нѣмецкими поселеніями и обывателями, что здѣсь обѣ націи живутъ совмѣстно. Польская народность фактически отдана подъ покровительство нѣмцевъ. Она нуждается въ этомъ покровительствѣ съ тѣхъ поръ, какъ ея политическая самостоятельность уничтожена и Россія задумала уничтожить и ея національное существованіе. Принять на себя это покровительство побуждаетъ нѣмцевъ и общій интересъ, не потому только, что уже теперь въ наполовину окруженномъ прусскими владѣніями Царствѣ Польскомъ, нѣмецкая народность потерпѣла существенное поврежденіе отъ русскихъ мѣропріятій, но потому, что стремленія Россіи направлены къ уничтоженію всякой особой національности и это стремленіе прежде всего направляется на наивыше стоящій культурный народъ (каковымъ себя считаютъ нѣмцы). Оставить сотни тысячъ нѣмцевъ, живущихъ въ Западной Россіи, на волю судебъ было-бы униженіемъ для нѣмецкаго народа, такъ какъ признаніе, что нѣмцы, живущіе внѣ границъ Германіи, могутъ быть забыты ею, было-бы обильнымъ источникомъ національнаго униженія, ибо нѣмецъ не можетъ отказаться отъ своей природы, онъ долженъ идти за-границу. Помимо этого, опасность для нѣмецкаго народа не ограничивается однимъ Царствомъ Польскимъ: отреченіе Германіи отъ нѣмцевъ въ Царствѣ Польскомъ отразилось-бы и на другія области, наконецъ, и на самую нѣмецкую землю. Кто можетъ быть такъ близорукъ, чтобы думать, что разъ удастся Россіи уничтоженіе нѣмцевъ и поляковъ въ Царствѣ Польскомъ

то ворвавшееся туда опустошеніе остановится на берегахъ Древенца, Просны и Прємзы, а не пойдетъ далѣе—въ самую Пруссію?“

Рихардъ Беккъ выводитъ отсюда „общность интересовъ нѣмцевъ и поляковъ“, которые, въ своихъ-же собственныхъ интересахъ (sic) должны соединиться съ Германіей для борьбы съ общимъ врагомъ—Россіей. Соблазнительная перспектива для поляковъ, на дѣлѣ уже испытывающихъ „общность интересовъ съ нѣмцами“ въ Познани!

Яснѣе и откровеннѣе трактуется объ этомъ въ книгѣ „Die Zukunft Polens“, авторъ которой скрылся подъ литерами W. N. „Мы думаемъ съ Рихардомъ Беккомъ,—говоритъ онъ, что ближайшая борьба на Востокѣ будетъ не между поляками и русскими, а между Германіей и Россіей. Нѣмецкая цивилизація и русское варварство бросятся другъ на друга полныя ненависти и военный мечъ рѣшитъ ихъ споръ. Если, какъ мы крѣпко надѣемся, Германія останется побѣдителемъ и, какъ таковой, владѣтелемъ Вислы и Нарева, тогда желѣзный законъ самосохраненія принудитъ насъ сохранить за собой, какъ клейнодъ, эту линію Вислы-Нарева, потому что это единственная стратегическая линія между Германіей и Россіей“.

Такимъ образомъ, Россія будетъ „обрѣзана“ и Царство Польское отойдетъ къ Германіи. Что-же выиграютъ отъ этого поляки, которыхъ такъ хотятъ соблазнить нѣмцы „общностью интересовъ“? А вотъ что: „Мы должны удержать то, что пріобрѣли, и мы не можемъ предоставить полякамъ ничего, кромѣ справедливаго правленія (по образцу и подобію Познани?), безпристрастнаго суда, добросовѣстнаго и бережливаго управленія. Но на самостоятельность государственную на Вислѣ поляки разъ навсегда пусть не расчитываютъ, потому что тамъ, гдѣ единственно природа положила баррикаду между нами и Россіей, и гдѣ единственно лежитъ наша восточная оборонительная линія, мы одни должны и командировать. Зато Германія приметъ нравственную обязанность, насколько возможно, содѣйствовать, чтобы Руппенія (то-есть Малороссія и Бѣлоруссія) стала самостоятельнымъ государствомъ и чрезъ то новымъ отечествомъ для поляковъ“.

Такимъ образомъ, нѣмцы заберутъ Польшу и отъ Россіи и отъ поляковъ,—дабы „спасти“ ихъ національность отъ „уничтоженія“ Россіей, то-есть дабы самимъ дѣйствительно уничтожить ее въ Польшѣ,—и за это предоставятъ имъ (полякамъ) основывать для себя „новое отечество“—въ той же „варварской“ Россіи. Удивительное великодушіе!

Съ этимъ нѣмецкимъ „великодушіемъ“ приходится однако, мириться, потому что, какъ доказываетъ Dr. Альбертъ Шуманъ, въ своей книгѣ „Die Zukunft Deutschlands“, „принципъ національности непримѣнимъ ни къ одной расѣ, кромѣ германской, которая превосходитъ всѣ другія расы въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, изъ чего ясно какъ день (sic), что Германіи, какъ самому могущественному государству Европы, выпала задача германизовать всю Европу“. И она добросовѣстно выполняетъ эту задачу. „Каждый день Пруссія отодвигаетъ нѣмецкій пограничный столбъ на одну пядь къ Востоку. Каждый день славянское населеніе убываетъ въ Пруссіи, а нѣмецкое прибываетъ. Только тогда, когда Пруссія успѣетъ германизовать всю Европу, станетъ міровой монархіей, когда изъ Европы образуется, такимъ образомъ, одно государство,—тогда приблизительно будетъ достигнуто то, о чемъ мечтаетъ международная лига мира, —не то, чтобы достигнутъ былъ вѣчный миръ, но войны станутъ рѣже, короче, менѣе кровавы и варварски. Итакъ, средство сдѣлать войну рѣже, должно быть и есть, это—война“!

Въ самомъ дѣлѣ, когда вся Европа будетъ германизована и изъ нея образуется „одно государство“—германское, —изъ-за чего же воевать? Допуская наше существованіе „въ этнографическихъ границахъ“, нѣмцы, такимъ образомъ, дѣйствительно оказываютъ намъ очень большое великодушіе, такъ какъ другимъ народамъ, особенно славянскимъ, ими и этого не предоставляется...

Впрочемъ, не всѣ нѣмецкіе авторы „обрѣзанія“ Россіи такъ великодушны. К. Францъ, въ своемъ сочиненіи „Die Naturehre des Staates“, рѣшительно ратуетъ за оттѣсненіе Россіи не только за Двину и Днѣстръ, но и далѣе на востокъ—за Уралъ. „Россія,—говоритъ онъ,—не имѣетъ ничего общаго съ цивилизованнымъ міромъ... Съ тѣхъ поръ, какъ геніальный полуварваръ Петръ I похитилъ императорскій титулъ и обличье европейской монархіи, Россія стала

вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла, не будучи нравственно заинтересована ни въ одномъ и ни въ чемъ". „Какъ допустить,—восклицаетъ К. Францъ,—чтобы полуазіатское государство, съ его попами, чиновниками, казаками и татарами, не только выставлялось на границѣ Запада, но и глубоко входило въ него и старалось оторвать то, что основалъ этотъ Западъ и запечатлѣлъ печатью своего духа,—оторвать и сдѣлать восточнымъ? Или мы хотимъ до того дожить, чтобы обрусѣніе Польши образовало новую ограду Россіи, чтобы оттуда идти дальше впередъ? Польша принадлежитъ западному міру, который долженъ вырвать ее у Россіи. И, кромѣ долга, онъ имѣетъ и формальное право (!) на это".

При наличности всего этого, „мирная" колонизація нѣмцами нашихъ западныхъ окраинъ получаетъ, понятно, совсѣмъ особое значеніе, и пожалуй назначеніе...

Не такъ давно въ Берлинѣ вышла брошюрка: „Гдѣ находится большая часть Германіи"? Какъ думаетъ читатель, —гдѣ? Оказывается, въ Россіи, соотвѣтствующая часть которой и должна, поэтому, сдѣлаться Германіей; она и сдѣлалась бы давно уже, какъ доказываетъ авторъ брошюры, „если бы бывшіе германскіе императоры поддерживали натискъ на Востокъ и надлежащимъ образомъ его использовали-бы". Этого, однако, не было сдѣлано „бывшими германскими императорами", это должно быть, поэтому, сдѣлано теперь, при первомъ же удобномъ случаѣ. Какъ это должно быть сдѣлано,—поучаетъ авторъ: „Разумѣется говоритъ онъ,—мы не должны впасть въ ошибку Карла XII и Наполеона I. Эти полководцы желали продиктовать миръ непремѣнно въ Москвѣ, потому имъ пришлось вести свое войско по незаселеннымъ степямъ и болотамъ, что и привело ихъ къ катастрофамъ. Наши (германскіе) интересы лежатъ не въ центрѣ Россіи—пусть ядро московства мирно преуспѣваетъ! То, что изъ Россіи намъ пригодно и нужно, *лежитъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Здѣсь мы найдемъ земляковъ, на которыхъ можемъ опереться*, и такимъ путемъ, не подвергая себя голоду, заставимъ русскихъ съ голода подписать угодныя намъ условія мира, такъ какъ японцы съ востока отрѣжутъ имъ пути доставки провіанта". Вотъ, стало быть значеніе и назначеніе германской колони-

зацiи нашихъ западныхъ и юго западныхъ окраинъ, заключающихъ въ себѣ раiонъ между Балтiйскимъ и Черными морями.

Въ 1903 году появилось воззваніе отъ имени Познанской „колонизацiонной комиссiи“, обращенное ко всѣмъ нѣмцамъ какъ германскимъ такъ и русскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Привислинскомъ и Юго-Западномъ краяхъ и на югѣ Россiи. Въ воззваніи этомъ прежде всего восхваляются „превосходство нѣмецкой культуры надъ русскою, заботы прусскаго правительства о „восточныхъ (россiйскихъ?) нѣмецкихъ колонистахъ“ и т. д., а затѣмъ говорится, что „Германiя заселена густо только на Западѣ, въ познанскихъ же и восточно-прусскихъ провинцiяхъ есть множество большихъ имѣнiй, но мало крестьянскихъ владѣнiй“, которыя и могли-бы увеличить россiйскiе нѣмецкiе колонисты.

По этому поводу въ печати нашей появились многочисленныя статьи, объ „исходѣ“ нѣмцевъ изъ Россiи, о „саморазрѣшенiи“ вопроса о нѣмецкой колонизацiи, объ „отбоѣ“ Германiи въ своемъ Drang nach Osten и т. п.

Прежде всего слѣдуетъ указать на ошибочность истолкованiя нѣмецкой колонизацiи Познани и восточно-прусскихъ провинцiй, хотя бы и нашими колонистами, какъ мѣры со стороны Германiи благопрiятной Россiи. Совершенно наоборотъ: мѣра эта, путемъ которой *Германiя плотною стѣной придвигается къ нашимъ предѣламъ*, уничтожая существовавшую здѣсь нацiональную черезполосицу,—такъ же вредную въ политикѣ, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ—очевидно, столько же направлена противъ поляковъ, сколько и противъ Россiи. Этимъ путемъ водворенный на нашихъ западныхъ окраинахъ нѣмецкiй Vaterland, въ лицѣ полутора милiона германскихъ колонистовъ съ цѣлой германской промышленностью (въ Привислинскомъ краѣ) и сѣтью германскихъ желѣзныхъ дорогъ (Варшава-Александровъ-Берлинъ, Варшава-Граница-Вѣна, и Варшава-Калишъ-Бреславль), неразрывно связывается, какъ бы сливается со своимъ природнымъ Vaterland'омъ, со своею метрополiей—Германiей. Возможно, что при такихъ условiяхъ часть милiонной армiи колонистовъ и могла-бы быть, безъ ущерба для германскихъ видовъ и интересовъ, переведена съ одной стороны границы по ту сторону ея...

Но когда, въ 1906 году нѣкоторые нѣмецкіе колонисты западной Россіи, изъ страха передъ революціей, высказали намѣреніе перекочевать обратно въ Германію, возбудивъ передъ германскимъ правительствомъ ходатайство о поселеніи и устройствѣ ихъ въ Познани на земляхъ, скупаемыхъ у поляковъ колонизаціонной комиссіей,—въ Германіи былъ поднятъ вопросъ: резонно-ли отдавать познанскія земли нѣмецкимъ колонистамъ изъ Россіи и этимъ поощрять ихъ дальнѣйшее переселеніе въ Германію? Рѣшено было не только не предоставлять колонистамъ изъ Россіи никакихъ земель, но и вообще удержать ихъ обратное переселеніе въ Германію, такъ какъ это было-бы не что иное, какъ „отступленіе авангарда германской народности и остановка въ распространеніи германства по Восточной Европѣ“. „Племенная вѣрность германству (у колонистовъ въ Россіи) выродилась въ пренебреженіе ко всѣмъ остальнымъ народностямъ и въ планомѣрную эксплоатацію всѣхъ чужихъ, негерманскихъ элементовъ... Эти сильные и способные люди, превосходные скотоводы и выносливые земледѣльцы, привыкшіе подчинять себѣ природу и заставлять ниже стоящихъ людей (русскихъ) служить своимъ интересамъ, являются неоцѣненнымъ матеріаломъ и на будущее время, какъ авангардъ германства подъ имперскимъ германскимъ флагомъ“ [1]).

И ни одинъ нѣмецкій колонистъ не тронулся изъ Россіи....

То-же произошло и въ 1907 году, когда Рейнскій Вестфальскій промышленный районъ, а за нимъ и крупные земельные собственники Германіи, въ виду недостатка рабочихъ рукъ, возбудили вопросъ о возвращеніи въ Германію нѣмецкихъ колонистовъ, живущихъ въ нашихъ Привислинскомъ и Западномъ краяхъ. Въ германской печати прямо и открыто былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли покидать нѣмцамъ германскіе аванпосты въ Россіи? Гдѣ милліонъ нѣмецкихъ колонистовъ могутъ больше принести пользы національному дѣлу—въ Германіи или въ Россіи? И въ результатѣ опять ни одного колониста не было тронуто изъ Россіи. Очевидно, для „національнаго дѣла“ нѣмецкіе колонисты болѣе полезны въ Россіи чѣмъ въ Германіи и „покидать германскіе аванпосты въ Россіи“ имъ не разрѣшается.

[1]) Берлинская газета „Tag.“ 12 мая 1906 года.

Въ 1863 году, когда вспыхнулъ польскій мятежъ и Россія, вслѣдствіе своей сантиментальной нерѣшительности, очутилась въ затруднительномъ положеніи, Бисмаркъ, звѣзда котораго тогда еще только восходила, ссылаясь на то, что польскій мятежъ въ Россіи угрожаетъ и Пруссіи, услужливо предлагалъ намъ усмирить его прусскими войсками.

Ту-же „сосѣдскую услугу“ Германія не прочь была повторить и теперь. Въ 1905 году, когда поляки, желая воспользоваться революціоннымъ хаосомъ, воцарившимся въ Россіи, стали готовиться къ новому мятежу, Германія вновь выражала свою готовность оказать намъ „сосѣдскую услугу“ усмиреніемъ его, то-есть занятіемъ своими войсками нашего Привислянскаго края. Усмирять мятежъ на этотъ разъ не пришлось, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ своевременно введеннымъ въ краѣ военнымъ положеніемъ. Но Германія все-же не хочетъ лишить насъ своей „сосѣдской услуги“, въ видѣ возобновленія и дальнѣйшаго развитія „мирнаго завоеванія“ нашихъ западныхъ окраинъ.

Недавно вышла въ Лейпцигѣ книга извѣстнаго нѣмецкаго политическаго писателя, Георга Клейнова „Die Zukunft Polens“. По словамъ Германскихъ газетъ, г. Клейновъ „имѣетъ значеніе въ оффиціальныхъ кругахъ Германіи“ и книга его, поэтому, обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ книгѣ этой трактуется о нѣмецкой колонизаціи нашихъ западныхъ окраинъ, причемъ доказывается, что колонизація эта является не только „неописуемымъ благодѣяніемъ“ для мѣстнаго населенія, но и весьма полезна для Россіи вообще: ею разрѣшается-де польскій вопросъ, ибо ослабляется роль и значеніе польскаго элемента въ Западныхъ областяхъ Россіи, и такимъ образомъ, устраняется одна изъ важныхъ помѣхъ русской государственной жизни. Поэтому, какъ увѣряетъ насъ г. Клейновъ, „Россія должна облегчить нѣмцамъ колонизацію Западныхъ губерній“ въ своихъ собственныхъ интересахъ; такъ какъ-де это „будетъ полезно для Русскаго государства“.

Въ чемъ должно заключаться это облегченіе, г. Клейновъ не говоритъ. Но за него говорятъ его россійскіе компатріоты, возбудившіе вопросъ о томъ, чтобы германскіе колонисты могли пользоваться, наравнѣ съ русскими кресть-

нами, услугами Государственнаго Крестьянскаго Земельнаго Банка.

Такимъ образомъ, ясно, къ чему сводится „сосѣдская услуга“: Германія, отъ имени которой говоритъ г. Клейновъ, не только хочетъ довершить начатое въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія „мирное завоеваніе“ нашихъ западныхъ окраинъ, но желаетъ довершить его при помощи нашего Крестьянскаго Поземельнаго Банка то-есть за счетъ Русскаго государства. И Россія должна облегчить ей это „въ своихъ собственныхъ интересахъ“...

Конечно, г. Клейновъ правъ, доказывая, что нѣмецкая колонизація ослабляетъ роль и значеніе польскаго элемента въ нашихъ западныхъ областяхъ. Теперь это ослабленіе, правда, еще мало ощутительно, но теперь германскихъ капиталистовъ въ нашихъ западныхъ областяхъ вѣдь „только“ полтора милліона. Когда-же, Россія „облегчитъ“ эту колонизацію, предоставивъ къ услугамъ нѣмцевъ свой Государственный Крестьянскій Поземельный Банкъ и когда, такимъ образомъ, численность германскихъ колонистовъ удвоится и утроится,—ослабленіе польскаго элемента, конечно, станетъ ощутительнѣе.

Но какая-же отсюда „польза“ для Россіи? По объясненію г. Клейнова, это устранитъ одну изъ важныхъ помѣхъ русской государственной жизни, въ видѣ польскаго вопроса. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь, устранивъ одну помѣху, это создаетъ другую, болѣе сложную и опасную: вмѣсто Польши, на западныхъ окраинахъ нашихъ выростетъ Германія. Польша—призракъ и призракъ къ тому-же весьма слабый, по сравненію съ Россіей, Германія-же—дѣйствительность и дѣйствительность внушительная, грозная. Что-же лучше? Что „полезнѣе“ для Россіи?

Нѣмцевъ въ Западной Россіи теперь почти въ десять разъ меньше, чѣмъ поляковъ, но тамошній „нѣмецкій вопросъ“, несомнѣнно, можетъ быть вреднѣе и опаснѣе для Россіи, чѣмъ польскій; весь польскій вопросъ исчерпывается 7 милліонами поляковъ,—за спиной-же 800,000 нѣмецкихъ колонистовъ (въ Привислянскомъ краѣ и западныхъ губерніяхъ) стоитъ 60-милліонная Германія, съ ногъ до головы вооруженная.

Если дальнѣйшее „мирное завоеваніе“ Германіей нашихъ западныхъ окраинъ ослабитъ роль и значеніе тамъ польскаго элемента, то оно въ то-же время ослабитъ и русскую государственность, усиливъ германскій элементъ. Очевидно, такое ослабленіе польскаго элемента было-бы въ пользу Германіи, а не Россіи. Можетъ-ли Россія не только идти на встрѣчу этому, какъ ее приглашаютъ и извнѣ, и внутри, но и вообще допустить это?

Правда, г. Клейновъ, „имѣющій значеніе въ оффиціальныхъ кругахъ Германіи“, старается доказать въ своей книгѣ, что германская колонизація отнюдь-де не преслѣдуетъ политическихъ цѣлей, а имѣетъ чисто экономическій характеръ. Но какія-бы цѣли ни преслѣдовала въ этомъ случаѣ сама Германія, для Россіи германская колонизація смежныхъ съ Германіей окраинъ имѣетъ политическое значеніе. Тѣ экономическія выгоды, которыя сулятся намъ отъ этого, если бы даже въ дѣйствительности онѣ были (а ихъ нѣтъ въ дѣйствительности), не устраняютъ этого политическаго значенія. Да и какъ отграничить экономическія цѣли отъ политическихъ? Онѣ тѣсно связаны и вытекаютъ одна изъ другой. Поселивъ милліоны своихъ колонистовъ на нашихъ западныхъ окраинахъ въ цѣляхъ экономическихъ, неужели Германія не воспользуется ими въ цѣляхъ политическихъ, когда къ тому представится возможность, а тѣмъ болѣе надобность? Неужели она при такой надобности или возможности, откажется отъ услугъ этого милліоннаго авангарда? Но если бы Германія отказалась отъ него, то вѣдь самъ-то этотъ милліонный авангардъ, сохраняющій съ нею тѣсную связь, не отказался-бы все-таки отъ своего Vaterland'a.

Но что и сама Германія не только не думаетъ отказываться отъ этого авангарда, но и разсчитываетъ на него, при надобности, лучше всего свидѣтельствуетъ отмѣченный выше фактъ, что когда, въ 1905 и 1906 гг. нѣкоторые германскіе колонисты Западной Россіи выразили намѣреніе вернуться обратно въ Германію,—вся Германія переполошилась и возстала противъ этого, какъ противъ „отступленія авангарда германской народности и остановки въ распространеніи германства въ восточной Европѣ“. При этомъ открыто и откровенно заявлялось, что германскіе колонисты „являются пе-

оцѣненымъ матеріаломъ на будущее время, какъ авангардъ германства подъ имперскимъ германскимъ флагомъ".

Какъ-бы близокъ къ оффиціальнымъ германскимъ кругамъ ни былъ г. Клейновъ, все же мы вправѣ болѣе вѣрить императору Вильгельму, который въ одной изъ своихъ рѣчей обмолвился, что „Германская имперія обязана защищать тысячи своихъ соплеменниковъ, пребывающихъ за границей" и поддерживать, такимъ образомъ, „болѣе тѣсную связь между великою Германіей *будущею и настоящею*".

А г. Клейновъ старается увѣрить, что германская колонизація преслѣдуетъ только экономическія цѣли и приглашаетъ Россію содѣйствовать этому насажденію въ ея предѣлахъ „будущей Германіи!"

Вышедшая не такъ давно въ Берлинѣ анонимная брошюра „Гдѣ мѣсто для великой Германіи?" расширеніе германской границы за счетъ Россіи объявляетъ единственнымъ исходомъ изъ переживаемаго Германіей аграрнаго кризиса. „Германская колонизація,—говоритъ анонимный авторъ,—уже начиная отъ Карла Велпкаго, всегда шла съ запада на востокъ: такъ возникло Бранденбургское, потомъ Прусское и, наконецъ Германское государство. И этотъ Drang nach Osten въ непонятномъ политическомъ и религіозномъ ослѣпленіи остановился на полпути! Но еще не поздно. Нашъ народъ размножается еще въ достаточной степени, чтобы, при благоразумной внутренней и внѣшней политикѣ не только оттѣснить назадъ нами же протянутую западно-славянскую расу, но и чтобы напасть на Россію съ сѣвера и юго-востока, у Балтійскаго и Чернаго морей и этимъ путемъ парализовать столь опасное для Западной Европы расширеніе русскаго могущества. А въ плодоносныхъ и малозаселенныхъ русскихъ равнинахъ—старой родинѣ остготовъ—достаточно мѣста для многихъ милліоновъ германскихъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ. А вѣдь тогда для насъ открыта вся необъятная Азія!"

Брошюра оканчивается воззваніемъ къ германскому правительству: „долой политику страха!"

Подобное же воззваніе появилось и въ газетѣ „Нѣмецкая Стража" (Deutsche Warte"). Тутъ прямо указывается, что, вторгнувшись въ Россію, „мы найдемъ тамъ земляковъ, на которыхъ можемъ опереться".

Соблазняя насъ ослабленіемъ польскаго элемента, г. Клейновъ хочетъ теперь усилить эту опору для будущаго вторженія нѣмцевъ въ Россію привселеніемъ на наши Западныя окраины новыхъ полчищъ нѣмецкихъ колонистовъ. Но ясно, что это повлекло бы ослабленіе на этихъ окраинахъ не только и даже не столько польскаго элемента сколько самой Россіи, и подготовило бы аннексію этихъ окраинъ Германіей.

Если на западныхъ окраинахъ нашихъ имѣются свободныя земли для колонизаціи,—а онѣ, конечно, имѣются, коль скоро Германія собирается привселять туда новыя полчища своихъ колонистовъ,—то ихъ нужно заселить не нѣмецкими, а русскими колонистами. Это, дѣйствительно, было бы на пользу Россіи, ибо послужило бы усиленію ея на этихъ инородческихъ окраинахъ (Привислинскій и Сѣверо-Западный края) и ослабленію тамъ не польскаго только, но и германскаго элемента.

„Мы закрываемъ глаза,—писалъ недавно варшавскій корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 11,482),—и не хотимъ видѣть, что Польша кишитъ нѣмецкими агентами, унтеръ-офицерами и офицерами, разсказываются удивительныя вещи про шпіонство, а мы благодушно разрѣшаемъ жить въ чисто военнаго характера крѣпостяхъ у подошвы глазиса фортовъ нѣмцамъ-колонистамъ“.

Закрывать глаза на это, дѣйствительно, не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе послѣ хорошо всѣмъ памятныхъ событій, послѣдовавшихъ (весной 1909 года), послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины.

III.

Drang nach Osten.

Дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ казалось—да и теперь еще кажется—многимъ. Два милліона колонистовъ—вѣдь это цѣлыхъ восемъ Трансвааловъ. Притомъ Трансваалъ не оторваныхъ отъ своей метрополіи, а непосредственно связаныхъ съ нею и составляющихъ какъ-бы отростки, продолженіе ея.

Въ этой непосредственной связи нашихъ германскихъ колоній съ Германіей вся суть дѣла, все значеніе колонизаціи. За спиной двухъ милліоновъ германскихъ колонистовъ, водворившихся у насъ, стоитъ 60—милліонная Германія, руководящая ими, поддерживающая ихъ матеріально, нравственно и политически. Такимъ образомъ дѣло приходится имѣть не съ двумя милліонами германскихъ колонистовъ,—хотя они и сами по себѣ представляютъ огромную величину,—а со всею Германіей. Въ чемъ же сказывается связь нашихъ колоній съ Германіей, авангардъ которой они составляютъ?

Во всемъ.

Прежде всего въ самой постановкѣ колонизаціи, для направленія и матеріальнаго обезпеченія которой въ Берлинѣ возникъ съ шестидесятыхъ годовъ цѣлый рядъ различныхъ колонизаціонныхъ учрежденій и банковъ существующихъ и дѣйствующихъ по сейчасъ, а именно: „Deutsche Kolonial-Gesellschaft“, „Deutscher Kolonial-Verein“, „Deutsche Export-bank“, „Central-Verein für Handels-Geegraphie“ и др.

Назначеніе всѣхъ этихъ учрежденій—поддерживать Drang nach Osten, оказывать германскимъ эмигрантамъ матеріальную помощь и устраивать ихъ у насъ. То-есть, назначеніе то же, что и „Познанской колонизаціонной комиссіи“; разница въ томъ только, что послѣдняя оперируетъ въ предѣлахъ самой Германіи, перечисленныя же учрежденія—въ предѣлахъ Россіи и другихъ странъ, мирно оккупируемыхъ Германіей.

Недавно въ Америкѣ былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи германской колонизаціи, которая противорѣчитъ доктринѣ Монроэ: „колонисты, какъ указывалось въ американской печати, поселяются на средства Германскаго правительства и являются политическимъ авангардомъ, готовымъ принять военные и морскіе контингенты Германіи въ любое время съ открытыми объятіями“.

Если подобнаго рода опасенія находятъ себѣ мѣсто даже въ Америкѣ, отдѣленной отъ Германіи тридевятью морями и землями, то что же сказать о Россіи—непосредственной сосѣдкѣ Германіи? Если даже въ Америкѣ нѣмецкіе колонисты поселяются на средства Германскаго правительства, то нужно ли допскиваться, на какія средства поселяются они въ Россіи, то-есть откуда питаются сред-

ствами выше перечисленныя Берлинскія колонизаціонныя учрежденія и банки? Во всякомъ случаѣ, субсидированіе послѣдними эмигрантовъ, естественно, создаетъ матеріальную связь нашихъ колоній съ Германіей и зависимость ихъ отъ нея.

Но связь между ними существуетъ и болѣе глубокая, болѣе существенная, именно—нравственная, культурная, а также политическая.

Эта связь поддерживается другою серіей германскихъ учрежденій, вполнѣ открыто существующихъ въ видѣ „частныхъ“ обществъ, а именно: „Allgemeiner deutscher Schulverein“, „Alldeutscher Verband“, „Deutscher Sprachverein“, „Evangelischer Bund“ и. т. д.

Назначеніе всѣхъ этихъ учрежденій—поддерживать нравственную и политическую связь Нѣмцевъ всего міра съ Германіей, насаждать германизмъ вездѣ, гдѣ только „die deutsche Zunge Klingt“, какъ говоритъ нѣмецкій поэтъ Арндтъ. Съ этою цѣлью разсылаются по нѣмецкимъ колоніямъ портреты Вильгельмовъ и Бисмарка (которые красуются у всѣхъ нашихъ колонистовъ), разныя брошюры пангерманскаго содержанія, открываются и субсидируются нѣмецкія школы, даются (пасторамъ и учителямъ) крупныя суммы на „лютеранское миссіонерство“, то-есть на пропаганду штунды и германизма и т. д.

Особеннаго вниманія, по своему могуществу и своей дѣятельности, заслуживаетъ первое изъ перечисленныхъ учрежденій—„Allgemeiner deutscher Schulverein“, то-есть „Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ“. Имущество его составляетъ милліонъ слишкомъ марокъ, изъ которыхъ въ полмилліона марокъ оцѣнивается принадлежащая ему земля. За двадцать девять лѣтъ своего существованія, съ 1881 года, „Schulverein“ истратилъ на преслѣдуемыя имъ цѣли свыше 4 милліоновъ марокъ. Число членовъ его достигаетъ 50,000 человѣкъ.

Изъ этого видно, какой это могущественный дѣятель. Въ чемъ же заключается его дѣятельность?

Уставъ его гласитъ: „Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ“ имѣетъ цѣлью; „охранять нѣмецкую народность внѣ предѣловъ Германской имперіи и по мѣрѣ силъ оказывать Нѣмцамъ помощь въ ихъ стремленіи оставаться Нѣмцами,

или снова стать ими“ (§ 1-й). Далѣе: „Свою цѣль союзъ осуществляетъ поддержаніемъ и учрежденіемъ нѣмецкихъ школъ и библіотекъ, снабженіемъ ихъ нѣмецкими книгами, распространеніемъ подходящихъ сочиненій, выдачей пособій нѣмецкимъ учителямъ и другими подобными средствами. Съ тѣхъ поръ какъ возникла нѣмецкая имперія, ни одинъ Нѣмецъ, живущій на чужбинѣ, да не будетъ въ правѣ сказать, что онъ презрительно забытъ и покинутъ братьями“ (§ 2-й).

Такимъ образомъ цѣль „Shulverein'a“—*насажденіе и поддержаніе германизма внѣ Германіи. Гдѣ же, однако, именно?*

Какъ видно изъ устава, вездѣ гдѣ только „die deutsche Zunge Klingt“, т. е. вездѣ, гдѣ поселились и живутъ Нѣмцы. Двѣ страны, однако признаются имъ особенно „опасными для Нѣмцевъ“ и потому особенно требующими „обезопасенія“ ихъ, путемъ германизаціи. Это—Австрія и Россія. Но въ Австріи (въ Вѣнѣ) существуетъ съ 1880 года свой собственный „Deutscher Schulverein“, по типу котораго созданъ (черезъ годъ) и самъ Берлинскій „Allegemeiner Deutscher Schulverein“. Насколько энергично дѣйствуетъ вѣнскій „Shulverein“, видно изъ того, что онъ имѣетъ свыше 150,000 членовъ и расходуетъ на цѣли германизма до полумилліона гульденовъ въ годъ.

На долю берлинскаго „Schulverein'a“ остается, слѣдовательно, Россія, гдѣ онъ и раскинулъ широко свои сѣти. Повидиму, у насъ даже существуютъ—конечно, негласно—его отдѣлы. На насажденіе же и поддержаніе у насъ германизма вполнѣ гласно раздаются пособія школамъ, учителямъ, пасторамъ и т. д., свѣдѣнія о чемъ (конечно не всѣ) имѣются въ каждомъ годовомъ отчетѣ „Schulverein'a“. По заявленію его предсѣдателя въ одномъ изъ годовыхъ собраній „Schulverein'a“, „германское единство въ предѣлахъ созданныхъ въ 1870 году далеко еще нельзя считать законченнымъ. Для восполненія его необходимо, чтобы всѣ уголки, гдѣ существуютъ люди германской расы или Нѣмцы по происхожденію (отъ смѣшанныхъ съ другими національностями браковъ) были соединены подъ однимъ скипетромъ... Мы не можемъ считать себя удовлетворенными до тѣхъ поръ, пока помернскіе гренадеры не пройдутъ побѣдителями по всѣмъ территоріямъ, населеннымъ Нѣмцами. Единственно лишь

этимъ побѣдоноснымъ путемъ мы можемъ возвратить всѣхъ Нѣмцевъ своей матери-отчизнѣ". Что касается собственно Россіи, то война съ нею неизбѣжна: „она не замедлитъ вспыхнуть по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя побудили взяться за оружіе въ 1870 году, а именно—изъ за необходимости „диверсій", чтобы отвлечь отъ внутреннихъ дѣлъ всѣ недовольные элементы. Въ теченіи вѣковъ мы потеряли Швейцарію, Голландію, Курляндію, Ливонію и Эльзасъ-Лотарингію. Но затѣмъ стали отбирать свои старыя владѣнія, начиная съ Шлезвига и продолжая Эльзасомъ и Лотарингіей. Теперь очередь за Курляндіей и Ливоніей (то-есть нашимъ Балтійскимъ краемъ), которыя мы не замедлимъ вскорѣ присоединить къ ихъ Германскому отечеству. А затѣмъ серія земельныхъ присоединеній будетъ съ нашей стороны продолжаться безостановочно" [1]).

Вотъ какія цѣли преслѣдуются „Всеобщимъ нѣмецкимъ школьнымъ союзомъ", оперирующимъ и у насъ, подъ видомъ поддержки нѣмецкихъ школъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, какъ извѣстно, были приняты нѣкоторыя мѣры направленныя къ ограниченію дальнѣйшей колонизаціи Германіей нашихъ западныхъ окраинъ и ослабленію культурной и политической связи ихъ съ Германіей.

Такими мѣропріятіями явились, во первыхъ, законъ 14 марта 1887 года, коимъ въ 22 губерніяхъ западной и юго-западной Россіи иностраннымъ подданнымъ воспрещено было впредь пріобрѣтать внѣ портовыхъ и др. городскихъ поселеній, права собственности на недвижимыя имущества, и во вторыхъ,—законы: 8 октября 1887 года—о подчиненіи нѣмецкихъ школъ въ колоніяхъ вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія и 15 іюня 1888 года—о приписке Нѣмцевъ-колонистовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ подданыхъ къ мѣстнымъ крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ и включеніи нѣмецкихъ колоній, на общемъ основаніи, въ составъ тѣхъ волостей, въ предѣлахъ которыхъ онѣ нахо-

---

[1]) Эта рѣчь полностью была напечатана въ „Lipische Landeszeitung" 1892 года. Здѣсь она цитируется по извлеченіямъ „Новороссійскаго Телеграфа" 1892 года, № 5,418.

дятся [1]). Мѣры эти,—какъ уже объ этомъ была и еще будетъ у насъ рѣчь,—не дали никакихъ положительныхъ результатовъ, не остановивъ колонизаціи и не приведя къ сближенію нѣмецкихъ колоній съ русскимъ населеніемъ и ослабленію культурной и политической связи колонистовъ съ Германіей. Но отвѣтомъ на нихъ со стороны послѣдней явилось открытіе въ 1890 году въ Берлинѣ такъ называемаго „Allgemeiner deutscher Verein", то-есть „Всеобщаго нѣмецкаго союза",—конечно, учрежденія тоже совсѣмъ „частнаго"! Цѣль и назначеніе его—поддерживать и укрѣплять культурную и политическую связь нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ съ Германіей, то-есть противодѣйствовать нашимъ мѣропріятіямъ къ сближенію ихъ съ Россіей и пріобщенію къ общерусской культурной и политической жизни, что, дѣйствительно, и парализовало совершенно наши мѣропріятія.

По своимъ цѣлямъ и задачамъ „Allgemeiner deutscher Verein" является не только національнымъ (нѣмецкимъ), но и политическимъ—германскимъ учрежденіемъ. А что это учрежденіе, въ дѣйствительности, далеко не „частное",—свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что во главѣ его стали такіе дѣятели Германіи какъ: тайный совѣтникъ Боркъ, графъ Баллештремъ, Берлинскій городской голова Ворчарсъ, президентъ академіи художествъ Беккеръ, профессоръ инженерной академіи Августъ, докторъ Тиссенъ и др.

Офиціальная программа задачъ и дѣятельности „Verein"'а заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главные пункты:

1) Пропаганда германизма внѣ Германіи: гдѣ живутъ Нѣмцы и звучитъ нѣмецкая рѣчь;

2) Всесвѣтная пропаганда обще-нѣмецкаго начала и мірового нѣмецкаго общенія;

3) Борьба съ односторонне (то-есть узко, не всесвѣтно) понимаемымъ германизмомъ и содѣйствіе развитію разумно (то-есть широко, всесвѣтно) понимаемаго нѣмецкаго начала;

4) Осуществленіе и поддержаніе всѣхъ общенѣмецкихъ интересовъ, какъ въ Германіи, такъ и за границей;

5) Объединеніе, поддержаніе и усовершенствованіе соединеннымъ стремленій всевозможныхъ частныхъ и общенѣмецкихъ предпріятій и цѣлей—и

---

[1]) Оба послѣдніе закона относятся только до трехъ губерній Юго-Западнаго края.

6) Борьба противъ иностранщины во всѣхъ отрасляхъ нѣмецкой культуры.

Эта программа задачъ и дѣятельности „Всенѣмецкаго союза“ единогласно одобрена и утверждена на первомъ общемъ собраніи „всенѣмецкихъ союзниковъ“, бывшемъ въ Берлинѣ 15 (3) января 1891 года.

Подробнымъ разъясненіемъ ея являются „посланія“ „Verein“'а, обращенныя ко „всѣмъ добрымъ Нѣмцамъ“ и разсылаемыя по всѣмъ странамъ, гдѣ только „die deutsche Lunge Klingt“, въ ихъ числѣ и къ намъ, въ Россію, гдѣ во многихъ уже мѣстахъ звучитъ нѣмецкая рѣчь. „Чѣмъ болѣе ширится нѣмецкая культура,—говорится въ одномъ изъ такихъ „посланій“,—тѣмъ болѣе она дробится на вѣтки и отрасли, и тѣмъ рѣзче обособляются отдѣльные ея отпрыски. Наше современное государственное начало уклонилось отъ начала общенѣмецкаго, общаго всѣмъ Нѣмцамъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы они ни были, въ какомъ бы государствѣ ни проживали. Цѣлью настоящаго Союза и служитъ—поддерживать и пропагандировать это общенѣмецкое, а не государственное только, начало... Сверхъ общегосударственной германской, идеи надлежитъ также закрѣплять общенѣмецкій узелъ, связывающій всѣхъ нѣмцевъ, т. е. общенѣмецкое начало. А потому всякій Нѣмецъ, не отрицающій существа этого общенѣмецкаго духа и начала нравственно обязанъ быть членомъ настоящаго Союза“.

Что касается способовъ осуществленія этихъ „всенѣмецкихъ“ задачъ, то-есть самой пропаганды германизма внѣ Германіи, то въ числѣ ихъ значатся:

1) Учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ и всевозможныхъ комиссій (по выработкѣ программы нѣмецкаго образованія статутовъ объ обязанностяхъ нѣмца и т. п.).

2) Учрежденіе конкурсовъ и премій для поощренія общенѣмецкихъ работъ.

3) Устройство общенѣмецкихъ читаленъ и читательскихъ кружковъ и

4) Распространеніе общенѣмецкихъ книгъ и изданій чрезъ странствующихъ книгоношъ.

Но самымъ главнымъ орудіемъ пропаганды германизма, укрѣпленія и насажденія его внѣ Германіи, признается,—конечно, вполнѣ основательно,— народная школа. „Педаго-

тика,—говорится въ „посланіи“ „Всенѣмецкаго Союза“,—провозглашаетъ прежде всего настоятельнѣйшую потребность запечатлѣнія чисто нѣмецкаго начала, однозначущаго съ началомъ всеобще-нѣмецкихъ, въ духѣ общенѣмецкаго объединенія. Если германизмъ предназначенъ служить основой воспитанія, а школа должна быть прежде всего школой нѣмецкою, то очевидно отсюда, что наше взрослое поколѣніе должно прежде всего ясно уразумѣть основы и цѣли германизма, проникнуться обязанностями каждаго отдѣльнаго Нѣмца относительно духа германизма“.

Этотъ „духъ германизма“ насаждается и поддерживается и у насъ на западныхъ окраинахъ, на югѣ, на Волгѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, колонизованныхъ Нѣмцами, ибо дѣятельность „Всенѣмецкаго Союза“, какъ видно изъ программы его, не только не ограничивается предѣлами политическаго господства Нѣмцевъ, но именно внѣ этихъ предѣловъ и сосредоточивается. Для этого „Союзъ“ имѣетъ мѣстныя отдѣленія, или комитеты.

Такимъ мѣстнымъ комитетомъ „Всенѣмецкаго Союза“ у насъ, въ Россіи, является Варшавскій „Verein der deutschen Reichsangehörigen“, существующій вполнѣ открыто и, по удостовѣренію оффиціальнаго „Варшавскаго Дневника“ (1892 г., № 72), получающій постоянную субсидію отъ Германскаго правительства, въ размѣрѣ 3,000 марокъ въ годъ.

Задача этого комитета—способствовать единенію среди нѣмцевъ Привислинскаго края и поддерживать въ нихъ „всенѣмецкое начало“, т. е. духъ германизма, а также разселять по краю новоприбывающихъ изъ Германіи нѣмцевъ, оказывая при этомъ имъ и матеріальную помощь. О силѣ и могуществѣ, матеріальномъ и нравственномъ, Варшавскаго „Ферейна“ можно судить потому, что въ немъ насчитывается свыше 10 тысячъ членовъ, причемъ независимо отъ этого всѣ нѣмцы Привислинскаго края обязаны дѣлать въ пользу его ежегодные взносы, опредѣляемые сообразно состоятельности каждаго. По удостовѣренію варшавской оффиціальной газеты, многіе изъ богатыхъ нѣмецкихъ фабрикантовъ края платятъ „Ферейну“ 1,000—1,500 руб. въ годъ [1]). Отсюда видно, какими громадными средствами располагаетъ Варшав-

[1]) „Варшавскій Дневникъ“ 1892 г., № 72.

скій „Ферейнъ“, для насажденія и укрѣпленія германизма на нашихъ западныхъ окраинахъ.

Для поддержанія духа германизма въ семьяхъ, при немъ находится особая „женская секція“, участницами которой являются матери будущихъ все-нѣмцевъ и германскихъ-гражданъ въ Россіи. Въ различныхъ же городахъ края, а также, какъ нужно думать, и сосѣднихъ Юго и Сѣверо-Западнаго краевъ, „Ферейнъ“ имѣетъ свои отдѣленія.

Вотъ какую правильную систему и прочную организацію имѣетъ „мирное завоеваніе“ нашихъ западныхъ окраинъ! Вотъ какая живая и тѣсная связь существуетъ между нашими нѣмецкими „колонистами“ и Германіей, какъ вообще, такъ и въ частности съ Германскимъ правительствомъ, субсидирующимъ мѣстные комитеты „Всенѣмецкаго Союза“ въ Россіи.

Роль и значеніе у насъ германскихъ колоній становятся легко понятны, если представить себѣ что случилось бы, если-бы въ 1812 г. путь Наполеона отъ Нѣмана до Москвы былъ покрытъ французскими колоніями. Конечно, тогда французская армія нашла бы здѣсь и нравственную опору и физическую поддержку,—въ видѣ, напр., опытныхъ проводниковъ, знающихъ лазутчиковъ, вѣрныхъ шпіоновъ и т. д.,—и, наконецъ, вещественную помощь, въ видѣ провіанта, зимнихъ квартиръ и т. д. Такимъ образомъ Наполеону не пришлось бы бѣжать изъ Россіи, онъ легко могъ бы перезимовать у насъ, а на весну продолжать кампанію. Но если-бы Наполеону и пришлось все же отступать, то это отступленіе совершалось бы по французскимъ колоніямъ, т. е. какъ бы по французской территоріи, среди дружественнаго и сочувствующаго населенія, и, конечно, такое отступленіе не было бы гибелью для „великой арміи“, которая сохранилась бы для новаго наступленія. Также точно могъ бы быть совсѣмъ иной исходъ и „великой сѣверной войны“, если-бы путь Карла XII на Полтаву былъ покрытъ, а сама Полтава была бы окружена шведскими колоніями.

Какъ извѣстно, у насъ нѣтъ недостатка въ поклонникахъ нѣмецкой культуры (которую, какъ равно и нѣмецкую науку, никто отрицать не намѣренъ). Къ числу ихъ принадлежитъ и нашъ извѣстный публицистъ-патріотъ М. О. Меньшиковъ, который въ одномъ изъ своихъ „Писемъ къ ближнимъ“ говоритъ:

„Если добросовѣстно разсмотрѣть наши отношенія къ нѣмцамъ, они похожи на заурядное брачное сожительство, гдѣ семейныя сцены, воркотня, даже маленькія измѣны на сторонѣ не мѣшаютъ идти вмѣстѣ до глубокой старости, до естественной кончины... Если въ теченіе многихъ вѣковъ нѣмцы насъ не трогали, если близость къ намъ не соблазняла ихъ къ нашествію (а перебросъ къ намъ двухъ милліоновъ колонистовъ?), если они терпятъ завоеваніе нами Балтійскихъ провинцій и крайне неудобный для нихъ польскій плацдармъ, если они со всею доступною государству честностью сохранялн дважды нейтралитетъ во время нашихъ войнъ на югѣ,—то, право, такое поведеніе чего-нибудь да стоитъ. Правда „нѣмцы вообще не долюбливаютъ насъ русскихъ“. Но не любятъ какъ? Какъ вообще солидные люди не жалуютъ своихъ сосѣдей, особенно бѣдныхъ, необразованныхъ“.

Однако, почтенный авторъ все-же долженъ признать, что „нѣмецъ честенъ, но не безкорыстенъ. Онъ любитъ выгоду (конечно не матеріальную только и умѣетъ извлекать ее. Нѣмецъ если не обрусѣлъ до влюбленности во все русское (о, Господи!), склоненъ слегка презирать все русское. Это довольно противная его черта. Онъ изъ гостя начинаетъ считать себя хозяиномъ, культуртрегеромъ, и гнетъ русскаго человѣка подчасъ съ жестокою прямолинейностью, какъ бурмистры крѣпостныхъ... Русскому тяжело подъ нѣмцемъ: онъ проситъ, какъ Ермоловъ, произвести его въ нѣмцы, какъ въ высшій чинъ“. А въ другомъ своемъ фельетонѣ авторъ уже прямо признаетъ, что „нѣмцы тридцать лѣтъ, какъ печатаютъ статьи и брошюры о будущей войнѣ съ Россіей, и если уже такіе ученые, какъ Момзенъ и философы, какъ Гартманъ, сочувствуютъ разгрому восточнаго сосѣда, то значитъ, гроза возможна“[1]).

Къ этой „грозѣ“ Германія и готовится вотъ уже тридцать лѣтъ, обезпечивая свое положеніе въ нашихъ предѣлахъ. А мы все еще заняты только разрѣшеніемъ ужасно головоломнаго вопроса—экономическое ли только, или и политическое значеніе и назначеніе имѣютъ наши германскія колоніи, густою сѣтью покрывающія западныя, смежныя съ

---

[1]) „Новое Время“ 1902 г., №№ 9,412 и 9,371.

Германіей окраины и тянущіяся непрерывною цѣпью вплоть до самыхъ столицъ и далѣе—съ одной стороны до Урала, а съ другой—до Черноморской и Закавказской границъ!

Правда, съ половины XVIII вѣка у насъ не было формальныхъ войнъ съ Нѣмцами. Но въ Крымскую кампанію въ достаточной степени выказались „лойяльность“ нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, ихъ „честность“ и „традиціонная дружба“ къ Россіи, которая не только облагодѣтельствовала Пруссію въ 1813 году, но и надѣлила Нѣмцевъ-колонистовъ землями, всякими льготами и привилегіями. По словамъ одного современника—очевидца [1]), „нѣмецкіе колонисты (въ Крымскую кампанію) открыто заявляли свои симпатіи непріятелю, и хотя доставляли провіантъ нашимъ войскамъ, но говорили, что помогаютъ не русскимъ, а Императору, отъ котораго надѣются получить хорошую благодарность, а именно, что Онъ образуетъ изъ колоніи отдѣльную провинцію съ нѣмецкими законами, чиновниками, и пр., что они могутъ дать хлѣба и мяса войскамъ, но что никогда ни одинъ Нѣмецъ не станетъ проливать своей благородной нѣмецкой крови за поганую русскую мужицкую кровь“.

А вѣдь это была война не съ Нѣмцами и Пруссія „со всею доступною государству честностью“ сохраняла даже тогда нейтралитетъ.

Лойяльность, дружба и благодарность Нѣмцевъ выказались затѣмъ въ такомъ фактѣ:

Когда въ 1874 году послѣдовалъ первый призывъ нѣмецкихъ колонистовъ къ исполненію русской воинской повинности, отъ которой они были освобождены въ продолженіе ста лѣтъ (кажется, достаточно!)—они повсемѣстно затѣяли бунты, выражая нежеланіе служить Россіи. А въ Боронскѣ хотѣли даже разрушить памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II—первой призвавшей Нѣмцевъ въ Россію, надѣлившей ихъ землями, пособіями и привилегіями, словомъ—буквально благодѣтельствовавшей ихъ.

---

[1]) Д. Т. Гнѣдина—сторожила Екатеринославской губерніи, очень близко стоявшаго къ народу и нѣмецкимъ колонистамъ, и притомъ человѣка, котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ консервативномъ „человѣконенавистничествѣ“, ибо, во-первыхъ, онъ былъ сотрудникомъ и продолжателемъ дѣла барона Н. А. Корфа, а во-вторыхъ—и записки его были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“ (1893 года), откуда и приводится нами выдержка.

Также точно, когда въ Симферополѣ недавно сооружался памятникъ этой императрицѣ, какъ покровительницѣ Крыма, ею же заселеннаго Нѣмцами,—послѣдніе не пожелали принять въ этомъ участіе. Мало того: при открытіи памятника, въ торжествѣ приняли участіе всѣ крымскія народности, какъ христіанскія, такъ и нехристіанскія. Блистали отсутствіемъ одни только Нѣмцы—самые многочисленные въ Крыму и болѣе всѣхъ обязанные Россіи и Екатеринѣ II.

Зато Нѣмцы соорудили, какъ извѣстно, въ Москвѣ памятникъ Бисмарку—создателю Германской имперіи и изобрѣтателю системы „мирнаго завоеванія“ Русской земли. Памятникъ открытый 15 іюня 1901 года, сооруженъ иждивеніемъ всѣхъ Россійскихъ Нѣмцевъ,—хотя большинство ихъ (почти всѣ южные и волжскіе, а также большею частью и западные колонисты), живущіе въ Россіи и числящіеся ея подданными (многіе еще съ конца XVIII и начала XIX столѣтій), казалось бы, не имѣютъ ничего общаго съ Германіей, а тѣмъ болѣе съ Бисмаркомъ, выдвинувшимся только въ концѣ XIX столѣтія.

Любопытно отмѣтить, что россійскіе Нѣмцы въ увѣковѣченіи „желѣзнаго канцлера“ не пожелали отстать даже отъ самой Германіи: памятникъ ему въ Берлинѣ открытъ только нѣсколькими днями раньше (3 іюня 1901 года), чѣмъ въ Москвѣ. При этомъ берлинскій памятникъ Бисмарку тоже сооруженъ при участіи россійскихъ Нѣмцевъ, среди которыхъ обращались германскіе подписные листы.

Вообще наши Нѣмцы не отстаютъ отъ германскихъ Нѣмцевъ во всякихъ національныхъ и государственныхъ (конечно, германскихъ) чествованіяхъ.

Въ 1895 году они приняли живѣйшее участіе въ демонстративномъ чествованіи 80-лѣтней годовщины рожденія Бисмарка. Въ городахъ (даже такихъ, какъ Одесса) и въ нѣмецкихъ колоніяхъ совершались въ кирхахъ молебствія, причемъ пасторами говорились рѣчи, въ которыхъ прославлялись заслуги „великаго германскаго мужа“. Для принесенія поздравленія ему, была даже снаряжена въ Фридрихсруэ особая депутація „отъ нѣмецкихъ колонистовъ Россіи“. Принявъ ее 29 Марта (10 апрѣля) 1895 года и поблагодаривъ за память и поднесенный адресъ, Бисмаркъ обратился къ депутатамъ съ рѣчью, которую закончилъ такъ: „Оставайтесь

вѣрными Германіи Нѣмцами и не подрывайте ничѣмъ русско-германской дружбы".

Этими словами какъ нельзя лучше характеризуется, во-первыхъ, смыслъ „русско-германской дружбы", а во-вторыхъ,—роль и значеніе, какія придаются въ Германіи нашимъ нѣмецкимъ колоніямъ. Колонисты наши должны оставаться „вѣрными Германіи Нѣмцами", то-есть невѣрными и враждебными Россіи (ибо, понятно, одновременная вѣрность Германіи и Россіи немыслима), а колоніи ихъ—уголками Германіи, очагами германизма въ Русскомъ Государствѣ.

Что это дѣйствительно такъ и есть—показываютъ періодическія ревизіи нашихъ нѣмецкихъ колоній, производимыя командируемыми изъ Германіи лицами. Послѣдняя ревизія ихъ, произведенная въ 1900 году докторомъ Гротомъ, который объѣздилъ Кавказъ, и профессоромъ Гассе, объѣздившимъ Югъ, дала чрезвычайно отрадные (для Германіи, конечно) результаты. По отчету перваго ревизора „Нѣмцы,—живущіе на Кавказѣ, до третьяго поколѣнія сохранили свой національный характеръ", причемъ пріумножились необычно: „въ Закавказье первоначально переселилось около 400 семействъ, а теперь имѣется 11 чисто нѣмецкихъ селъ съ населеніемъ до 6,000 душъ". По отчету послѣдняго ревизора, „всѣ Нѣмцы (на югѣ Россіи) сохранили здоровыя національныя черты" и „постепенно совершаютъ мирныя завоеванія".

Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, Германіи ссориться съ Россіей, когда „по-дружески", такъ просто и легко, ведется походъ на Русскую землю? Зачѣмъ обострять отношенія, когда мы и такъ не противимся завоеванію нашихъ окраинъ и утвержденію у насъ германскаго Vaterland'a? Зачѣмъ „портить русско-германскую дружбу", пока она такъ удобна и выгодна, и пока еще, быть-можетъ, не все готово?..

Но если роль германскихъ колонистовъ на нашихъ западныхъ окраинахъ можетъ еще представляться только двусмысленною—по отношенію, конечно, къ мирному времени, ибо не можетъ подлежать никакому сомнѣнію та единственная роль, какую они призваны и должны сыграть въ военное время,—то совсѣмъ уже недвусмысленною является роль здѣсь германскихъ резервистовъ, которые методически поселяются и живутъ въ приграничномъ районѣ, безо всякихъ

видимыхъ надобностей, хотя, конечно, всегда съ какими-нибудь видимыми занятіями.

Это не колонисты, которые осѣдаютъ на землѣ и до поры до времени являются въ роли легальныхъ землевладѣльцевъ; это не капиталисты, скупающіе земли, устраивающіе фабрики, заводы и т. д.; это и не рабочіе, благовидно скрывающіеся до поры до времени за стѣнами этихъ прусскихъ фабрикъ и заводовъ. Это прямо германскіе офицеры и унтеръ-офицеры, состоящіе на службѣ у Германскаго правительства и являющіеся къ намъ—въ качествѣ туристовъ, управляющихъ имѣніями и т. п.—для топографическаго и иного изученія нашего пригранічнаго раіона, вообще для наблюденія за всѣмъ тѣмъ, что у насъ дѣлается, и о чемъ Германіи необходимо своевременно быть освѣдомленною.

Вотъ какая характеристика этимъ прусскимъ резервистамъ сдѣлана была однимъ русскимъ чиновникомъ, много лѣтъ служащимъ въ пригранічномъ районѣ Привислинскаго края и, по его словамъ, на каждомъ шагу встрѣчающимъ Нѣмцевъ, германскихъ подданныхъ, занимающихъ по большей части мѣста управляющихъ въ пограничныхъ имѣніяхъ и хорошо знающихъ названія всѣхъ населенныхъ мѣстъ своего района: „Этотъ Прусскій Нѣмецъ, какъ и многіе ему подобные, долженъ тридцать лѣтъ прожить около границы и непремѣнно на русской территоріи. Онъ можетъ переѣхать сѣвернѣе или южнѣе этой мѣстности, но оставить ее ему нельзя, невыгодно: съ этимъ связана вся цѣль его существованія“. Другой Нѣмецъ, Кисель, тоже прусскій подданный. Его обязанность въ мирное время жить здѣсь или неподалеку. Онъ можетъ заниматься чѣмъ ему угодно. Но непремѣнно разъ или два въ мѣсяцъ долженъ явиться къ пригранічному прусскому ландрату (начальнику уѣзда),—тамъ всѣмъ такимъ Киселямъ ведется счетъ“. Въ третьемъ имѣніи, Ловичи, нашелся завзятый охотникъ—экономъ Буркусъ—Прусскій подданный, живущій въ имѣніи около двадцати лѣтъ. Далѣе—„жили три брата, помѣщики Шперлинги; земля ихъ—вся по пригранічному рубежу, а они—прусскіе подданные. Мало того, два младшіе брата поочередно вытребованы въ Пруссію на военную службу и, отбывъ ее, возвратились обратно запасными. Путешествіе свое на службу и обратно, а также и въ отпускъ, они со-

вершили черезъ черту границы, а не таможню, чѣмъ скрывали оффиціально свое отсутствіе". Всѣ эти помѣщики, управляющіе и экономы „за тридцатилѣтнее пребываніе въ пограничной полосѣ получаютъ отъ Прусскаго правительства пенсію", размѣръ которой опредѣляется „смотря по важности оказанныхъ услугъ". Но „услуги" ихъ не ограничиваются только мирнымъ временемъ. „Задолго до войны фактической, эти агенты начинаютъ дѣйствовать. Они уговариваютъ крестьянъ и помѣщиковъ не продавать овесъ, сѣно и хлѣбъ въ данное время, предупреждая, что скоро явятся Нѣмцы и будутъ платить дороже, золотомъ. Они же будутъ проводниками и указательными досками по всему нашему краю" [1]).

Этихъ прусскихъ агентовъ, именуемыхъ „Королевскими информаторами", „открылъ" на нашихъ западныхъ окраинахъ и г. „Несторъ", давшій имъ въ „Новомъ Времени" (1902 года, № 9,339) ту же недвусмысленную характеристку.

Но предусмотрительность Германіи этимъ далеко не ограничивается. Ея „королевскіе информаторы" существуютъ не только въ нашемъ приграничномъ районѣ, но пробираются даже въ самую нашу армію, какъ это показалъ цѣлый рядъ фактовъ.

Извѣстна „Пфейлевская исторія", въ свое время вызвавшая многочисленные толки. Исторія этой „исторіи" слѣдующая: Прусскій штабсъ-капитанъ Пфейль былъ принятъ, по просьбѣ его, въ 1877 году, въ русскую военную службу; назначенный въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, онъ дослужился до чина полковника. Въ этомъ чинѣ онъ, въ 1891 году, вышелъ изъ русской военной службы и... возвратясь въ Германію, зачисленъ на службу въ германскій генеральный штабъ! Германскія газеты,—вполнѣ справедливо, конечно,—высказывали удовольствіе по поводу такого „мудраго и тонкаго" назначенія вернувшагося Пфейля,—очевидно, бывшаго у насъ лишь въ командировкѣ, для такого изученія Россіи и русской арміи, какое недоступно никакому оффиціальному военному агенту.

Не менѣе извѣстна исторія съ генераломъ Клеммомъ. Этотъ послѣдній (нынѣ покойный), будучи русскимъ гене-

---

[1]) „Развѣдчикъ" (военный журналъ) 1867 года, № 9,—статья г. В. З—на „Нѣмецъ на границѣ".

раломъ, нисколько не скрывалъ своей сыновней привержен-ности Германіи, своего страстнаго поклоненія Бисмарку и германской арміи. Сначала онъ служилъ во внутренней Россіи (въ Московскомъ и Казанскомъ военныхъ округахъ).

Но съ открытіемъ (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) Ковенской крѣпости, находящейся, какъ извѣстно, почти у самой Германской границы, ему удалось сдѣлаться комен-дантомъ этой важнѣйшей крѣпости—къ счастію, впрочемъ, не надолго. И только послѣ всего этого обнаружился фактъ, что, будучи генералъ-майоромъ русской службы, онъ хода-тайствовалъ о переводѣ его въ Германскую армію, на что Императоръ Вильгельмъ и изъявилъ свое согласіе, но только на принятіе его въ чинъ полковника. Только нежеланіе про-мѣнять генеральскій мундиръ на офицерскій удержало еще Клемма на русской службѣ...

Еще краснорѣчивѣе исторія съ генераломъ Эркертомъ, который будучи генераломъ русской службы, состоялъ даже, какъ оказалось впослѣдствіи, прусскимъ подданнымъ и изу-чалъ Россію для предательства ея военныхъ секретовъ Гер-маніи. Служа въ Привислинскомъ краѣ, онъ, подъ видомъ архео-логическихъ раскопокъ и занятій по антропологіи, объѣзжалъ пограничный районъ, причемъ нѣкоторые изъ офицеровъ, находившихся въ его подчиненіи, по его просьбѣ, равносиль-ной приказанію, снимали планы пограничнаго района, ко-нечно, не подозрѣвая цѣли съемки. Генералъ Эркертъ очень часто ѣздилъ въ Пруссію, такъ сказать, частнымъ образомъ—безъ паспорта или билета, а просто по словесному разрѣ-шенію жандармскаго офицера. Эти частыя поѣздки и поро-дили подозрѣнія. За нимъ былъ учрежденъ жандармскій надзоръ, которымъ и обнаружена его „генеральская“ роль въ Россіи.

Всѣ эти исторіи относятся къ восьмидесятымъ и девя-ностымъ годамъ минувшаго столѣтія и, конечно, многимъ еще памятны. О нихъ и въ печати, и въ обществѣ тогда очень много говорилось, но затѣмъ онѣ, какъ водится, осно-вательно забыты. Если скажутъ, что теперь у насъ слава Богу, нѣтъ Пфейлей, Клеммовъ и Эркертовъ, то теперь у насъ есть Гриммы, несущіе ту же службу прусскихъ „коро-левскихъ информаторовъ“.

А въ Германіи теперь есть законъ о военно-политическомъ шпіонствѣ, изданный въ 1892 г., по 88 статьѣ котораго „всякій нѣмецъ, служащій во время войны иностранной державѣ, подвергается за измѣну вѣчному заключенію, а служившій иностранной державѣ раньше и не оставившій службы при началѣ военныхъ дѣйствій, но поднявшій оружіе противъ Германіи или ея союзниковъ,—заключенію въ смирительномъ домѣ срокомъ до десяти лѣтъ".

Этотъ законъ простирается вообще на нѣмцевъ, независимо отъ того—германскіе ли они подданные, или подданные другихъ государствъ...

Какъ извѣстно, задолго до Франко-Прусской войны Эльзасъ и Лотарингія систематически наводнялись нѣмцами, оказавшими затѣмъ, во время войны, очень важныя услуги германской арміи, которая чувствовала себя въ этихъ французскихъ областяхъ, какъ дома.

Но какъ ни было безпечно и близоруко правительство Наполеона III, это мирное „Drang nach Westen встрѣтило со стороны его энергичный отпоръ, благодаря которому Эльзасъ и Лотарингія не могли подвергнуться такому массовому нѣмецкому нашествію и—главное—такому прочному заселенію нѣмцами, какому подверглись послѣ Франко-Прусской войны наши западныя окраины.

Нѣмецкое Drang nach Westen не только не встрѣтило должнаго, своевременнаго отпора съ нашей стороны, но совершенно наоборотъ—мы сами поддерживали это вражье нашествіе, сами водворяли и укрѣпляли у себя вражью силу, сами разселяли въ своемъ приграничномъ районѣ непріятельскій авангардъ. При графъ Бергѣ и Коцебу въ Привислинскомъ краѣ земли, конфискованныя у польскихъ помѣщиковъ за участіе въ мятежѣ 1863 г., раздавались не русскимъ крестьянамъ, какъ объ этомъ тщетно хлопотали тогдашніе русскіе дѣятели, а германскимъ колонистамъ, какъ то предпочитали мѣстные нѣмецкіе властители. Это и послужило основаніемъ для дальнѣйшей германизаціи окраины.

Объ усердіи Германіи въ этомъ отношеніи можно судить по тому, что нашъ Привислинскій краій въ послѣднее тридцатилѣтіе гораздо гуще заселенъ нѣмецкими колонистами, чѣмъ даже Познань и Эльзасъ-Лотарингія, принадлежащія Пруссіи. За все время существованія Бисмарковской

„колонизаціонной комиссіи“, ей удалось скупить для заселенія нѣмецкими колонистами, не менѣе 200 имѣній и около 300 крестьянскихъ надѣловъ, всего въ количествѣ 250 тыс. гекторовъ (около 240 тыс. десятинъ). У насъ же въ одномъ Привислинскомъ краѣ за это время скуплено Германіей и заселено нѣмецкими колонистами свыше полумилліона десятинъ земли, а на всѣхъ западныхъ окраинахъ—до полутора милліона десятинъ.

Могутъ сказать, что наши западныя окраины не имѣютъ ничего общаго съ Эльзасомъ и Лотарингіей: послѣднія Пруссія считала своими областями, ибо ранѣе долгое время владѣла ими, а потому, естественно, стремилась возвратить ихъ себѣ отъ Франціи,—наши же западныя окраины никогда не принадлежали Пруссіи, которая по этому не имѣетъ на нихъ никакихъ правъ и не можетъ стремиться возвратить ихъ себѣ.

Не станемъ уже говорить о нашихъ Балтійскихъ губерніяхъ, которыя, какъ это всѣмъ извѣстно, считаются въ Германіи такими же „своими“, какъ и Эльзасъ-Лотарингія. Но и нашъ Привислинскій край, которымъ Пруссія владѣла съ 1795 по 1807 г. (отъ третьяго раздѣла Польши до образованія Наполеономъ I „Герцогства Варшавскаго“), считается въ Германіи „своимъ“. Основываясь на этомъ двѣнадцатилѣтнемъ владѣніи, Пруссія неоднократно уже заявляла на Привислинскій край свои права и претензіи даже оффиціально.

Такъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г., Пруссія спасенная Россіей, заявила протестъ противъ присоединенія къ намъ завоеваннаго нами „Герцогства Варшавскаго“, требуя возвращенія его себѣ. По проекту Кнезебека, владѣнія Россіи должны были ограничиться Вислой, Бугомъ и Наревомъ, территорія же за этими рѣками, т. е., почти весь Привислинскій край, не исключая даже Холмской Руси, должна была перейти къ Пруссіи.

Претензія эта не увѣнчалась успѣхомъ. Но своихъ „правъ“ на нашъ Привислинскій край нѣмцы не забыли. Въ Крымскую кампанію, когда мы находились въ затруднительномъ положеніи, въ Пруссіи открыто обсуждался вопросъ объ „удобномъ моментѣ“ для „возвращенія“ Привислинскаго края. Такимъ же „удобнымъ моментомъ“ для этого признавался и

863 г., когда Бисмаркъ оффиціально домогался нашего со-
ласія на вводъ въ Привислинскій край Прусскихъ войскъ,
то явилось бы благовиднымъ занятіемъ его Пруссіей, въ
которой открыто заявлялось, что „Россіи Польша въ тягость“...

Неоффиціально же пропаганда „возвращенія“ Привис-
линскаго края въ Германіи ведется систематически. Вопросъ
тотъ обсуждается въ безчисленныхъ брошюрахъ и тракта-
ахъ, постоянно появляющихся на свѣтъ Божій. Теперь, когда
въ этомъ краѣ поселено уже помилліона нѣмцевъ и утверж-
денъ форменный Vaterland, „права“ на него Германіи, ко-
нечно, признаются еще болѣе „неоспоримыми“.

Теперь нѣмцы, правда, не говорятъ, что „Польша въ тя-
гость Россіи“. Но теперь они говорятъ уже, что „Русская
Польша въ тягость Германіи“: Россія не умѣетъ-де поконг-
нить съ Польшей, т. е. стереть ее, по примѣру Поморья,
Восточной Пруссіи и Познани, съ лица земли, и Привислин-
скій край остается сильнымъ оплотомъ польщизны, опас-
нымъ не для Россіи только, но и для Германіи. Опасность
эта можетъ быть устранена только „возвращеніемъ“ края
Германіи, которая быстро германизуетъ его и уничтожитъ
въ немъ всякіе слѣды Польши.

Какъ извѣстно, теперь вообще восточные горизонты Гер-
маніи значительно расширились. Drang nach Osten не только
въ модѣ, но и составляетъ, можно сказать, основу герман-
ской политики, сущность германскихъ стремленій. Германія
преобладаетъ въ Константинополѣ, Германія объявляетъ свой
протекторатъ не только надъ лютеранами, но и надъ като-
ликами на Востокѣ, Германія утверждается въ Палестинѣ и
Малой Азіи, Германія строитъ Багдадскую жел. дорогу.

Но и Палестина, и Малая Азія, и Багдадская жел. дор.
не только удалены, но, главное, *отдѣлены*, отъ Германіи. А
между тѣмъ ихъ такъ легко соединить: черезъ Кавказъ, т. е.
черезъ Россію, Багдадъ и Малая Азія могутъ быть соедине-
ны непрерывною магистралью съ Берлиномъ! Вѣдь уже те-
перь они соединены непрерывною цѣпью нѣмецкихъ коло-
ній, тянущихся отъ предѣловъ Германіи чрезъ всю Евро-
пейскую Россію и Кавказъ. Остается, слѣдовательно, только
отбросить Россію за Волгу и... вѣковой Drang nach Osten
будетъ завершенъ, германскій имперіализмъ увѣнчается пол-
нымъ торжествомъ...

Багдадская желѣзная дорога вызвала и продолжаетъ вызывать многочисленные толки въ печати и обществѣ какъ въ Западной Европѣ, такъ у насъ. Среди различныхъ мнѣній и сужденій по этому вопросу всѣ, кажется, сходятся на одномъ пунктѣ—на политическомъ значеніи и назначеніи дороги, экономическій характеръ которой выставляется Германіей лишь „для отвода глазъ“, съ цѣлью привлеченія къ участію въ осуществленіи ея иностранныхъ (французскихъ и англійскихъ) капиталовъ. Нѣмцы хотятъ создать для себя политическую позицію на Ближнемъ Востокѣ, такъ сказать, чужими руками, на чужіе капиталы. Для чего же и противъ кого Германія создаетъ эту политическую „позицію“ на Ближнемъ Востокѣ?

Утвержденіе Германіи въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ,—какъ это всякому понятно и какъ это всѣми безспорно признается,—одинаково противно интересамъ—торговымъ и политическимъ—всѣхъ державъ, имѣющихъ таковыя на Ближнемъ Востокѣ, и, слѣдовательно, для всѣхъ нихъ является одинаковою угрозой. Но совсѣмъ почему-то упускается изъ вида особое значеніе для Россіи германской „политической позиціи“ въ Малой Азіи, созидаемой почти у самаго нашего (южнаго) рубежа и открывающей, такимъ образомъ, Германіи перспективу двухсторонняго натиска на Россію и вторженія въ нее съ запада—изъ Европы, и съ юга—изъ Азіи.

М. О. Меньшиковъ въ своихъ „Письмахъ къ ближнимъ“, говоря что „Колумбовъ переворотъ“ (т. е. открытіе Америки), вызвавшій движеніе западно-европейскихъ народовъ на западъ, въ настоящее время можетъ считаться законченнымъ и что западно-европейскимъ народамъ теперь поневолѣ приходится обращать свои взоры на Востокъ, справедливо указывалъ, что „среди нѣмцевъ Россія давно разсматривается, какъ ихъ колонія. Drang nach Osten со временъ Карла Великаго—девизъ Германіи; въ нѣмецкой публицистикѣ завоеваніе Россіи—тема обычная, ничуть не фантастическая. Еще недавно Вильгельмъ II провозгласилъ возрожденіе древней Ганзы... Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ни Африка, ни Аргентина, ни Малая Азія, а именно наше отечество—главная мечта Германіи“. Поэтому, почтенный публицистъ справедливо не придаетъ значеніе тому,

что „нѣмцы двинулись теперь на Турцію“ и не вѣритъ „чтобы тутъ цѣлью была колонизація германской расы“ [1]).

Однако, германская колонизація Палестины и Сиріи, гдѣ существуетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ колоній, давно уже начата и ведется, и вѣритъ въ дальнѣйшую колонизацію германской расой Азіатской Турціи,—которая, съ постройкой Багдадской дороги становится какъ бы „своею стороной“ для Германіи,—все-же приходится и именно потому, что „наше отечество главная мечта Германіи“, т. е. цѣль германскаго Drang nach Osten, для достиженія которой Азіатская Турція можетъ послужить прекраснымъ средствомъ. Завоеваніе Россіи, овладѣніе ея обширными и плодоносными европейскими равнинами—не мечта только, а цѣлая политическая система, давно осуществляемая путемъ „мирнаго завоеванія“, то есть колонизація, сосредоточенной въ тѣхъ именно пунктахъ и на тѣхъ именно путяхъ Европейской Россіи, нѣмецкое обладаніе которыми должно если не обезпечить, то, во всякомъ случаѣ, облегчить и подготовить грядущее вооруженное вторженіе къ намъ Германіи. А потому весьма естественно, что Германія стремится всякими путями и способами обезпечить успѣшное осуществленіе этой мечты, открыто лелѣемой нѣмцами. А что же можетъ обезпечить его лучше, какъ возможность вторженія съ двухъ фронтовъ: съ Запада и съ Юга, гдѣ теперь и утверждается, посредствомъ Багдадской дороги, Германія?

Съ запада Германія наводнила своими „колонистами“ нашъ Привислинскій Край, и наши приграничныя западныя и южныя губерніи. Съ юга (изъ Азіи)—она также просто и даже, быть-можетъ, еще проще наводнитъ своими „колонистами“ Кавказъ и, овладѣвъ этимъ мостомъ изъ Азіи въ Европу, двинется далѣе на Сѣверъ и на Западъ. Такимъ образомъ, непрерывная цѣпь нѣмецкихъ колоній, тянущаяся отъ предѣловъ Германіи чрезъ Западную и Южную Россію, сомкнется съ Ново-Германіей, утверждающеюся въ Азіатской Турціи, и вся Европейская Россія окажется въ германскихъ тискахъ. Багдадъ и Малая Азія *сухимъ путемъ* соединятся съ Германіей.

Путь этотъ—чрезъ Европейскую Россію и Кавказъ—не

---

[1]) „Новое Время“; 1903 г., № 9,735.

новость для нѣмцевъ: они давно его намѣтили и давно намѣревались проложить его. Еще при Александрѣ I въ 1816—1817 гг., цѣлая армія нѣмцевъ-колонистовъ, въ количествѣ до 4 тысячъ человѣкъ, двинулась изъ Пруссіи чрезъ всю Европейскую Россію и сѣверный Кавказъ; они, однако, были остановлены нами въ Закавказьѣ,—остановлены не изъ какихъ-либо политическихъ соображеній, а просто изъ опасеній за безопасность ихъ дальнѣйшаго, за предѣлами Россіи, путешествія и... изъ желанія оставить ихъ у себя. Всѣ они были поселены на казенныхъ земляхъ въ Тифлисской и Елисаветпольской губерніяхъ, и составили первыя нѣмецкія колоніи на Кавказѣ—Александердорфъ, Елисаветполь, Маріенфельдъ, Петерсдорфъ, Екатериненфельдъ и Куки.

Такимъ образомъ, Палестина и Малая Азія были спасены отъ нѣмецкаго плѣненія, а Кавказъ отданъ нами нѣмцамъ. За первыми поселенцами, щедро надѣленными русскою казной и землями, и строительнымъ матеріаломъ, и деньгами (имъ было выдано въ безвозвратную ссуду 900000 р.), конечно, потянулись другіе, и въ настоящее время на Кавказѣ до 100 тысячъ нѣмцевъ, образующихъ особыя поселенія (колоніи) и живущихъ обособленною жизнью.

Любопытно отмѣтить, что въ то время какъ въ западныхъ областяхъ государства уже принимались кое-какіе, хотя и весьма проблематичныя, мѣры противъ германскаго „мирнаго завоеванія“, на Кавказѣ и по сейчасъ нѣмцы не только свободно ведутъ свое „мирное завоеваніе“, но и обильно надѣляются казенными землями. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1895 году) нѣмцамъ колоніи Темпельгофъ и Орбеліановка (Терской области), основавшимся въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на частновладѣльческой землѣ, отведено въ безсрочное (постоянное) и *безплатное* пользованіе 4,500 десятинъ казенной земли изъ Сухолодинскихъ и Горькобалковскихъ оброчныхъ статей Ставропольской губерніи [1]).

Такимъ путемъ, конечно, Кавказъ очень просто можетъ обратиться въ нѣмецкій Vaterland и „мирное завоеваніе“ Россіи, стѣсненное съ Запада можетъ свободно продожаться съ Юга. Правда, на Югѣ, въ Азіи, нѣтъ для этого кадра

[1]) Предоставлены эти земли 130 семействамъ колонистовъ, то-есть по 35 десятинъ на семью.

арміи „колонистовъ“. Но Багдадская желѣзная дорога, посредствомъ которой Германія намѣревается утвердиться въ сопредѣльной намъ Азіатской Турціи и колонизовать ее,—создаетъ этотъ кадръ.

Такимъ образомъ, Германія открываетъ себѣ новый путь для „мирнаго завоеванія“ Россіи, а для Россіи открывается новая опасность—вторженія Германіи съ двухъ фронтовъ.

Да не подумаетъ читатель, что это моя личная фантазія, мое больное воображеніе. Я тутъ не при чемъ. Это проекты и мечты германскихъ политиковъ, фантазіи, точнѣе—претензіи, которыхъ въ послѣднее время дѣйствительно болѣзненно разыгрались. „Пусть говорятъ что угодно Аксаковы и Катковы,—русскимъ предстоитъ лишь одинъ выборъ: если они желаютъ быть Европейцами,—мы необходимы имъ и въ войскѣ, и въ правительствѣ, и въ торговлѣ. Въ противномъ случаѣ—пожалуйте въ Азію,—dann gute Nacht, Russland!“

Это—слова одного изъ видныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Германіи, Фридриха Дернбурга, главнаго редактора Берлинской „Національной Газеты“.

По увѣренію нѣмецкаго „ученаго“, В. Гена, Россія должна сдѣлаться достояніемъ нѣмцевъ, миссія которыхъ—властвовать въ Россіи и просвѣщать ее [1]).

Эту мысль—подробнѣе развиваетъ другой германскій „ученый“, уже упоминавшійся нами, Карлъ Іенчъ. Въ своей книгѣ „Ни коммунизмъ, ни капитализмъ“, изданной въ Берлинѣ и вызвавшей большую сенсацію въ общественныхъ и политическихъ кругахъ Германіи,—онъ говоритъ:

„Весь міръ знаетъ, что русскій крестьянинъ, погруженный въ спиртные пары и праздность, опускается все ниже и ниже, что если онъ что-либо и заработаетъ, то весь его заработокъ забираетъ какой-нибудь ничего не производящій ростовщикъ, что крестьянинъ этотъ умираетъ съ голоду на самой плодородной почвѣ, и что самую землю, вслѣдствіе

---

[1]) Сей господинъ Генъ, нынѣ умершій, подвизался въ качествѣ „ученаго“ и политика въ Берлинѣ, но родился, выросъ и учился въ Россіи—въ бывшемъ Дерптскомъ университетѣ, котораго былъ потомъ „почетнымъ докторомъ филологіи“. Ненависть къ Россіи не мѣшала ему быть дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ русской службы.

своего хищническаго способа обработки, все болѣе и болѣе ухудшаетъ, что онъ опустошаетъ лѣса и оставляетъ рѣки заноситься пескомъ и мелѣть; что русскій служилый классъ подкупенъ и неспособенъ, что интеллигенція въ громадномъ большинствѣ случаевъ—отчаявшіеся нигилисты или утописты".

Что же изо всего этого слѣдуетъ? То, что Россія должна быть поглощена Германіей, что въ этомъ только поглощеніи —наше (русское) спасеніе! „Россія относится къ намъ какъ варварство къ цивилизаціи, и это долгъ для носителей культуры побѣдить варварство".

Для выполненія этого „долга" Германія должна отрядить 10 милліоновъ колонистовъ, часть которыхъ можетъ де свободно размѣститься въ Россіи. „Русское обнищалое дворянство будетъ очень радо найти богатыхъ покупателей и арендаторовъ для своихъ земель, а русскіе спившіеся крестьяне будутъ довольны перемѣнить оброчное рабство на легкую службу у хозяйственныхъ господъ, у которыхъ они будутъ имѣть свой хлѣбъ". Другая же часть колонистовъ только пройдетъ чрезъ Россію, осядетъ же въ районѣ „восточной политики" Германіи—въ Малой Азіи, Палестинѣ и Сиріи. При этомъ Европейская Россія упразднится: разселенные 10 милліоновъ германскихъ колонистовъ, вмѣстѣ съ 4 милліонами уже имѣющихся въ Россіи и Палестинѣ нѣмцевъ, „должны образовать республики подъ номинальнымъ верховенствомъ Царя и Порты. Эти республики будутъ подъ покровительствомъ Германскаго императора, и, такимъ образомъ, Восточная Европа и Передняя Азія составятъ сильное нѣмецкое государство, защитную опору европейской культуры противъ русскихъ и монгольскихъ ордъ".

Наконецъ, еще одинъ, т. е. уже третій, берлинскій „ученый" (анонимно) утверждалъ недавно, что Россія не можетъ существовать самостоятельно, то-есть безъ нѣмцевъ. „Нѣмцы одни только могли помочь (!) русскимъ образовать государство. Предоставленные же сами себѣ, русскіе представляютъ лишь языческую силу, не больше"...

Извѣстны слова недавней рѣчи императора Вильгельма въ Ахенѣ о „міровомъ владычествѣ, къ которому стремится германскій духъ". Въ другой рѣчи онъ сказалъ: „моя выс-

шая задача—разрушить преграды, раздѣляющія великій нѣмецкій народъ". А бывшій канцлеръ графъ Бюловъ при этомъ заявилъ, что „миссія Пруссіи—охранять нѣмцевъ *вездѣ*"...

IV.

Wolynland и Kowenland.

Знаете, что это такое—Wolynland и Kowenland? Это наши Волынская и Ковенская губерніи, вообще нашъ Западный Край, какъ онъ не рѣдко уже именуется въ германской печати. И не совсѣмъ безосновательно, такъ какъ въ Волынской губерніи, напримѣръ 800 германскихъ колоній съ 210 тысячами германскихъ колонистовъ, которымъ принадлежитъ только на правѣ собственности (не считая арендnаго пользованія) 700 тысячъ десятинъ земель, что составляетъ почти десятую часть всей территоріи губерніи. А во всемъ Западномъ Краѣ нѣмцамъ принадлежитъ свыше 2 милліоновъ десятинъ земель.

Какъ констатируется въ оффиціальномъ документѣ, колонисты, даже уже родившіеся и выросшіе въ Россіи, не проявляютъ ни малѣйшей склонности къ сближенію съ русскимъ населеніемъ и къ жизни общею съ нимъ жизнью. Наоборотъ: колонисты живутъ совершенно особнякомъ, сохраняя тѣсную, органическую связь съ Германіей, считая себя сынами и гражданами ея, а не Россіи. Долгій опытъ, убѣждаетъ въ томъ, что иностранные поселенцы, въ большинствѣ своемъ выходцы изъ Пруссіи, могутъ считаться русскими лишь формально, на самомъ-же дѣлѣ по политическимъ убѣжденіямъ, языку, обычаю и религіи, всецѣло тяготѣютъ къ своимъ зарубежнымъ сородичамъ и къ центрамъ германской цивилизаціи" [1]).

Можно сказать болѣе: колонисты, оккупирующіе наши западные окраины, не только тяготѣютъ къ Германіи, но и считаютъ себя сынами и гражданами ея, а не Россіи. По сообщенію мѣстной газеты, „многіе нѣмцы—молодые люди при-

[1]) Объяснительная записка къ законопроекту, внесенному правительствомъ въ Госуд. Думу, объ ограниченіи иностранной колонизаціи въ Юго-Западномъ краѣ.

зывного возраста отправляются для отбыванія воинской повинности въ Германію и, отслуживъ тамъ на военной службѣ, возвращаются обратно". Газета справедливо говоритъ по этому, поводу: „Не надо быть пророкомъ, чтобы угадать на чьей сторонѣ окажутся эти колонисты-нѣмцы, хотя бы и русско-подданные, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Германіей и Австріей. Воспитаные въ нѣмецкой казармѣ и проникнутые любовью къ „Фатерлянду", запасные (германской арміи), лишь только непріятель вторгнулся-бы въ наши предѣлы, образуютъ на мѣстѣ готовый кадръ ополченія, достаточный ему на первое время и особенно цѣнный по знанію мѣстныхъ условій"[1]).

Въ изданной недавно въ Дармштадтѣ „союзомъ прибалтійскихъ нѣмцевъ" „Адресной книгѣ" находится длинный списокъ „русскихъ" нѣмцевъ, состоящихъ на германской военной службѣ въ офицерскихъ чинахъ. Такимъ образомъ, на случай войны съ Россіей, Германія имѣетъ у насъ готовые кадры не только своего ландвера, но и запасныхъ офицеровъ, хорошо знакомыхъ съ русскими условіями...

Интересно сопоставить съ этимъ данныя объ уклоненіи нѣмцевъ-колонистовъ отъ русской воинской повинности, которую они обязаны отбывать, какъ русскіе подданные. Въ послѣдній призывъ (1909 г.) изъ 753 внесенныхъ въ призывные списки по Новоузенскому уѣзду, Саратовской губ., нѣмцевъ-колонистовъ не явилось 150, т. е. 20%. Въ виду систематическаго уклоненія нѣмцевъ-колонистовъ отъ воинской повинности, Новоузенское уѣздное земство возбудило въ настоящее время ходатайство о выдѣленіи нѣмецкихъ волостей въ особый призывной участокъ.

Саратовская губернія не исключеніе: то же происходитъ вездѣ, гдѣ живутъ нѣмецкіе колонисты.

Все это факты, которые отнюдь не даютъ возможности, болѣе того—не даютъ права считать нѣмцевъ-колонистовъ, живущихъ у насъ даже болѣе столѣтія, сынами Россіи, русскими гражданами. Какъ можемъ мы ихъ считать таковыми, когда сами они сознаютъ и считаютъ себя сынами и гражданами не Россіи, а Германіи?

---

[1]) „Жизнь Волыни" 1910 г., № 97.

Дѣло не въ томъ только, что въ Россіи, преимущественно на окраинахъ ея, утвердилось свыше четырехъ тысячъ нѣмецкихъ колоній, а въ томъ что эти колоніи по сей день остаются *германскими*, какъ по своей культурѣ, такъ и по духу стремленій, по интересамъ и чувствованіямъ.

Начавъ селиться у насъ еще въ XVIII столѣтіи и составляя въ настоящее время весьма значительный процентъ (до 14%) населенія во многихъ, главнымъ образомъ, окраинныхъ, смежныхъ съ Германіей и Австріей, губерніяхъ, поселенцы эти по-нынѣ остаются совершенно чуждымъ Россіи и обособленнымъ отъ всего русскаго элементомъ. Причисляя себя къ высшей культурной расѣ, они пренебрежительно относятся къ окружающему ихъ русскому населенію и, взрощая у насъ свой Vaterland, занимаютъ положеніе прямо враждебное Россіи. Вся жизнь ихъ, весь ихъ домашній и общественный бытъ, обставлены совершенно своеобразно, по-германски; даже въ отношеніи народнаго образованія колонисты находятся въ особомъ отъ прочаго населенія положеніи, что и составляетъ корень зла.

Нѣмецкія школы—вотъ источникъ враждебной обособленности колонистовъ, разсадники германизма, и обрусеніе этихъ школъ было-бы, поэтому, весьма существенною мѣрой огражденія культурныхъ и государственныхъ интересовъ Россіи. При тѣхъ условіяхъ, при той закваскѣ, въ какой растутъ нынѣ дѣти нѣмецкихъ колонистовъ, изъ нихъ не могутъ выходить русскіе граждане, невозможно ожидать не говоримъ уже сліянія, но хотя бы какого-нибудь сближенія нѣмцевъ съ русскимъ населеніемъ, пріобщенія ихъ къ русской гражданственности и государственности. Нѣмецкая школа не можетъ, естественно, воспитывать русскихъ гражданъ, какъ русская школа не можетъ воспитывать гражданъ германскихъ. Совершенно естественно, что, воспитываясь въ нѣмецкихъ школахъ, колонисты-нѣмцы не дѣлаются русскими, а остаются германскими гражданами. А разъ они чувствуютъ себя германскими гражданами, дѣтьми своего Vaterland'a, отношенія ихъ къ Россіи могутъ проявляться лишь въ томъ антагонизмѣ, въ томъ культурно-политическомъ ненавистничествѣ, которые мы видимъ съ ихъ стороны съ момента водворенія у насъ по сей день.

Въ Юго-Западномъ краѣ нѣмецкія школы уже подверглись нѣкоторому преобразованію; отъ учителей нѣмецкихъ школъ, подчиненныхъ вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, но остающихся въ ближайшемъ завѣдываніи пасторовъ, требуется знаніе русскаго языка и преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ по-русски. Опытъ, однако, показалъ что эта система „обрусенія“ нѣмецкихъ колоній не ведетъ къ цѣли. Несмотря на введеніе русскаго преподаванія, нѣмецкія школы остаются германскими по духу, нѣмецкія же колоніи—ячейками германизма въ русскомъ государствѣ, Германіей—въ Россіи. Сущность дѣла не измѣнилась.

Въ общихъ народныхъ школахъ дѣтей нѣмецкихъ колонистовъ вы не встрѣтите. Да и зачѣмъ имъ общія, т. е. русскія школы, когда у нихъ вездѣ имѣются свои особыя нѣмецкія школы,—нѣмецкія по названію и германскія по духу? Обучаясь въ этихъ школахъ, дѣти колонистовъ выростаютъ совершенно внѣ русской атмосферы, что, естественно и ставитъ ихъ въ ту обособленность отъ всего русскаго, которая составляетъ отличительную и наиболѣе ненормальную черту въ бытѣ нашихъ нѣмецкихъ колоній. Новыя поколѣнія колонистовъ растутъ и воспитываются здѣсь въ чисто-германской атмосферѣ. Неудивительно, что нѣмцы, родившіеся и выросшіе въ Россіи, остаются такими же *германцами*, какими были ихъ отцы и дѣды, вышедшіе изъ Германіи; Россія для нихъ—нѣчто чуждое, Германія—родное и любезное отечество. Благодаря именно нѣмецкимъ школамъ, не только не сглаживается рѣзкая грань, отдѣляющая нѣмецкихъ колонистовъ отъ русскаго населенія, но и въ будущемъ нельзя предвидѣть ни малѣйшей ассимиляціи въ этой области.

Русская правительственная власть на окраинахъ, когда ей приходится имѣть сношенія съ нѣмецкими колоніями, всегда находится въ какомъ-то странномъ, двухсмысленномъ и прямо глупомъ положеніи. Долгъ службы требуетъ всегда и вездѣ быть русской, объясняться она должна на русскомъ языкѣ, какъ языкѣ государственномъ. Но что ей дѣлать когда г.г. нѣмцы не только не желаютъ говорить съ ней на русскомъ языкѣ, но и не понимаютъ этого языка, мало того —даже презрительно отворачиваются отъ русскихъ чиновниковъ, когда они обращаются къ нимъ по-русски; чинов-

никъ не можетъ выполнить своего долга въ нѣмецкихъ колоніяхъ безъ помощи переводчика! Конечно, такое положеніе ставитъ русскую власть въ затрудненія и заставляетъ ее часто избѣгать сношеній съ нѣмецкими колоніями, что еще болѣе обособляетъ ихъ, оставляя ихъ совсѣмъ внѣ русскаго вліянія и надзора. Даже въ судахъ нѣмцы-колонисты объясняются черезъ переводчиковъ.

Вотъ одинъ изъ многихъ чрезвычайно характерный фактъ нѣмецкой обособленности изъ жизни Wolynland'a.

По рѣшенію суда, вступившему въ законную силу и обращенному къ исполненію, въ Новоградволынскомъ уѣздѣ долженъ былъ быть выселенъ одинъ нѣмецъ-колонистъ, не пожелавшій возобновить окончившійся арендный договоръ съ помѣщикомъ и отказавшійся добровольно освободить чужую землю. Обыкновенно выселеніе производится однимъ судебнымъ приставомъ. Но выселеніе нѣмца-колониста—дѣло совсѣмъ необыкновенное; зная это по опыту, вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ, прибыла чуть не вся уѣздная власть, во главѣ съ исправникомъ и въ сопровожденіи урядниковъ и сельской полиціи, въ числѣ до 100 чел. Казалось бы, слишкомъ, достаточно для выселенія одного человѣка! Но нѣмецъ-колонистъ оказался не одинъ. По словамъ мѣстной газеты,—„всѣ 50,000 нѣмцевъ уѣзда, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили не уступать, проявить полную солидарность.... Густая толпа нѣмцевъ (собравшихся изо всѣхъ колоній уѣзда) окружила домъ выселяемаго и, образовавъ живую непроницаемую стѣну, не допускала къ дому судебнаго пристава, который и просилъ вмѣшательства полиціи... Долго возилась полиція съ нѣмцами и, наконецъ, рѣшила употребить силу, чтобы проникнуть въ домъ колониста. Но и усилія ни къ чему не повели. Тогда отданъ былъ приказъ арестовать всѣхъ кто будетъ заграждать дорогу, но что при этомъ произошло—трудно уже описать: разсвирѣпѣвшіе нѣмцы мало того, что отняли и освободили всѣхъ арестованныхъ, но еще и побили полицію. Одному городовому разбили голову въ кровь, нѣкоторымъ изъ урядниковъ поранили руки, у сотскихъ порвали платье и всѣхъ вообще прогнали“ [1]).

---

[1]) „Волынь“ 1900 г., № 90.

Обратите вниманіе: все дѣло разыгралось по поводу выселенія только одного нѣмца!

Теперь представимъ себѣ, что дѣло будетъ касаться не одного нѣмца-колониста, а 50 милліоновъ нѣмцевъ, всего ихъ Vaterland'a...

Если пустая гражданская тяжба вызываетъ такую солидарность нѣмцевъ, то чего же ждать въ случаѣ какихъ-либо политическихъ осложненій? Если нѣмцы-колонисты такъ относятся къ русскому порядку и русской власти и такъ буйно, чтобы не сказать мятежно, ведутъ себя въ то время, когда мы находимся въ дружескихъ отношеніяхъ съ ихъ Vaterland'омъ, то чего же ждать намъ отъ нихъ въ случаѣ обостренія этихъ отношеній и разрыва нашего съ Германіей? Если за одного колониста подымается цѣлый уѣздъ, всѣ его 50,000 колонистовъ (это въ уѣздѣ, въ которомъ всего жителей 280,000 и который находится почти у самой границы!), кто же рѣшится увѣрять, что за 60 милліоновъ нѣмцевъ, за весь Vaterland не поднимутся всѣ наши нѣмецкіе колонисты, которыхъ въ одномъ только западномъ приграничномъ районѣ свыше милліона, а съ южными и волжскими колоніями—два милліона?

Въ послѣднее время германская колонизація Wolynland'a и Kowenland'a, вообще нашихъ западныхъ окраинъ, вновь (послѣ нѣкотораго перерыва) организуется въ широкихъ размѣрахъ. Организовано заселеніе германскими колонистами и Прибалтійскаго края, заселеніе идущее планомѣрно. Землевладѣніе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сосредоточено въ нѣмецкихъ рукахъ. Это облегчаетъ здѣсь колонизацію, открывая возможность правильной ея организаціи: помѣщики выдѣляютъ изъ своихъ владѣній участки земли и продаютъ ихъ на льготныхъ условіяхъ германскимъ колонистамъ, или заселяютъ свои имѣнія этими колонистами на арендномъ правѣ. Въ одномъ только Гольдингенскомъ уѣздѣ свыше 30 имѣній заселено, такимъ образомъ, колонистами; въ Газенпотскомъ уѣздѣ почти всѣ имѣнія уже колонизованы, въ Феллинскомъ, Верроскомъ и др. уѣздахъ десятки имѣній дѣятельно колонизуются. При этомъ, какъ отмѣчается мѣстной печатью, „владѣльцы имѣній не останавливаются предъ значительными затратами, съ которыми сопряжена колонизація". Во всѣхъ трехъ губерніяхъ основались колонизаціонныя

общества или товарищества. Рядомъ съ этимъ происходитъ эмиграція туземнаго населенія въ Сибирь и Америку. „Если эта система продолжится, то вскорѣ,—говоритъ мѣстная русская газета,—каждое имѣніе въ Прибалтійскомъ краѣ превратится въ островъ, гдѣ германизаціонныя стремленія по точно опредѣленной программѣ начнутъ осуществляться".

Подобныя же извѣстія идутъ изъ Привислинскаго края. Послѣ нѣкотораго перерыва, въ послѣднее время возобновилась нѣмецкая колонизація и въ Привислинскомъ краѣ; въ польскихъ газетахъ безпрестанно раздаются вопли отчаянія по поводу перехода польскихъ имѣній въ руки нѣмцевъ и заселенія ихъ колонистами. То же и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ, вслѣдствіе кризиса, переживаемаго польскимъ землевладѣніемъ, очень много продающихся имѣній, въ числѣ покупщиковъ ихъ являются и нѣмцы, обращающіе имѣнія въ свои колоніи. Недавно „Виленскій Вѣстникъ", указывая на Нѣмцевъ, какъ на главныхъ покупателей польскихъ земель въ пограничной Ковенской губерніи, сказалъ относительно одного изъ ея уѣздовъ (Россіенскаго): „Если дѣло продолжится такъ и далѣе, то въ скоромъ времени о польскихъ помѣщикахъ въ этомъ уѣздѣ останется одно лишь воспоминаніе".

Въ Юго-Западномъ краѣ средоточіемъ германской колонизаціи служитъ Волынь. Здѣсь сотни помѣщичьихъ имѣній заселены на правахъ долгосрочной аренды колонистами—нѣмцами еще въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и отчасти восмидесятыхъ годахъ. Въ настоящее время эти имѣнія стали переходить въ собственность колонистовъ, причемъ въ пріобрѣтаемыя ими имѣнія привселяются новые колонисты. Недавно по этому поводу въ „Жизни Волыни" помѣщено было такое письмо мѣстнымъ крестьянамъ: „Больно намъ, русскимъ людямъ, смотрѣть, какъ на нашихъ глазахъ истинно-русскія земли переходятъ въ руки нѣмцевъ—въ то самое время, когда мы, коренное русское населеніе, вынуждены надѣвать торбы и идти въ далекую Сибирь искать новыхъ земель для заселенія, такъ какъ за тѣснотой намъ трудно жить на родинѣ"...

Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, признать нормальнымъ этотъ фактъ, русское населеніе западныхъ губерній пере-

селяется въ азіатскія области, а его мѣсто занимаютъ германскіе колонисты!

Но этого оказывается недостаточно. Въ началѣ 1908 года Волынскіе нѣмецкіе колонисты обратились въ Государственную Думу, чрезъ бывшаго ея товарища предсѣдателя барона А. Ф. Мейендорфа (депутата отъ Лифляндской губерніи), съ жалобой на правительство, которое „трактуетъ ихъ, какъ принадлежащихъ къ нѣмецкой національности, не какъ полноправныхъ русскихъ гражданъ“, и съ ходатайствомъ „склонить прочихъ членовъ Думы заступиться за ихъ полноправіе“, которое должно выразиться въ томъ, что бы они, германскіе колонисты, могли пользоваться, наравнѣ съ русскими крестьянами, услугами Государственнаго Крестьянскаго Земельнаго Банка для расширенія своего землевладѣнія на что—де они имѣютъ право, какъ русскіе подданные.

Принявъ ходатайство волынскихъ колонистовъ, баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ имъ, что „члены Думы, какъ онъ полагаетъ возможнымъ завѣрить, не оставятъ безъ вниманія ихъ заявленія, если таковые будутъ подкрѣплены фактическими данными, но что имъ слѣдуетъ знать, что полнаго равноправія для всѣхъ обывателей еще нѣтъ въ Россіи и такового не содержится въ Манифестѣ 17-го октября, что изданные въ послѣдніе годы указы къ улучшенію благосостоянія крестьянъ лишь въ малой степени могутъ распространиться на колонистовъ и даже можетъ быть оспариваемо, распространяется-ли на нихъ указъ объ уменьшеніи платежей Крестьянскому Банку“ [1]).

Отвѣтъ этотъ нельзя не признать весьма разумнымъ. Но въ немъ нѣтъ главнаго, это—разъясненія, что если нѣмецкіе колонисты на Волыни и въ другихъ мѣстахъ трактуются не какъ полноправные русскіе граждане, то это не въ силу ихъ принадлежности къ нѣмецкой національности, а въ силу ихъ иностраннаго происхожденія. Сама по себѣ принадлежность къ нѣмецкой національности не влечетъ у насъ никакихъ правовыхъ ограниченій: нѣмцы въ Россіи также полноправны какъ и русскіе, если не больше (вспомнимъ Ермолова, просившаго „произвести его въ Нѣмцы“). При численности нѣмецкаго населенія въ Россіи около 2½ мил-

---

[1]) „Новое Время“, № 11,446.

ліоновъ человѣкъ (включая сюда и колонистовъ), въ Государственной Думѣ до 20 депутатовъ—нѣмцевъ, то-есть нѣмецкая національность имѣетъ въ Думѣ депутатовъ въ два слишкомъ раза больше, чѣмъ должна-бы имѣть по принятой у насъ единицѣ представительства (одинъ депутатъ отъ 250,000 населенія) и чѣмъ имѣетъ русская національность. Депутаты нѣмцы участвуютъ во всѣхъ думскихъ комиссіяхъ, не исключая и комиссіи государственной обороны, въ составъ которой другіе инородцы не допущены. Одинъ изъ двухъ товарищей предсѣдателя Думы былъ нѣмецъ. Въ составѣ администраціи и всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ нѣмцы составляютъ весьма значительный процентъ. Никакихъ гражданскихъ правоограниченій нигдѣ въ Россіи для нѣмецкой національности, какъ таковой, не существуетъ.

О какомъ-же „не полноправіи“ нѣмецкой національности въ Россіи можетъ быть рѣчь?

Но совсѣмъ другое дѣло нѣмецкіе колонисты на Волыни, въ прочихъ западныхъ губерніяхъ и въ Привислинскомъ краѣ. Это не коренное населеніе Россіи, а иностранные, именно германскіе, выходцы, поселившіеся въ Россіи въ весьма недавнее время. На Волыни ихъ свыше 200 тысячъ, въ остальныхъ западныхъ губерніяхъ—столько-же, въ Привислинскомъ краѣ—до полумилліона. На неудобство—для Россіи—заселенія германскими выходцами этого пограничнаго съ Германіей района давно было обращено вниманіе и русскимъ обществомъ, и правительствомъ. Въ видахъ устраненія этого неудобства, въ смыслѣ политическомъ и стратегическомъ, предпринимались (законы 14 марта 1887 г. и 14 марта 1892 года) и нынѣ вновь проектируются мѣры, преслѣдующія двоякую цѣль: во-первыхъ—недопущеніе новыхъ поселеній въ приграничный съ Германіей районъ германскихъ колонистовъ и во-вторыхъ—удаленіе образовавшихся уже здѣсь германскихъ колоній, если не на западъ (обратно въ Германію), то хотя-бы на востокъ, во внутреннія губерніи, не имѣющія соприкосновенія съ Германіей и не могущіе быть театромъ нашей войны съ нею.

А волынскіе германскіе колонисты желаютъ, что-бы къ ихъ услугамъ предоставленъ былъ Государственный Земельный Банкъ, то-есть что-бы сама Россія помогла имъ прочнѣе устроиться и закрѣпить свою осѣдлость именно въ приграа-

ничномъ съ Германіей районѣ! Ясно, для чего это нужно: для болѣе широкой колонизаціи, для обращенія русской Волыни въ форменный Wolynland.

Слѣдуетъ, однако сказать, что волынскіе колонисты имѣютъ прецедентъ для своего ходатайства: германскіе колонисты уже пользовались услугами русскаго Крестьянскаго Банка для скупки земель (покупали ихъ изъ банка, который продавалъ имъ, ничто-же сумняшеся),—и не только на Волыни, а и во всемъ Западномъ краѣ и южныхъ губерніяхъ. Объ этихъ анти-государственныхъ операціяхъ Государственнаго Крестьянскаго Банка рѣчь будетъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Здѣсь-же мы отмѣтимъ, что государство русское и другимъ еще путемъ содѣйствовало въ послѣднее время болѣе прочной осѣдлости германскихъ колонистовъ именно на западныхъ, смежныхъ съ Германіей и Австріей, окраинахъ, не жалѣя на это казенныхъ средствъ.

Дѣло въ томъ, что большинство нѣмецкихъ колонистовъ на Волыни пріютились первоначально на земляхъ не собственныхъ, а заарендованныхъ у помѣщиковъ; поселившіеся до 1885 года заручились контрактами на 36 лѣтъ, всѣ же остальные, въ силу закона 27 декабря 1884 года, имѣли контракты только на 12 (или менѣе) лѣтъ. И вотъ колонисты задумали прочнѣе водвориться на нашихъ западныхъ окраинахъ и укрѣпиться тамъ навсегда, пріобрѣтя въ собственность, при матеріальномъ содѣйствіи Русскаго государства арендуемые участки. Какимъ же это образомъ? А очень простымъ: въ девяти западныхъ губерніяхъ приводился въ исполненіе законъ 9 іюня 1886 года. „О поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ“. Этимъ закономъ и рѣшили воспользоваться Нѣмцы-колонисты западныхъ губерній.

На основаніи ст. 1 закона 9 іюня 1886 года, гласящей, что „чиншевиками считаются лица всякаго сословія и вѣроисповѣданія, состоящія въ русскомъ подданствѣ и притомъ владѣющія внѣ городовъ и мѣстечекъ земельными участками“, —Нѣмцы колонисты, имѣющіе долгосрочные арендные контракты на помѣщичьи земли, потребовали признанія ихъ „вѣчными сельскими чиншевиками“ и выкупа Правительствомъ арендуемыхъ ими земель въ ихъ собственность.

Правда въ чиншевомъ законѣ ясно и категорически указывается, что чиншевиками признаются только лица вла-

дѣющія земельными участками „на правѣ потомственнаго безсрочнаго пользованія и распоряженія“. Но по одному чиншевому дѣлу (крестьянина Севрюка, въ с. Сѣнномъ, Ровенскаго уѣзда), дошедшему до Сената, послѣдній разъяснилъ что лица, владѣющія землей по долгосрочнымъ арендным договорамъ, въ которыхъ сказано, что по истеченіи срока договоръ возобновляется всякій разъ на тѣхъ же условіяхъ,—имѣютъ право на признаніе ихъ чиншевиками! Это удивительное „разъясненіе“ закона, противорѣчащее какъ точному смыслу, такъ и основной мысли его, и послужило прецедентомъ для притязаній Нѣмцевъ-колонистовъ. „Разъясненіе“ Сената принято, конечно, къ свѣдѣнію и руководству мѣстными чиншевыми присутствіями, и такимъ образомъ, послѣдовало признаніе чиншевиками цѣлой массы нѣмецкихъ колонистовъ и выкупъ ихъ земель при помощи и содѣйствіи русской казны.

Оговорка о возобновленіи аренднаго договора на прежнихъ условіяхъ, обязательно дѣлавшаяся нѣмецкими арендаторами, какъ извѣстно, незаконна и не имѣетъ обязательной силы ни для одной изъ сторонъ. Но вѣдь у насъ разъясненіе Сената, хотя-бы и противорѣчащее закону, равносильно закону. Вполнѣ, конечно, понятна цѣль домогательствъ нѣмецкихъ колонистовъ: послѣ признанія ихъ вѣчными чиншевиками, и выкупа при помощи правительственныхъ субсидій арендуемыхъ ими земель, сдѣлавшихся ихъ собственностью, ужъ никакіе законы не страшны имъ: пребываніе ихъ въ нашихъ, столь милыхъ и любезныхъ имъ, пограничныхъ губерніяхъ закрѣплено навсегда. Многимъ изъ нихъ и удалось это.

Какъ это полезно для края и для государства, показываютъ факты не только германизаціи, но и прямо онѣмеченія русскихъ окраинъ. Вотъ рапортъ архіерею священника села Забороля, Луцкаго уѣзда (Волынской губерніи), опубликованный въ свое время въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“:

„Приходъ мой—пишетъ Заборольскій священникъ,—окружаютъ восемь нѣмецкихъ колоній. Стоя на стражѣ своей паствы и наблюдая со стороны за внутреннею жизнью нѣмцевъ, мнѣ пришлось встрѣтить въ двухъ ближайшихъ къ приходу колоніяхъ пять мальчиковъ православнаго вѣроисповѣданія отъ 7 до 15 лѣтъ *совершенно онѣмеченныхъ*. Эти

дѣти говорятъ только по-нѣмецки, не были на исповѣди и у св. Причастія и не умѣютъ молиться, словомъ, нѣмцы воспитали ихъ на свой ладъ и сдѣлали изъ нихъ настоящихъ нѣмчиковъ".

Узнавъ объ этомъ, священникъ сейчасъ же отнялъ мальчиковъ отъ нѣмцевъ и трехъ изъ нихъ отдалъ родителямъ, а двухъ съ согласія родителей, оставилъ у себя для перевоспитанія.

„Онѣмеченіе православныхъ дѣтей нѣмцами замѣчено мною,—говорится далѣе въ рапортѣ,—только въ двухъ колоніяхъ, что касается остальныхъ колоній, мнѣ ничего неизвѣстно. Я обращался съ просьбой къ полиціи разузнать, но напрасно, такъ какъ до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній мною не получено. Въ 1-мъ станѣ Луцкаго уѣзда насчитывается до 180 нѣмецкихъ колоній (это въ четвертой части уѣзда!) и трудно предположить, чтобы не было больше случаевъ онѣмеченія, когда въ двухъ колоніяхъ было пять случаевъ". Далѣе священникъ считаетъ своимъ долгомъ добавить слѣдующее: „Нѣмцы вообще своею жизнію дурно вліяютъ на простой народъ въ религіозномъ отношеніи. Будучи послѣдователями Лютера, они его идеи проводятъ среди народа, слѣдствіемъ чего является охлажденіе къ постамъ и праздникамъ". Въ противодѣйствіе вліянію нѣмцевъ на народъ, Заборольскій священникъ завелъ воскресныя и праздничныя бесѣды, но „вліяніе нѣмцевъ на народъ велико и одному трудно услѣдить, такъ какъ нѣмцевъ въ три раза больше чѣмъ прихожанъ" (то-есть православныхъ). Доводя о всемъ этомъ до свѣдѣнія своего епархіальнаго преосвященнаго, священникъ проситъ „побудить чрезъ начальника губерніи полицію о томъ, чтобы она слѣдила за внутреннею жизнью нѣмцевъ и ихъ вліяніемъ на народъ, а также чтобы нѣмцы ни подъ какимъ видомъ не держали у себя дѣтей православнаго вѣроисповѣданія".

Этотъ рапортъ служитъ яркою картиной того безобразнаго положенія вещей, которое создалось на нашихъ западныхъ окраинахъ благодаря заселенію ихъ нѣмцами. Чего достигло это заселеніе, именуемое „колонизаціей", видно изъ того, что въ одномъ только станѣ, составляющемъ одну четвертую часть уѣзда или одну сорокъ восьмую часть Волынской губерніи, о которой идетъ рѣчь,—въ одномъ только

станѣ до 180 колоній, причемъ нѣмцевъ тамъ въ три раза больше, чѣмъ русскихъ! И Луцкій уѣздъ не исключительный. Вотъ картинка „мирнаго завоеванія“ другого уѣзда, рисуемая мѣстной (кіевской) газетой:

„Новоградволынскій уѣздъ по количеству нѣмцевъ, около 40,000 душъ, живущихъ въ ста колоніяхъ, можетъ считаться буквально заполоненнымъ этимъ племенемъ: вездѣ и на всякомъ мѣстѣ только и слышишь нѣмецкую рѣчь. Это, такъ сказать, неестественное заполоненіе нашего уѣзда объясняется какъ природными богатствами, такъ и тѣми удобствами, какими нѣмцы пользуются у насъ. Нѣмецкіе колонисты—народъ въ высшей степени не сообщительный, скрытный, живущій особнякомъ; хотя свое хозяйство ведетъ хорошо, но для коренного населенія, въ смыслѣ усовершенствованія, не приноситъ никакой существенной пользы. Правильнѣе говоря—это паразиты, высасывающіе всѣ соки края а потомъ переселяющіеся въ мѣста болѣе удобныя и благопріятныя. Всѣ распоряженія и нововведенія правительственныя встрѣчаются ими враждебно и съ сопротивленіемъ мѣстнымъ властямъ. Реформа колонистскихъ школъ, которыхъ въ нашемъ уѣздѣ 82, встрѣтила тоже не мало хлопотъ и возни съ нашей стороны и сопротивленія съ ихъ стороны; такъ учителей изгоняли, отказывались платить жалованье, старались вредить всѣми мѣрами, а то и прямо колотили. Вообще, все русское встрѣчаетъ въ средѣ ихъ полнѣйшій антагонизмъ“.

40 тысячъ нѣмцевъ, сто нѣмецкихъ колоній и 82 нѣмецкихъ школы—все это въ одномъ только уѣздѣ!

Насильственное онѣмеченіе русскаго населенія западныхъ окраинъ, обнаруженное заборольскимъ священникомъ, и отмѣченное имъ въ рапортѣ архіерею, какъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, при народной переписи 1897 г. обнаружилось не въ единичныхъ, а въ массовыхъ случаяхъ. Нѣмцы берутъ къ себѣ въ „услуженіе“ крестьянскихъ мальчиковъ и продѣлываютъ съ ними то же что продѣлывается со славянскими и румынскими дѣтьми венгерскимъ „культурнымъ“ обществомъ: они перевоспитываютъ ихъ на свой ладъ, то-есть, запрещаютъ говорить по русски, пріучаютъ къ нѣмецкому языку, обычаямъ, смущаютъ религіозныя вѣрованія, и въ концѣ концовъ, заглушаютъ въ нихъ все русское и

православное, обращая въ тѣхъ несчастныхъ нравственныхъ уродовъ, о которыхъ говорится въ рапортѣ заборольскаго священника. При переписи населенія въ очень многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ нашего юга и юго-запада обнаружены среди нѣмцевъ русскіе и православные, совершенно уже не владѣющіе русскимъ языкомъ и не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о своей православной религіи. Ихъ такъ-же трудно назвать православными, какъ и русскими: всѣ они, правда, считаютъ себя таковыми, о чемъ и заявляли чистосердечно счетчикамъ,—но въ дѣйствительности они уже утратили всѣ данныя своей народности, потеряли всякую связь съ родною церковью. Они не только говорятъ и понимаютъ только по нѣмецки, но усвоили себѣ и всѣ нѣмецкіе порядки, обычаи, костюмъ и проч. Православныхъ храмовъ они вовсе не посѣщаютъ, постовъ не соблюдаютъ, даже иконъ не имѣютъ; молиться ходятъ въ нѣмецкія молельни и исповѣдуются у пасторовъ. Можно-ли считать ихъ русскими и православными? Очевидно, нѣтъ. Но они считаютъ все-таки себя таковыми,—и это обстоятельство имѣетъ, конечно, очень важное значеніе. Ясно изъ этого, что несчастные *не добровольно*, не сознательно утратили свою народность и порвали связь съ своею церковью.

Обыкновенно это—сироты, которымъ приткнуться некуда, или же дѣти, которыхъ спившіеся родители отдаютъ нѣмцамъ, получая съ нихъ за то дань, въ видѣ платы за служеніе и работу. Поступая къ нѣмцамъ, дѣти переселяются въ колонію и здѣсь живутъ у колонистовъ, среди нѣмецкаго населенія и нѣмецкой обстановки. Мало по малу, все что было въ нихъ, при вступленіи въ нѣмецкую семью, русскаго и православнаго—исчезаетъ, замѣняясь нѣмецкимъ и лютеранскимъ. Явленіе это обнаружено (при переписи населенія) въ десяткахъ и сотняхъ колоній. А въ сколькихъ оно не обнаружено? Вѣдь обнаружить прискорбное явленіе довелось просто случайно: при переписи сами несчастные заявили, что они русскіе и православные, считая себя дѣйствительно, таковыми. А сколь-же такихъ несчастныхъ уже не считаютъ себя русскими и православными, заявивъ при переписи, что они нѣмцы и лютеране? И сколько тѣхъ и другихъ теперь по всѣмъ тысячамъ нѣмецкихъ колоній? Такимъ способомъ дѣйствительно наши западныя окраины мо-

гутъ преобразиться въ Wolynland и Kowenland. На западныхъ окраинахъ Россіи, конечно, интересно укрѣпленіе русскаго элемента, а не авангарда германства подъ германскимъ имперскимъ флагомъ", какъ сами германскія газеты называютъ нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Въ дѣйствительности происходитъ обратное: коренное населеніе Западной Россіи переселяется въ азіатскія области, а на его мѣстѣ поселяются германскіе колонисты. Едва-ли можно признать такое положеніе нормальнымъ.

У насъ въ сосредоточеніи нѣмецкой колонизаціи именно въ пограничныхъ районахъ склонны видѣть не болѣе, какъ простую случайность. Нужно-ли, однако, доказывать, что такія хотя бы и случайности не должны оставаться безъ вниманія? Не за подобную же ли „случайность" мы такъ недавно и такъ жестоко поплатились на Дальнемъ Востокѣ, японская колонизація котораго подготовила Японіи—побѣды, а намъ—пораженія? Кто же поручится за то, что того же не можетъ случиться на нашемъ Западѣ?

V.

Новороссія или Новогерманія?

Переходя къ южнымъ губерніямъ, непосредственно примыкающимъ къ западному приграничному (съ Германіей и Австріей) району и составляющими его юго-западный уголъ, приходится констатировать то-же, что и въ западныхъ губерніяхъ: послѣднія постепенно превращаются въ Wolynland и Kowenland, южныя же губерніи, именуемыя еще Новороссіей, превращаются, путемъ нѣмецкой колонизаціи, въ Новогерманію.

Еще не такъ давно нѣмецкія колоніи въ Екатеринославской губерніи были только въ одномъ степномъ Александровскомъ уѣздѣ. Помѣщики, занимаясь преимущественно овцеводствомъ и меньше хлѣбопашествомъ, отдавали свои земли мѣстнымъ крестьянамъ, и земли было настолько достаточно всѣмъ, что никакихъ отхожихъ промысловъ мѣстное крестьянское населеніе не знало. Въ послѣдніе два-три десятилѣтія все это разительно измѣнилось. Значительная часть дворянской земли перешла къ нѣмцамъ, нѣмцы, си-

стематически подвигаясь съ запада на востокъ, водрузили уже свои передовыя колоніи на всемъ пространствѣ Екатеринославской губерніи. Въ послѣднія два-три десятилѣтія въ Екатеринославскомъ, Бахмутскомъ, Маріупольскомъ, Павлоградскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ скуплено нѣмцами свыше полумилліона десятинъ земли и въ настоящее время площадь ихъ владѣній въ Екатеринославской губерніи занимаетъ уже 900 тысячъ десятинъ, т. е. около 7,700 кв. верстъ что составляетъ почти седьмую часть всей территоріи губерніи.

А изъ Херсонской губерніи, въ которой, по даннымъ земской статистики, нѣмцы скупили въ послѣднія два-три десятилѣтія 450 тысячъ десятинъ дворянской земли, что составляетъ 23% всѣхъ проданныхъ за этотъ періодъ дворянскихъ земель,—изъ этой губерніи крестьяне присылаютъ рядъ писемъ, въ которыхъ горько жалуются на притѣсненія и гнетъ нѣмецкихъ пришельцевъ [1]). „Въ Ананьевскомъ уѣздѣ,—говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ,—закуплено нѣмцами болѣе половины уѣзда, такъ что уѣздъ можно назвать нѣмечиной. А нѣмцу лишь бы забрать въ свои руки землю: онъ старается вытянуть съ бѣдныхъ людей послѣдніе соки; за ту землю, которую помѣщикъ отдавалъ по 3 рубля въ годъ, онъ беретъ за одинъ посѣвъ по 6, 10 и 12 рублей. Несчастные жители все это терпятъ, ибо каждый боится разгнѣвать даже и приказчика, а то на слѣдующій годъ ни за какія деньги не отдастъ земли, а своей надѣльной очень мало. Уже разорились многіе деревни и хутора, не получая земли ни за какія деньги; нѣмцы выпасаютъ шпанскихъ овецъ, а бѣдному люду говорятъ: „убирайтеся съ моей земли, куда хотите“—и бѣдные скитаются изъ одной деревни въ другую и соглашаются на всѣ кондиціи, какія только угодно новому землевладѣльцу назначить“.

Во владѣніи нѣмцевъ въ Херсонской губерніи, въ настоящее время, находится уже свыше милліона десятинъ земли, болѣе 9000 квадратныхъ верстъ, что составляетъ седьмую часть всей территоріи этой губерніи.

То же видимъ и въ остальныхъ южныхъ губерніяхъ, особенно Бессарабской и Таврической, попавшихъ въ осаду

---

[1]) Эти письма напечатаны въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“.

къ нѣмецкимъ полчищамъ, вѣрнымъ своему пресловутому Vaterland'y.

Въ Бессарабской губерніи владѣнія нѣмцевъ составляютъ 600 тыс. десятинъ, т. е. 5000 квадр. верстъ, а въ Таврической губерніи нѣмцамъ принадлежитъ свыше милліона десятинъ, т. е. 10000 квадратныхъ верстъ, что составляетъ шестую часть всей территоріи губерніи.

Такимъ образомъ, въ четырехъ только южныхъ губерніяхъ (Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской и Таврической) не считая Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Области Войска Донского и др., гдѣ также существуютъ уже значительныя нѣмецкія поселенія,—въ четырехъ только этихъ губерніяхъ нѣмецкое землевладѣніе въ данный моментъ выражается цифрою до 3,500,000 десятинъ что составляетъ свыше 30,500 квадр. верстъ или болѣе седьмой части всей территоріи этихъ четырехъ губерній (214 тыс. квадр. верстъ).

Для скупки земель нѣмцы организовали цѣлую систему и, призвавъ къ себѣ на помощь еврейскихъ факторовъ, ежегодно предпринимаютъ форменный походъ на русскія земли. Раннею осенью, какъ только закончатся полевыя работы, въ различныхъ пунктахъ появляются нѣмецкіе развѣдчики въ сопровожденіи юркихъ длиннополыхъ факторовъ. Руководимые послѣдними, они объѣзжаютъ южныя губерніи, ища всюду продающихся и отдающихся въ долгосрочную аренду земель. „Обыкновенно,—говоритъ южная газета,—такіе развѣдчики пріискиваютъ продажныя земли, представляющія солидный кушъ, десятинъ не менѣе тысячи; на какую нибудь сотню десятинъ имъ и вниманія не обращается, да и большіе земельные участки покупаются не зря, а выбираются такіе, которые по сосѣдству, межа съ межою, имѣли бы если не продажные или отдаваемые въ аренду такіе же участки, то стоящіе въ ближайшемъ будущемъ на подобной очереди. Цѣль здѣсь та, что, заведя въ одномъ мѣстѣ гнѣздо, нѣмцамъ впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, не трудно будетъ, если не купить, то хотя взять въ долгосрочную аренду сосѣдній участокъ. Такихъ гнѣздъ имѣется не мало, и они успѣли уже обезкуражить и пригнести мужика. Пока не заводится такого нѣмецкаго гнѣзда, мужикъ при своемъ маломъ надѣлѣ еще перебивается то такъ, то сякъ, перехваты-

вая земли у помѣщика—то за плату, то съ части урожая, то за отработокъ. Но какъ только завелся въ старомъ помѣщичьемъ гнѣздѣ нѣмецъ—настали и для мужика черные дни. Конкуррировать въ арендной цѣнѣ онъ съ нѣмцемъ не можетъ: нѣмецъ всегда, не стѣсняясь, переплатитъ полтину, а то и рубль на десятинѣ и уже не дастъ мужику ни пяди земли".

До семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія ростъ нѣмецкаго землевладѣнія на югѣ Россіи шелъ съ помощью казны, которая не только отводила колонистамъ свои земли, но давала еще имъ и деньги на обзаведеніе, обязывала русскихъ крестьянъ строить для пришельцевъ дома, освобождала ихъ отъ всякихъ повинностей и, кромѣ всего этого, неоднократно дарила еще цѣлые милліоны рублей, въ видѣ сложенія накоплявшихся за ними недоимокъ. Весьма естественно поэтому, что нѣмцы быстро богатѣли у насъ и систематически захватывали наши земли. Для этого южно-русскіе нѣмецкіе колонисты обладаютъ весьма солиднымъ денежнымъ обезпеченіемъ, въ видѣ громадныхъ мірскихъ капиталовъ и доходовъ съ такъ называемыхъ „овчаренныхъ" земель, данныхъ имъ, какъ и все прочее, русскимъ правительствомъ [1]). Эти милліонные капиталы и служатъ для южныхъ нѣмцевъ неисчерпаемымъ источникомъ для безконечныхъ захватовъ русскихъ земель. „По идеѣ овчаренные участки должны были лишь служить паліативомъ отъ экономическаго кризиса въ колоніяхъ, въ дѣйствительности же вышло,—говоритъ изслѣдователь быта южно-русскихъ колоній, А. А. Велицынъ („Нѣмцы въ Россіи", стр. 151),—что правительство (русское) дало въ руки колонистамъ грозное оружіе, которое теперь обращено противъ него же самого".

Южный нашъ крестьянинъ до недавняго времени не былъ знакомъ съ отхожими промыслами; имѣя небольшое

---

[1]) Овчаренные участки образованы изъ прирѣзки къ каждой колоніи „пустыхъ дворовыхъ и иногородныхъ мѣстъ" и учреждены закономъ 19 марта 1764 года для противодѣйствія несоразмѣрному увеличенію числа безземельныхъ колонистовъ:—„для будущихъ дѣтей,—какъ говорится въ названномъ законѣ,—дабы оныя, придя въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли". Удивительная заботливость о чуждыхъ пришельцахъ!

количество скота, онъ всегда нуждается въ недалекой отъ его усадьбы землѣ, которая постепенно вся переходитъ въ руки нѣмцевъ, ни за что не дающихъ ее русскимъ крестьянамъ. Нѣмецъ, становясь землевладѣльцемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ становится и бичемъ всего окружающаго населенія, ставя его почти въ безвыходное положеніе. Не только мелкіе собственники, но и самые крупные землевладѣльцы—нѣмцы,—владѣльцы 2—3 тысячъ десятинъ,—не сдаютъ своихъ земель въ аренду русскимъ крестьянамъ ни съ копны, ни за деньги, почему малоземельное крестьянство страшно бѣдствуетъ и, не имѣя возможности прокормиться съ собственной земли, въ концѣ концовъ идетъ въ батраки къ нѣмцу. Сотни тысячъ десятинъ помѣщичьей земли, перешедшей къ нѣмцамъ, давали ранѣе работу и кормили не только мѣстныхъ малоземельныхъ крестьянъ, но и приходящихъ на югъ изъ другихъ губерній десятковъ тысячъ рабочихъ. Теперь послѣдніе уже не находятъ себѣ работъ, которыя всѣ исполняются пришлыми нѣмецкими рабочими. Съ переходомъ земель въ нѣмецкія руки замѣтно сократилось на югѣ скотоводство у крестьянъ, а тонкорунное овцеводство стало съ каждымъ годомъ падать. Это же обстоятельство вызвало быстрое размноженіе сельского пролетаріата.

Какъ на противовѣсъ нѣмецкой колонизаціи указывается обыкновенно на Крестьянскій банкъ, съ помощью котораго крестьяне не только могутъ, но и должны пріобрѣтать для себя земли, дабы не нуждаться въ арендѣ ея у нѣмцевъ. Но... вотъ что по этому поводу говорится въ журналѣ Екатеринославскаго уѣзднаго земскаго собранія: „крестьянамъ конкуррировать съ нѣмцами невозможно, даже при помощи Крестьянскаго банка; ссуды банка ограничены нормами, не превышающими 1/3 настоящей стоимости десятины; своихъ же средствъ у крестьянъ немного. Бывали случаи, что при помощи банка крестьяне приторговывали землю у помѣщиковъ, но колонисты пользовавшіеся долгое время большими льготами и составившіе черезъ то большіе капиталы, прибавляли по 10 или 15 рублей на десятину. Крестьянская сдѣлка разстраивалась и земля оставалась за нѣмцами“.

Вездѣ, гдѣ появляются нѣмцы, крестьянское населеніе

начинаетъ бѣднѣть. Продукты его, собранные съ трехъ-чѐтырехъ десятинъ, не могутъ конкуррировать съ нѣмецкими продуктами, получаемыми съ пятидесяти и ста-десятинныхъ хозяйствъ, обработанныхъ усовершенствованными машинами и орудіями. Русское населеніе немедленно изгоняется съ купленныхъ и заарендованныхъ нѣмцами земель и, подъ давленіемъ тяжелаго экономическаго гнета, вынуждено учиться говорить по нѣмецки, дабы имѣть дѣло съ новыми своими „панами", въ качествѣ ихъ батраковъ. Для иллюстраціи того тяжелаго гнета, который несетъ на себѣ злосчастное русское населеніе южныхъ нашихъ губерній, сдѣлаемъ выдержку, приведенную въ книгѣ г. Велицына, изъ прошенія подписаннаго 58 крестьянами и поданнаго „по начальству". Въ прошеніи этомъ говорится буквально слѣдующее: „Нѣмцы окружили насъ со всѣхъ сторонъ, забрали наши сѣнокосы и пастбища, стѣснили насъ и всѣхъ жителей до крайности; скотъ нашъ не имѣетъ выпаса и мы сами, коренные жители, не имѣемъ свободнаго проѣзда и прохода, ибо всѣ старыя дороги перегорожены нѣмцами, а если кто проходитъ черезъ ихъ землю, то нѣмцы бьютъ и убиваютъ даже до смерти. Такъ они перебили массу скота (приведены цифры), а также убили одного нашего односельчанина (приведено имя); кромѣ сего, почти ежедневно они нападаютъ на насъ толпой и наносятъ личныя обиды, калѣчатъ скотъ, угнетаютъ и всячески разоряютъ насъ. Что намъ дѣлать, гдѣ искать защиты и справедливости?—мы ужъ не знаемъ".

Вопросъ о странномъ направленіи дѣятельности нашего Крестьянскаго поземельнаго банка возбужденъ былъ еще въ 1890 году Екатеринославскимъ Уѣзднымъ земствомъ, въ собраніи котораго было заявлено гласными—крестьянами, что „нѣмцы—колонисты представляются страшными конкуррентами въ дѣлѣ землевладѣнія или—вѣрнѣе—землескупанія, пріобрѣтая все новые и новые участки подъ свои колоніи" и что „нѣмцы какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными лицами, покупаютъ, *преимущественно при помощи Крестьянскаго банка*, громадныя имѣнія и скоро окружатъ русское населеніе такимъ кольцомъ, что русскому крестьянину останется на выборъ одно изъ двухъ: или исчезнуть въ нѣмецкомъ морѣ, разлившемся по русской землѣ, или же искать

спасенія въ переселеніи въ чужія мѣста, всецѣло отдаваясь на произволъ неизвѣстному будущему“ [1]).

Намъ извѣстны случаи покупки нѣмцами земель изъ Крестьянскаго банка не только въ Екатеринославской губерніи, но также и въ Курской, Волынской и другихъ. Къ правительству поступали даже ходатайства южныхъ земствъ о прекращеніи этой противогосударственной дѣятельности государственнаго Крестьянскаго банка.

Въ практикѣ одного изъ отдѣленій Крестьянскаго банка былъ случай, когда нѣмцамъ—колонистамъ была даже выдана ссуда на пріобрѣтеніе земли и затѣмъ продано было имѣніе, оставшееся за банкомъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались саратовскіе, волынскіе и другіе нѣмцы, осадивъ отдѣленія Крестьянскаго банка просьбами о продажѣ имъ земель по самой высокой цѣнѣ. Это обстоятельство сильно встревожило мѣстныя земства, которыя и обратились въ 1894 году въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою, чтобы земли и имѣнія, остающіеся за банкомъ, не продавались бы нѣмцамъ и вообще постороннимъ лицамъ ни за какую цѣну, а уступались бы лишь коренному населенію.

Такимъ образомъ, нѣмцы скупали (а можетъ и теперь скупаютъ?) русскія земли при помощи Крестьянскаго банка! Много нѣмецкихъ имѣній заложены также и въ Дворянскомъ земельномъ банкѣ. Загляните въ списокъ заемщиковъ послѣдняго—и вы убѣдитесь въ этомъ. Въ западныхъ губерніяхъ Дворянскій банкъ не принимаетъ въ залогъ имѣній польскихъ дворянъ, имѣя, конечно, въ виду содѣйствовать водворенію къ краѣ русскаго землевладѣнія. Однако, онъ выдаетъ ссуды подъ имѣнія нѣмецкихъ дворянъ, что во вредъ государственнымъ интересамъ, не только не ведетъ къ водворенію на западныхъ окраинахъ русскаго землевладѣнія, а, напротивъ, упрочиваетъ здѣсь землевладѣніе нѣмецкое.

Въ Екатеринославскомъ земствѣ не разъ раздавались такія сѣтованія: „Коренное населеніе,—предки котораго проливали кровь на этой землѣ,—вытѣсняется теперь пришельцами, колонизація которыхъ грозитъ краю большою бѣдой. Заселеніе нѣмцами земель производится по строго намѣченному плану, данному извнѣ и даже, быть можетъ, не

---

[1]) „Южный край“ 1891 года, № 3768.

лишенному политическаго значенія. Поэтому нужно отнестись серьезно къ нѣмецкому заселенію и положить ему предѣлъ, чтобы спасти русское населеніе отъ печальной перспективы потонуть въ нѣмецкомъ морѣ или же искать спасенія въ эмиграціи".

Площадь первоначальнаго земельнаго надѣла Германскихъ колонистовъ въ четырехъ губерніяхъ Новороссіи не превышала 500,000 десятинъ. Въ настоящее время площадь нѣмецкаго землевладѣнія въ этихъ губерніяхъ достигаетъ какъ сказано, 3½ милліона десятинъ. Такимъ образомъ, за столѣтіе нѣмецкое землевладѣніе увеличилось въ *семь разъ*, при чемъ это увеличеніе падаетъ главнымъ образомъ на послѣдніе два—три десятилѣтія. Вотъ какъ быстро Новороссія превращается въ Новогерманію! Только полнымъ забвеніемъ національныхъ и государственныхъ интересовъ можетъ быть объяснено допущеніе массового нашествія иноплеменныхъ, да еще въ изобиліи надѣленіе ихъ казенными землями, траты на ихъ устройство денегъ, собранныхъ съ Русскаго народа, предоставленіе имъ всяческихъ правъ, преимущества и льготы, освобожденіе ото всѣхъ почти повинностей, несомыхъ кореннымъ населеніемъ, и терпѣніе послѣдующаго положенія, когда эти пришельцы, занявъ господствующее положеніе, гнутъ и тѣснятъ русскаго мужика, порабощаютъ его экономически, развращаютъ духовно (штунда) и, наконецъ, даже вовсе вытѣсняютъ его съ родной земли! Обездоленный русскій пахарь долженъ бѣжать въ отдаленныя области Сибири, а исконныя южно-русскія земли со всѣми ихъ неисчерпаемыми богатствами достаются „мирному завоеванію" чужестранныхъ пришельцевъ!

Предъ напоромъ нѣмецкой колонизаціи приходится ретироваться не только русскому пахарю крестьянину, но и русскому помѣстному дворянству. Губерніи, подвергшіяся мирному нѣмецкому нашествію, представляютъ въ отношеніи упадка дворянскаго землевладѣнія особенно печальную картину, причемъ упадокъ дворянскаго землевладѣнія является здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и упадкомъ русскаго землевладѣнія вообще, такъ какъ огромная масса дворянскихъ земель переходитъ въ руки пришельцевъ—Нѣмцевъ. Нѣмцы вообще предпочитаютъ крупныя земельныя пріобрѣтенія, то-есть скупку цѣлыхъ имѣній. Большая часть колонистскихъ зе-

мель—это бывшія дворянскія земли, перешедшія въ нѣмецкія руки въ послѣднія два—три десятилѣтія.

Въ Екатеринославской губерніи площадь дворянскаго землевладѣнія сократилась съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія съ 2,500,000 до 1,500,000 десятинъ, то-есть дворянство потеряло въ этой губерніи милліонъ десятинъ, изъ котораго слишкомъ 600,000 десятинъ перешло въ руки нѣмецкихъ колонистовъ. Въ Херсонской губерніи площадь дворянскаго землевладѣнія сократилась за то же время съ 3,500,000 до 1,800,000 десятинъ, то-есть уменьшилась на 1,700,000 десятинъ, и которыхъ свыше 500,000 десятинъ перешли въ нѣмецкія руки. Итакъ по всѣмъ губерніямъ: въ то время, когда площадь дворянскаго землевладѣнія продолжаетъ все уменьшаться, площадь нѣмецкаго землевладѣнія увеличилась въ пять, шесть и болѣе разъ и продолжаетъ шириться и расти за счетъ русскаго дворянскаго землевладѣнія.

Вотъ кто является на смѣну дворянству въ деревнѣ! Нормально ли положеніе такого рода? Все ли равно кто является руководящимъ факторомъ въ деревнѣ, среди Русскаго народа,—дворянство ли русское, или чуждые всему русскому пришельцы? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть, конечно, не можетъ. Не только матеріальное благосостояніе крестьянства, но въ значительной степени и его нравственная сторона находятся въ зависимости отъ мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, доставляющаго ему заработки и служащаго для него, такъ-сказать, воспитательнымъ примѣромъ. Каковы же отношенія чужестранныхъ пришельцевъ, являющихся на смѣну помѣстному дворянству, къ русскому крестьянину, и каково нравственное вліяніе ихъ на него,—видно изъ выше сказаннаго.

Нѣмецкая колонизація—это поистинѣ острый клинъ, вбиваемый въ самую сердцевину Русскаго государства, въ его сословный строй. Если дѣло пойдетъ и далѣе такъ, какъ шло до сего времени, то не далеко уже то время, когда сословный строй нашъ, составляющій главнѣйшую основу государства, будетъ совершенно уничтоженъ: крестьяне обратятся въ „туземцевъ“, какъ черные въ Южной Африкѣ, а вмѣсто дворянъ будутъ нѣмецкіе „буры“—полновластные хозяева и господа надъ „туземцами“...

Но,—конечно, возразятъ намъ,—кто же виноватъ во всемъ этомъ: Нѣмцы ли, скупающіе дворянскія земли, или дворяне, продающіе ихъ Нѣмцамъ? Дѣло, однако, тутъ не въ томъ, кто виноватъ въ явленіи, подтачивающемъ важнѣйшій изъ государственныхъ устоевъ, а въ томъ, что такого рода фактъ,—кто бы ни былъ въ немъ виноватъ,—не можетъ быть терпимъ и долженъ быть немедленно устраненъ.

Что касается дворянства, то оно первое и сочло нужнымъ и должнымъ обратить на этотъ фактъ вниманіе правительства и ходатайствовать о принятіи мѣръ къ его устраненію! Сначала Екатеринославское земство, и вслѣдъ за нимъ и Екатеринославское дворянство (всей губерніи), возбудило предъ правительствомъ ходатайство о запрещеніи нѣмцамъ покупать земли и селиться въ губерніи. Затѣмъ такія-же ходатайства возбуждены были Волынскимъ дворянствомъ, Курскимъ и др. южными земствами. Изо всѣхъ этихъ ходатайствъ (обстоятельно мотивированныхъ) ничего, однако, не вышло: все осталось и продолжается оставаться по прежнему. Но ходатайства эти въ другомъ отношеніи чрезвычайно характерны; очень часто приходится слышать объ экономической пользѣ для края и его коренного населенія нѣмецкихъ колонистовъ, которые ради этой „пользы“ и были поселены первоначально и ради нея должны и далѣе допускаться. Цѣлый рядъ ходатайствъ о прекращеніи колонизаціи со стороны дворянствъ (землевладѣльцевъ) цѣлыхъ губерній и земствъ едва-ли, конечно, свидѣтельствуютъ объ экономической пользѣ этой колонизаціи. Совершенно наоборотъ: эти ходатайства, очевидно, свидѣтельствуютъ о противоположномъ, ибо нельзя-же допустить, чтобы мѣстные дворяне—землевладѣльцы и земства не понимали экономическихъ пользъ и интересовъ своихъ губерній.

Въ концѣ 1909 года изъ южной Россіи обращались телеграфно къ правымъ членамъ Государственной Думы, прося ихъ „обратить вниманіе на то, что происходитъ въ Крымской окраинѣ“. Что-же тамъ происходитъ? Да то же, что и на западныхъ окраинахъ: „за послѣднее время въ Крыму пріобрѣтено нѣмцами 80,000 десятинъ земли и въ недалекомъ будущемъ весь Крымъ и всѣ прилегающія къ нему мѣстности будутъ заняты нѣмцами“.

Дѣйствительно, русскаго человѣка посѣщающаго Крымъ,

невольно поражаетъ слѣдующее обстоятельство: благодатный край этотъ, обладаніе которымъ стоило Россіи столько потоковъ народной русской крови, до сего времени носитъ совершенно нерусскую окраску: господствующими элементами здѣсь являются различные инородцы, не только не сливающіеся съ покорившею ихъ культурой, но и совершенно чуждые, враждебные ей. Какъ будто для благоденствія этихъ чуждыхъ племенъ Русскій народъ бился и проливалъ свою кровь за обладаніе полуостровомъ! Но что всего несуразнѣе и прямо-таки обидно, такъ это то, что наиболѣе властными хозяевами и даже, въ значительной степени, вершителями судебъ края являются вовсе даже не коренные обитатели края, не тѣ инородцы, которыхъ застала здѣсь Россія, вступивъ въ обладаніе завоеваннымъ краемъ, а совершенно, такъ сказать, новые его поработители—пришельцы—Нѣмцы, ничего общаго съ Россіей не имѣющіе. Говорятъ, Русскіе въ Крыму—пришельцы. Пусть такъ, пусть русскіе пришельцы, но они, во всякомъ случаѣ, пришельцы—завоеватели и колонизаторы, принесшіе съ собою высшую культуру; мы законные обладатели края и, слѣдовательно, de jure—его хозяева. Въ качествѣ кого же, во имя чего и по какому праву хозяйничаютъ и господствуютъ здѣсь de facto пришельцы—Нѣмцы? Когда Россія покорила край, въ немъ и духа нѣмецкаго не было, и теперь, спустя сто съ небольшимъ лѣтъ русскаго обладанія имъ, русскіе остаются, какъ бы въ сторонѣ, хозяевами же и господами края являются Нѣмцы. Наша роль въ краѣ сводится какъ бы лишь только къ обереганію нѣмецкаго владычества, къ вящшему возрощенію нѣмецкой культуры...

Поселеніе нѣмецкихъ колонистовъ въ Крыму началось вскорѣ по присоединеніи края къ Россіи. Указомъ императора Павла I (17 февраля 1797 года) нѣмецкимъ пришельцамъ разрѣшено было селиться въ Крыму, и съ этого времени переселенческая волна изъ Германіи нескончаемо разливается по завоеванному Россіей краю. Для поселенія пришельцевъ отведено было 1,000 десятинъ удобнѣйшей земли по ихъ собственному выбору. Отводъ (конечно, безплатный) земель для нѣмецкой колонизаціи продолжался вплоть до царствованія императора Николая I, причемъ чуждымъ „культуртрегерамъ“ не только оказывались всяческія

льготы и преимущества, но щедро раздавались даже денежныя пособія отъ казны.

Трудно, конечно, понять, чѣмъ руководствовались тогдашніе наши дѣятели, прилагая такое усердіе къ насажденію въ новоприсоединенномъ краѣ не русской, а нѣмецкой культуры. Но, какъ бы то ни было, изъ какихъ бы заблужденій ни проистекала подобнаго рода окраинная политика, фактъ остается фактомъ: въ краѣ, завоеванномъ русскою кровью, тотчасъ же возникъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ колоній, (Нейзацъ, Цюрихталь, Розенталь, Фриденталь, Кроненталь и т. д.). послужившихъ основаніемъ для дальнѣйшаго, по нынѣ продолжающагося, мирнаго завоеванія русскаго края Нѣмцами и утвержденія въ немъ нѣмецкой культуры. Если въ отношеніи культурномъ Нѣмцы совершенно не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ (въ этомъ легко убѣдится всякій, взглянувъ лишь на то дикое состояніе, въ какомъ по сейчасъ находятся Крымскія степи), то въ отношеніи захвата русской собственности и германизаціи колонизованныхъ пространствъ Нѣмцы достигли поразительныхъ успѣховъ, блистательно выполнивъ задачи, которыхъ мы на нихъ вовсе не возлагали, но которыя, какъ теперь очевидно, съ самаго начала входили въ планъ ихъ компаніи. Во владѣніи только нѣмецкихъ колонистовъ, не считая крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, состоитъ въ настоящее время (по даннымъ земской переписи) 202,193 десятинъ крымскихъ земель. Если присоединить къ этому владѣнію частныхъ собственниковъ—Нѣмцевъ (изъ которыхъ многіе владѣютъ десятками тысячъ десятинъ), то всего въ нѣмецкомъ владѣніи окажется въ Крыму не менѣе полумилліона десятинъ, то-есть территорія въ 4,800 кв. верстъ. А такъ какъ общая площадь полуострова составляетъ всего лишь 22 тыс. кв. верстъ, то выходитъ, что почти четвертая часть (22%) территоріи Крыма состоитъ въ нѣмецкомъ обладаніи и навсегда отнята изъ земельныхъ рессурсовъ Русскаго народа. „Больно становится даже подумать, справедливо восклицаетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ, что та земля, которая куплена цѣною сотенъ тысячъ русскихъ жизней, полита моремъ русской крови, усѣяна русскими костями, отдана во владѣніе пришлому народу!“

При столь подавляющемъ владѣніи земельною соб-

ственностью не удивительно, что Нѣмцы являются полными господами и хозяевами въ Крыму, и что германизація его дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Недавно еще въ Крыму открыто существовалъ сборъ, въ видѣ постоянной повинности, на лютеранскую пропаганду въ краѣ. Сборъ этотъ отмѣненъ оффиціально лишь недавно, но не оффиціально онъ продолжается, какъ утверждаютъ здѣсь, и германско-лютеранская пропаганда обладаетъ, благодаря ему, весьма крупными средствами. Въ мѣстномъ земствѣ (особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ) Нѣмцы являются вершителями судебъ, и всякій проэктъ, клонящійся въ пользу русскихъ интересовъ встрѣчаетъ въ нихъ энергичную оппозицію. Объ ассимиляціи ихъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и ассимилироваться-то имъ здѣсь не съ кѣмъ: главную, господствующую народность составляютъ они сами, далѣе слѣдуютъ Татары, Армяне, Евреи, Цыгане, Греки и т. д. Русскіе являются сюда лишь временными пришельцами, на заработки, оборванные, босые, несчастные, голодные. Это не болѣе какъ батраки Нѣмцевъ, Татаръ и Армянъ, не съ ними ли ужъ станутъ ассимилироваться Нѣмцы? О созданіи здѣсь, на инородческой окраинѣ, осѣдлаго русскаго населенія мы, за сто лѣтъ обладанія ею, не успѣли еще подумать. Вмѣсто заселенія края Русскими, мы заселили его Нѣмцами и чрезвычайно горевали когда Татары—мусульмане начали было выселяться отсюда въ Турцію. Всевозможныя мѣры приняты были съ нашей стороны чтобъ удержать ихъ здѣсь и, удержавъ ихъ здѣсь 160 тысячъ, мы позаботились добавить къ нимъ еще столько же Нѣмцевъ. И въ то время, когда они хозяйничаютъ здѣсь, богатые на благодатной русской почвѣ, вы не встрѣтите тутъ Русскаго иначе, какъ только въ роли батрака и чернорабочаго, принужденнаго терпѣливо выносить нѣмецкія и татарскія издѣвательства, подлаживаться къ ихъ грубымъ и задорнымъ „культурнымъ“ требованіямъ.

О томъ какая культура преобладаетъ въ Крыму послѣ столѣтняго подчиненія его Русской Державѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: всего въ пяти крымскихъ уѣздахъ имѣется 1,400 народныхъ школъ, изъ нихъ 660 татарскихъ (подвѣдомыхъ магометанскому духовному правленію) и 730 нѣмецкихъ. Для характеристики крымскихъ нѣмецкихъ школъ достаточно привести слѣдующій

фактъ: обучая школьниковъ военнымъ упражненіямъ, учитель обращается къ нимъ съ вопросомъ; „кто самый великій человѣкъ въ мірѣ?“ „Бисмаркъ“ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ ученики, и довольный учитель, раздаетъ имъ лакомства....

Таковы результаты „либеральной“ политики на окраинахъ, таковы плоды „гуманныхъ“ отношеній къ инородцамъ и иностранцамъ. Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ Крымъ былъ отвоеванъ у Турокъ, черезъ десятокъ—другой лѣтъ намъ вновь придется отвоевывать его у Нѣмцевъ, окончательно утверждающихся въ немъ. Мы какъ будто не для себя завоевывали его въ концѣ XVIII столѣтія: въ обладаніи благодатнымъ краемъ Русскій народъ, пролившій за него кровь, еще не вступалъ. Своему народу мы указываемъ путь въ Азію, пришельцевъ же любезно селимъ въ лучшихъ европейскихъ областяхъ. Не пришлось бы, однако, Русскому народу, при столь мудрой системѣ, возвращаться потомъ изъ азіатскаго загона для новаго завоеванія и освобожденія европейскихъ областей отъ слишкомъ уже прочно засѣдающихъ въ нихъ иноплеменныхъ народовъ?

Что отъ Нѣмцевъ намъ не ждать благодарности—показываетъ отмѣченный уже выше фактъ: когда въ Симферополѣ открывался памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II, завоевательницѣ Крыма, первой призвавшей въ южную Россію Нѣмцевъ, надѣлявшей ихъ землями, пособіями, привилегіями, словомъ, буквально благодѣтельствовавшей ихъ, ожидая, конечно, съ ихъ стороны службы Русскому государству и русской культурѣ, когда открывался памятникъ ей въ Симферополѣ, въ торжественной процессіи приняли участіе всѣ народности края, какъ христіанскія, такъ и нехристіанскія. Блистали своимъ отсутствіемъ одни только Нѣмцы, болѣе всѣхъ обязанные и облагодѣтельствованные Екатериною II...

Приглядываясь къ мѣстнымъ правовымъ и экономическимъ отношеніямъ, вы съ грустью видите и убѣждаетесь, что „паны“ здѣсь—Нѣмцы, Татары, Армяне, Евреи, словомъ, всѣ чужеродцы; Русскіе же—ихъ „быдло“. Всѣ черныя и тяжелыя работы исполняются Русскими, причемъ отношеніе къ нимъ „пановъ“-чужеродцевъ, особенно Нѣмцевъ, таково какъ бы они, то-есть Русскіе, были здѣсь побѣжденнымъ народомъ, обязаннымъ безропотно служить и угождать чужеродцамъ. Русскаго рабочаго Нѣмецъ не только экспло-

атируетъ, но совершенно подавляетъ всякую его волю и самосознаніе грубостью, жестокостью и презрительностью своего обращенія съ нимъ. Кажется, далѣе этого некуда уже идти. Если нѣмецкимъ захватамъ и грубому нѣмецкому произволу не будетъ положено рѣшительнаго предѣла, то и тѣмъ жалкимъ осколкамъ Русскаго народа, которымъ удалось какимъ-то чудомъ основаться въ Крыму, придется убраться отсюда по-добру, по-здорову во-свояси, и край совсѣмъ уже будетъ обреченъ на достояніе Нѣмцевъ. Для Русскаго человѣка жизнь среди описанныхъ условій становится совершенно невозможною. Что-же это, въ самомъ дѣлѣ, Новороссія или Новогерманія?

Въ „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ печатались такіе вопли сельского священника: „Нѣмцы къ нашимъ православнымъ относятся съ явнымъ пренебреженіемъ, не иначе отзываются о нихъ, какъ о пьяницахъ, распутникахъ и т. п. Особенно сильно сказывается это нерасположеніе Нѣмцевъ къ православнымъ въ смѣшанныхъ волостяхъ, гдѣ волость состоитъ изъ нѣмецкихъ и православныхъ селъ: правленіе волостное, старшина и нѣкоторые изъ волостныхъ судей—Нѣмцы. Тутъ нѣмецкій старшина сейчасъ же даетъ знать свое нѣмецкое превосходство, свое пренебреженіе и проч., словомъ—выходитъ, вмѣсто того чтобы Нѣмцы обрусѣли, какъ подданные Русскаго Царя, они чувствуютъ себя почти также вольно и свободно, какъ на своей родинѣ и даже стараются показать, что они то и есть главное и необходимое населеніе Россіи, которое составляетъ ея силу. Нравственное вліяніе Нѣмцевъ на православныхъ—зло ужасное, возмутительное.

Тотъ-же сельскій священникъ пишетъ далѣе въ своемъ письмѣ: „Начавъ селиться въ Аккерманскомъ уѣздѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, Нѣмцы въ настоящее время заняли огромную часть этого уѣзда. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени они закупили и сейчасъ продолжаютъ закупать самыя лучшія и удобныя въ хозяйственномъ отношеніи мѣста. У нихъ замѣтно удивительное единодушіе: въ покупкѣ земель участвуютъ не только мѣстные Нѣмцы, но даже Нѣмцы другихъ губерній, и разъ общимъ голосомъ постановили купить извѣстную землю, они уже никому не уступятъ ее и готовы всѣми возможными мѣрами переби-

вать у того общества, или лица изъ Русскихъ, которые также не прочь были-бы пріобрѣсть ее. При такомъ положеніи дѣла весьма возможно, что чрезъ нѣкоторое время большая часть Аккерманскаго уѣзда будетъ населена Нѣмцами, а нашему православному населенію грозитъ серіозная опасность остаться безъ земли. Уже и въ настоящее время нашъ народъ мѣстами не имѣетъ ни куска земли, старики получили извѣстный надѣлъ на семью и съ тѣхъ поръ населеніе съ каждымъ годомъ увеличивается, а количество земли то же самое. Между тѣмъ Нѣмецъ, имѣющій обыкновенно отъ 50 до 200—300 и болѣе десятинъ земли, надолго вполнѣ гарантированъ и не боится, что потомство его останется безземельнымъ. Такъ что выйдетъ по истинѣ притча: коренное, православное населеніе будетъ вытѣснено Нѣмцами, если не въ конецъ, то въ значительной степени, и будетъ вынуждено уходить куда-нибудь на Кавказъ или Амуръ, а Нѣмцы преспокойно останутся на Руси".

Все это относится не къ одному только Аккерманскому уѣзду и не къ одной Бессарабской губерніи, а ко всѣмъ четыремъ Новороссійскимъ губерніямъ: всѣ въ одинаковомъ положеніи. Вотъ что говорится въ запискѣ Екатеринославскаго дворянства, приложенной къ ходатайству о прекращеніи нѣмецкой колонизаціи: „Нѣмцы—колонисты это какая-то совершенно обособленно живущая среди русскаго народа ассоціація, чуждая ему по духу, вѣрѣ и народности, и вовсе не склонная къ ассимиляціи, напротивъ—замѣчательно стойко сохраняющая свои обычаи и народность, не очень-то любящая говорить по-русски и крайне вредно вліяющая на нашъ народъ привитіемъ къ нему совершенно протестантскаго характера вѣроученій, борьба съ которыми вызываетъ весьма серьезныя заботы нашего духовнаго вѣдомства".

А вотъ что говорится въ запискѣ Херсонскаго губернатора (покойнаго С. В. Олива) по поводу ревизіи губерніи: „Поселяне с. Гликсталь, не исключая и должностныхъ лицъ, относятся непріязненно ко всему русскому. Учебнымъ начальствомъ назначенъ былъ въ с. Гликсталь русскій народный учитель Захарчукъ, для обученія въ школѣ дѣтей поселянъ русскому языку. Когда пріѣхалъ Захарчукъ въ село, то здѣсь никто не пожелалъ отдать ему въ наемъ квартиру для жилья, и только потому, что онъ русскій учи-

тель; лишь послѣ долгихъ поисковъ и хлопотъ ему удалось помѣститься въ домѣ поселянина Реша, но вслѣдствіе упрековъ и требованій со стороны односельчанъ, являвшихся постоянно къ нему съ выговоромъ за то, что онъ принялъ Захарчука, Реша долженъ былъ отказать ему отъ квартиры; тогда онъ съ большимъ трудомъ, наконецъ, нашелъ квартиру у бывшаго солдата, не принадлежащаго къ числу членовъ Гликстальскаго общества. Послѣ этого никто изъ поселянъ не пожелалъ продавать Захарчуку ничего съѣстного, и только благодаря корчмѣ, гдѣ онъ могъ пріобрѣтать хлѣбъ и колбасу, онъ не умеръ съ голоду... Дѣти поселянъ не хотѣли изучать русскій языкъ, о чемъ заявляли они сами и ихъ родители. Непріязненное отношеніе поселянъ дошло до того, что они стали предупреждать Захарчука о возможности нападенія на него въ школѣ. Тогда безвыходное положеніе вынудило его ходатайствовать о переводѣ изъ этого селенія".

Этотъ фактъ какъ нельзя лучше характеризуетъ отношеніе нѣмецкихъ колонистовъ къ Россіи и всему русскому, настроеніе и грядущую роль ихъ, въ случаѣ войны съ Германіей. На Новороссію, превращающуюся въ Новогерманію, она можетъ опереться также, какъ и на Wolynland и Kowenland.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что Германская колонизація захватываетъ у насъ все новые и новые раіоны, далеко уже выйдя за черту первоначальнаго поселенія колонистовъ и разливаясь буквально по всей Россіи. Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ до недавняго времени не было нѣмецкихъ колоній: съ 1890-хъ годовъ цѣлыя партіи волынскихъ колонистовъ, уступивъ свои мѣста и пепелища на Волыни новымъ выходцамъ изъ Германіи, хлынули въ эти губерніи, гдѣ, также какъ и вездѣ, начали скупать земли, устраивая на нихъ свой нѣмецкій Vaterland. Въ Харьковской губерніи еще не такъ давно поселенія нѣмецкихъ колонистовъ представлялись явленіемъ исключительнымъ; только въ одномъ Изюмскомъ уѣздѣ было нѣсколько нѣмецкихъ колоній. Но въ послѣдніе два десятилѣтія Харьковская губернія подверглась нѣмецкому нашествію, охватившему сначала два сосѣднихъ съ Изюмскимъ уѣзда—Купянскій и Волчанскій, а затѣмъ и всѣ остальные уѣзды; въ настоящее время въ Харьковской губерніи нѣмцамъ принадлежитъ

свыше 20 тысячъ десятинъ земли. Въ области войска Донского владѣнія нѣмцевъ достигаютъ уже 60 тысячъ десятинъ, въ Воронежской губерніи 40 тысячъ десятинъ, въ Ставропольской губерніи 35 тысячъ десятинъ, въ Кубанской области —40 тысячъ десятинъ и т. д. Курская губернія до послѣдняго времени также стояла совершенно въ сторонѣ отъ нѣмецкаго Drang nach Osten. Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Курской губерніи совсѣмъ не было нѣмецкихъ колоній и мѣстное русское населеніе не знало совершенно, что это за звѣрь—„німець“. Но послѣдній не дремалъ и, разливая по русской землѣ свою колонизаціонную волну, добрался и до Курской губерніи; нынѣ здѣсь уже выросъ цѣлый „нѣмецкій вопросъ“, справиться съ которымъ мѣстнымъ силамъ невозможно, и земство, т. е. всѣ сословія губерніи, обращалось уже за помощью къ правительству. Нѣмецкая волна стала энергично пробираться и на крайній европейскій востокъ, въ Заволжскія и пріуральскія губерніи и области. Такъ, группа Хортицкихъ (Екатеринославской губерніи) нѣмцевъ закупила въ Оренбургской губерніи 30,000 десятинъ земли; почти одновременно и тамъ же запаслись землей и таврическіе нѣмцы. На этихъ земляхъ образовано до 20 нѣмецкихъ колоній съ надѣломъ каждому семейству отъ 40 до 60 десятинъ.

Но нѣмцы не довольствуются тѣмъ что сами скупаютъ для себя частновладѣльческія земли; они домогаются, чтобы правительство наше содѣйствовало и помогало разселенію ихъ по русской землѣ, надѣляя ихъ не только новыми льготами, но и новыми казенными землями. И,—что всего удивительнѣе,—эти домогательства нерѣдко имѣютъ успѣхъ. Такъ, Нѣмцы, переселявшіеся въ Оренбургскую губернію (изъ Екатеринославской и Таврической губерній), получили большія льготы: получившіе на хозяйство (виртъ) 40 десятинъ— освобождены въ теченіе двухъ лѣтъ ото всякихъ повинностей, получившіе 50 десятинъ—уплачиваютъ небольшую часть повинностей, а получившіе 60 десятинъ—большую часть. Какъ отмѣчалось уже выше въ постоянное (безсрочное) пользованіе менонитовъ колоніи Темпельгофа (Ставропольской губерніи) и Орбеліановки (Терской области) предоставлено до 4,500 десятинъ казенной земли изъ сухолодин-

скихъ и горькобалковскихъ оброчныхъ статей Ставропольской губерніи.

Такимъ образомъ, не только никакихъ препонъ къ мирному завоеванію Россіи нѣмцами не было до сего времени и сейчасъ нѣтъ, но еще оказывается нерѣдко и содѣйствіе этому „мирному завоеванію“ съ нашей стороны.

VI.

„Новая Восточная Пруссія“.

Переходимъ, наконецъ, къ Привислинскому краю, гдѣ германская „мирная“ оккупація получила наиболѣе широкое развитіе и который въ Германіи открыто именуется—„по старой памяти“—„Новой Восточной Пруссіей“.

Какъ это ни странно, но тамъ именно, гдѣ водвореніе и укрѣпленіе германскаго элемента наиболѣе не удобно для насъ въ смыслѣ государственно-политическомъ и военно-стратегическомъ,—тамъ именно онъ не только встрѣтилъ наименьшее сопротивленіе, точнѣе и яснѣе—не встрѣтилъ никакого сопротивленія съ нашей стороны, но мы же сами вызывали и поддерживали это навожденіе и сами же насаждали у себя чужеземную колонію, сами разселяли въ своемъ приграничномъ районѣ непріятельскій авангардъ, не только предоставляя для этого казенныя земли, но и не жалѣя государственныхъ средствъ.

Какъ извѣстно, нынѣшній нашъ Привислинскій край (бывшее „Царство Польское“), подъ именемъ „Новой Восточной Пруссіи“, принадлежалъ съ 1795 по 1807 годъ (отъ третьяго раздѣла Польши до образованія Наполеономъ I „Герцогства Варшавскаго“) Пруссіи [1]). Это двѣнадцатилѣтнее прусское владычество, однако, почти не оставило въ немъ слѣдовъ: край не успѣлъ подвергуться нѣмецкой колонизаціи и германизаціи, по примѣру прочихъ славянскихъ земель, на которыхъ раскинулась Пруссія. Начало нѣмецкой колонизаціи Привислинскаго края положено и тѣмъ было заложено основаніе германизаціи его уже „Герцогствомъ

---

[1]) Съ Бѣлостокской областью (часть нынѣшней Гродненской губерніи), присоединенной къ Россіи въ 1807 году.

Варшавскимъ", то-есть самими поляками, которые, боясь Россіи, бросились въ объятія нѣмцевъ и слѣпо лѣзли въ германскую петлю. Законами 30 марта 1809 года и 29 января 1812 года правительство „Герцогства Варшавскаго", призывая въ нынѣшній Привислинскій край иностранцевъ, предоставило имъ всякія льготы, заключавшіяся, во-первыхъ, въ освобожденіи отъ рекрутскаго набора, во-вторыхъ—отъ чиншевыхъ (арендныхъ) платежей (на шесть лѣтъ) съ занятыхъ ими казенныхъ земель и въ третьихъ—отъ пошлины съ движимаго имущества и рабочаго скота, при ввозѣ ихъ изъ-за границы. Конечно, призывъ этотъ не остался безъ результата: изъ сосѣдней Пруссіи въ край потянулись нѣмецкіе колонисты и разные промышленные предприниматели.

Въ 1815 году „Герцогство Варшавское" было упразднено и, по Вѣнскому трактату, край подъ именемъ „Царства Польскаго", присоединенъ къ Россіи. Польша сдѣлалась русской (автономной) окраиной, смежной съ Пруссіей, стала буферомъ между Пруссіей и Россіей. Это, однако, не только не воспрепятствовало дальнѣйшей германизаціи края, но наоборотъ—еще усилило ее.

Присоединеніе „Царства Польскаго" послѣдовало въ 1815 году, а 19 января 1816 года былъ уже изданъ законъ о водвореніи иностранцевъ въ новоприсоединенномъ краѣ. „Принимая во вниманіе, что переселеніе въ царство полезныхъ иностранцевъ имѣетъ благотворное вліяніе на развитіе хлѣбопашества, фабрикъ, ремеслъ и всякаго полезнаго промысла, въ видахъ поощренія таковыхъ иностранцевъ къ переселенію въ здѣшній край, а также устраненія всякихъ препятствій, какія они могли-бы встрѣтить какъ при проѣздѣ черезъ границу, такъ и при избраніи мѣста жительства",—закономъ установленъ былъ цѣлый рядъ льготъ для иностранныхъ переселенцевъ. Такъ, иностранные колонисты и ремесленники освобождались на шесть лѣтъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей и платежей, отъ военной службы и отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ за привезенное изъ-за границы движимое имущество и рабочій скотъ. При этомъ всѣ пребывающіе въ край иностранцы предоставлены особому покровительству правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, которая обязана облегчать имъ водвореніе на мѣстѣ и обезпечить свободное пользованіе

предоставленными имъ правами и льготами. На расходы по вызову и водворенію иностранныхъ фабрикантовъ и снабженію ихъ казеннымъ пособіемъ назначенъ былъ особый фондъ въ 4500 рублей ежегодно.

6 сентября 1820 года появился новый законъ о еще большихъ льготахъ для иностранцевъ. По этому закону имъ отводится въ городахъ края въ вѣчное (чиншевое) пользованіе за „умѣренную плату“, съ освобожденіемъ отъ нея въ теченіе первыхъ шести лѣтъ, участки для поселенія и устройства фабрикъ. Къ этимъ городскимъ землямъ прирѣзываются и расположенныя вблизи казенныя земли; казенныя мельницы предоставлялись въ безсрочную аренду пришельцамъ и обращались въ сукновальни; для деревянныхъ построекъ имъ даромъ раздается (въ теченіи десяти лѣтъ) строевой казенный лѣсъ, для облегченія же возведенія каменныхъ построекъ устраиваются казенные кирпичные заводы, отпускающіе пришельцамъ кирпичъ по самой низкой цѣнѣ. Вездѣ, при этомъ, должны устраиваться лютеранскія кирки, на возведеніе каковыхъ выдается казенное пособіе. Въ заключеніе предписывается правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, для приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ, выдавать пришельцамъ изъ казенныхъ суммъ, по мѣрѣ надобности, денежныя пособія. Для выдачи же имъ ссудъ на заведеніе фабрикъ ежегодно въ бюджетѣ Царства Польскаго назначаются спеціальныя суммы подъ наименованіемъ „фабричнаго фонда“, составлявшія: въ 1822 году 45,000 рублей, въ 1823—90,000 руб. и въ слѣдующія пять лѣтъ по 127,000 руб. Фондъ этотъ уничтоженъ только послѣ учрежденія „Польскаго Банка“, на который возложена была спеціальная забота воспособленія пришельцамъ и насажденія въ краѣ иностранной промышленности.

Далѣе, указомъ 9 апрѣля 1822 года иностранные фабриканты освобождались (срокомъ отъ трехъ до шести лѣтъ) отъ военнаго постоя въ натурѣ—единственной повинности, которую еще несли пришельцы. 21 ноября 1823 года издано постановленіе намѣстника „объ отклоненіи препятствій для водворенія въ городахъ иностранныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, а также объ устройствѣ самыхъ городовъ“, въ силу котораго не только присоединенныя къ городамъ казенныя земли и строенія могутъ быть заняты для водво-

ренія иностранцевъ, но, въ случаѣ надобности, занимаются для этого, съ пріобрѣтеніемъ въ казну или обмѣномъ на казенныя земли, и ближайшія частныя земли, мѣстности и строенія, а также земли, принадлежащія институтамъ, больницамъ, благотворительнымъ учрежденіямъ и духовенству, словомъ—все забирается для водворенія пришельцевъ!

Постановленіемъ 12 мая 1833 года продолжена еще на десять лѣтъ даровая выдача пришельцамъ строевого лѣса изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Наконецъ, 15 апрѣля 1834 г. объявлено, что, въ видахъ огражденія и обезпеченія интересовъ пришельцевъ, воспрещеніе ввоза изъ-за границы иностранныхъ издѣлій не подвергнется въ теченіи двадцати лѣтъ никакому измѣненію, при чемъ иностраннымъ фабрикантамъ дозволено получать изъ-за границы краски и др. минералы съ оплатою уменьшенной пошлиной.

Въ довершеніе всѣхъ этихъ неслыханныхъ нигдѣ льготъ и казенныхъ даяній пришельцамъ, въ 1828 году былъ учрежденъ (по образцу прусскаго „See-Handlung“ и бельгійскаго „Société general“) Русскимъ правительствомъ и на средства русской казны, такъ называемый „Польскій Банкъ“, существовавшій до 1887 года (когда онъ былъ преобразованъ въ Варшавское отдѣленіе Государственнаго банка), который открылъ широкій и дешевый сельскохозяйственный, торговый и промышленный кредитъ пришельцамъ. Обладая громадными средствами (въ основу его былъ положенъ капиталъ въ 8 милліоновъ рублей, сумма-же депозитовъ, поступавшихъ въ него за время его существованія, превышаетъ 300 милл. рублей), банкъ широко развилъ свою дѣятельность и явился мощнымъ орудіемъ для „мирнаго завоеванія“ Германіей нашей, съ трехъ сторонъ охваченной ея владѣніями, окраины. Кромѣ всевозможныхъ видовъ меліоративнаго, вообще сельскохозяйственнаго, кредита, онъ оказывалъ всяческое поощреніе и поддержку фабрично-заводской промышленности, снабжая пришельцевъ краткосрочнымъ и долгосрочнымъ кредитомъ, выдавая ссуды подъ залогъ товаровъ и издѣлій и принимая въ свое завѣдываніе фабрики и заводы, приходившіе въ упадокъ, а также и самъ основывая фабрики.

Привлекаемые всѣми этими льготами, нѣмцы устреми-

лись въ Царство Польское и, широко пользуясь казенными даяніями, быстро стали оккупировать нашъ смежный съ ихъ Vaterland'омъ приграничный районъ. Въ короткій промежутокъ времени здѣсь возникли, выросли и укрѣпились такіе опорные пункты германизма по сю сторону границы, какъ Лодзь, Згержъ, Томашевъ, Пабіанице, Озорковъ, Здуньска Воля и другіе.

Однако,—какъ это ни странно,—главные и наибольшіе успѣхи этого „мирнаго завоеванія" нѣмцами нашей привислинской окраины относятся не ко временамъ Царства Польскаго, когда иностранцы призывались туда и надѣялись всякими льготами и казенными воспособленіями, а въ позднѣйшее время, именно съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, то-есть послѣ объединенія Германіи, когда не существовало уже многихъ льготъ, хотя еще, правда, существовалъ пресловутый „Польскій Банкъ"—это главное орудіе „мирнаго завоеванія". Въ это именно время—семидесятые, восьмидесятые и частію девятидесятые годы минувшаго столѣтія—германская оккупація Привислинскаго края (какъ и сосѣднихъ съ нимъ Волыни и Ковенской губерніи) дѣлаетъ грандіозный скачекъ: численность, матеріальная и нравственная сила Vaterland'а чуть не удесятеряется и къ существовавшимъ опорнымъ центрамъ его прибавляется рядъ новыхъ, какъ Сосновицы, Ченстоховъ, Заверце, Петроковъ и т. д. При этомъ, рѣзко видоизмѣняется самый характеръ колонизаціи, которая ближе придвигается къ границѣ и захватываетъ весь приграничный районъ, сливая его съ Германіей. Огромныя земельныя пространства, каменноугольныя копи, цѣлые посады и города, желѣзныя дороги (Варшава-Александровъ, Варшава-Граница, Варшава-Калишъ),—все это очутилось въ рукахъ пришельцевъ—нѣмцевъ. Буквально въ нѣсколько лѣтъ у самой границы выростаетъ новый Германскій промышленный районъ—Сосновицкій, опирающійся какъ на крѣпкую стѣну, на прусскую промышленность. Многіе Силезскіе заводы—Königs-Hütte, Laura-Hütte, Friedens-Hütte и др.—безъ всякаго стѣсненія выставили на русской территоріи свои аванпосты, въ видѣ заводовъ „Екатерины", „Милевицы" и т. д. Обширный пограничный край оказался оккупированнымъ Германіей.

Вотъ краснорѣчивыя данныя о ростѣ германской промышленности въ Привислинскомъ краѣ:

Годы.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Производительность. (мил. руб.)
1860	—	74.653	32.
1871	—	76.616	67.
1880	—	120.763	172.
1893	2.711	191.699	287.
1907	2,978	268,256	426.

Такимъ образомъ, съ 1871 по 1907 годъ германская промышленность въ Привислинскомъ краѣ увеличилась по числу рабочихъ почти въ четыре раза, а по производительности почти въ семь разъ.

Б. Ф. Брандтъ, въ своей книгѣ „Иностранные капиталы“ (написанной по заказу С. Ю. Витте), говоритъ по этому поводу, что „исторія развитія промышленности въ Царствѣ Польскомъ представляетъ наиболѣе разительный примѣръ того огромнаго вліянія, какое могутъ имѣть иностранные капиталы и иностранная предпріимчивость на экономическое преуспѣяніе страны“ и что „можно сказать безъ преувеличенія (sic), что своимъ первоначальнымъ пышнымъ расцвѣтомъ и дальнѣйшимъ могущественнымъ ростомъ привислянская промышленность обязана главнымъ образомъ приливу иностранныхъ капиталовъ и иностранной предпріимчивости“. Изъ вышесказаннаго нами, однако, ясно видно —кому и чему въ дѣйствительности обязана германская промышленность Привислинскаго края своимъ возникновеніемъ, ростомъ и развитіемъ, во вредъ существеннѣйшимъ какъ экономическимъ, такъ и политическимъ интересамъ Россіи...

Съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія наши западныя окраины подверглись со стороны сосѣдней объединившейся Германіи уже форменному „мирному завоеванію“, развившемуся не на легальной почвѣ привилегій (какъ это было до семидесятыхъ годовъ), а, какъ говоритъ изслѣдователь этого вопроса В. Д. Бѣловъ [1]), „путемъ самаго дерзкаго захвата съ цѣлью подчиненія страны нѣмецкому господству“. „Здѣсь (въ Привислинскомъ краѣ),—поясняетъ

[1]) См. его брошюру „Лодзь и Сосновицы“ (докладъ, читанный въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ).

онъ,—отъ a до z—все нелегально, все построено на насиліи. Близость границы какъ нельзя болѣе способствовала политикѣ захвата и самовольнаго хозяйничанья. Здѣсь все—нѣмецкое; директоры (фабрикъ, заводовъ), несмотря на то, что живутъ въ Россіи, ни слова не говорятъ по русски, мастера —изъ Германіи, даже значительная часть рабочихъ—нѣмцы. О какомъ-либо сближеніи съ мѣстнымъ элементомъ здѣсь нѣтъ и помина". Но этого мало: „здѣсь даже нельзя ждать когда-либо и какого-либо сближенія, ассимиляціи; здѣсь граница, сейчасъ за которой—болѣе сильный, чисто-прусскій элементъ, готовый, при первомъ удобномъ случаѣ, протянуть свою мощную руку".

Профессоръ Янжулъ—одинъ изъ членовъ комиссіи, изслѣдовавшей на мѣстѣ, по Высочайшему повелѣнію, вопросъ о Привислинскомъ Vaterland'ѣ,—такъ характеризуетъ въ своемъ „Историческомъ очеркѣ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ" положеніе здѣсь дѣла германской колонизаціи: „Нѣмцы фабриканты и ремесленники, желавшіе перенести свой трудъ и искусство въ предѣлы Царства Польскаго, получали деньги для сво-
его переселенія; въ томъ пунктѣ, гдѣ желали поселиться, выбирали себѣ безплатно для построекъ лѣсъ и по весьма дешевой цѣнѣ кирпичъ, были навсегда избавлены отъ военной службы (нужно прибавить—Россіи, потому что Германія и изъ Россіи призывала и призываетъ нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ на военную службу Vaterland'у) и на болѣе или менѣе значительное время отъ военнаго постоя и отъ всякихъ налоговъ и сборовъ; нѣкоторые вдобавокъ получали и деньги на обзаведеніе".

А вотъ характеристика корреспондента Московскаго отдѣленія Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, командированнаго для изученія вопроса на мѣстѣ: „Нѣмецъ покупаетъ землю даже тамъ, гдѣ было запрещено покупать мѣстнымъ (кореннымъ) жителямъ; строилъ фабрику тамъ, гдѣ послѣдніе не имѣли права; образовывалъ клубы, благотворительныя учрежденія, союзы гимнастовъ, стрѣлковыя общества. Эти послѣднія въ батальонномъ строю выходили въ поле подъ командой офицеровъ прусскаго ландвера съ ружьями и производили парады и учебную стрѣльбу. Нѣмецъ не платилъ никакихъ налоговъ и былъ

гарантированъ отъ малѣйшаго давленія со стороны русскихъ властей представительствомъ всемогущаго въ Варшавѣ германскаго консула. Попробуйте прижать нѣмца! Сколько начальниковъ уѣздовъ переводились, сколько получало отставку изъ-за того, что г. германскій консулъ „безпокоилъ“ ихъ сіятельства своихъ единоплеменниковъ г.г. Берга и Коцебу“ [1]) (бывшихъ генералъ-губернаторовъ Привислинскаго края).

При каждомъ столкновеніи съ мѣстной властью нѣмецъ-фабрикантъ или иной дѣлецъ, черезъ своего консула, ставитъ на ноги всѣхъ и поднимаетъ въ германской печати общій „гвалтъ“. Дѣло производило нерѣдко большое неудовольствіе и въ генералъ-губернаторской канцеляріи, и въ Петербургѣ. Германскій консулъ не уступаетъ, германскія газеты хоромъ поютъ кошачій концертъ о русскомъ „варварствѣ“,—и все кончалось обыкновенно тѣмъ, что сверху совѣтовали „оставить нѣмцевъ въ покоѣ“,—и оставляли...

Прочно утвердившись и окрѣпнувъ, такимъ образомъ, матеріально въ первоначальный періодъ, въ послѣдующій періодъ нѣмцы не только почувствовали, но и стали проявлять на дѣлѣ свою нравственную и политическую силу въ „мирно“ оккупированномъ русскомъ краѣ, окрещенномъ въ „Новую Восточную Пруссію“.

Что нѣмцы дѣйствительно имѣютъ претензію считать нашъ Привислинскій край какъ-бы „своимъ“, гдѣ они могутъ свободно хозяйничать и насаждать свой любезный Vaterland, свидѣтельствуетъ, напр., такой фактъ: въ 1889 г. въ Германіи былъ изданъ законъ (22 іюня) о страхованіи рабочихъ (Das Reichsgestz betreffend die invabiditäts und Altersversicherung); по 4 пункту 34 статьи этого закона, установленной имъ ренты заграничные рабочіе пользоваться не могутъ. Но особымъ опредѣленіемъ германскаго Союзнаго Совѣта отъ 30 апрѣля 1896 г. постановлено: весь приграничный (Сосновицкій) районъ Привислинскаго края включить въ число мѣстностей, не считающихся заграничными въ отношеніи дѣйствія вышеуказаннаго закона (22 іюня 1881 г.), который съ того времени (съ 1896 г.) и дѣйствуетъ въ нашемъ Привислинскомъ краѣ, какъ-бы въ одной изъ составныхъ частей Германской имперіи.

---

[1]) С. Ѳ. Шараповъ. „Сочиненія“, т. I, стр. 72.

Такимъ образомъ, не только въ промышленномъ, но и въ правовомъ отношеніи нашъ Привислинскій край имѣетъ уже прочную связь съ Германіей.

Когда въ 1892 г. послѣдовало распоряженіе русскаго правительства о томъ, чтобы въ Привислинскомъ краѣ управляющими фабриками и мастерскими, а также мастера различнаго вида и названія состояли изъ лицъ, обязательно владѣющихъ русскимъ или, по крайней мѣрѣ, польскимъ языкомъ и чтобы состояли въ русскомъ подданствѣ, причемъ тѣ изъ нихъ, которые не удовлетворяютъ этому условію, должны быть уволены къ 1 января 1893 г.,—мѣстные нѣмцы, забывшіе уже чѣмъ они обязаны русскому правительству, воспротивились ему, ставъ доказывать „неисполнимость“ новаго закона, т. е. невозможность замѣны въ Россіи нѣмецкаго языка русскимъ! Законъ этотъ такъ и остался и до сего времени остается безъ исполненія. Корреспондентъ „Новаго Времени“, посѣтивъ Привислинскій край спустя десять лѣтъ по изданіи упомянутаго закона, былъ пораженъ встрѣченной тамъ настоящей Германіей. Справедливо иронизируя надъ названіемъ привислинской промышленности „русской“, онъ говоритъ: „На вопросъ—много-ли на фабрикѣ русскихъ рабочихъ, постоянно получается стереотипичный отвѣтъ: русскіе здѣсь не работаютъ. И дѣйствительно, на фабрикахъ нигдѣ нѣтъ русскихъ рабочихъ. Имъ достается только тяжелый трудъ на желѣзныхъ дорогахъ. Здѣшняя же русская промышленность не даетъ заработка ни одной русской семьѣ.

По закону (1892 г.) директора фабрикъ должны быть русскіе подданные, въ дѣйствительности же приходится видѣть совсѣмъ нѣчто иное. Въ спискахъ директоромъ значится кто-либо изъ служащихъ на фабрикѣ русскій подданный, а настоящій директоръ—иностранецъ—значится въ числѣ помощниковъ директора, хотя содержаніе получаетъ, конечно, присвоенное директору“ [1]).

Промышленной колонизаціей германская оккупація нашего Привислинскаго края, однако, далеко не ограничивается.

До семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія край под-

---

[1]) „Новое Время“ № 96. 63.

вергался со стороны Пруссіи главнымъ образомъ промышленной колонизаціи, хотя льготы и привилегіи, о которыхъ говорилось выше, распространялись на всѣхъ вообще пришельцевъ (промышленниковъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и т. д.). Но съ семидесятыхъ годовъ, съ нарожденіемъ германской имперіи, колонизація нашего Привислинскаго края, обратившись въ систему „мирнаго завоеванія", пошла уже во всѣхъ видахъ и формахъ. Рядомъ съ переселеніемъ цѣлыхъ армій нѣмецкихъ рабочихъ, мастеровъ, техниковъ и т. п., заполняющихъ приграничный фабричный районъ, города края подвергаются массовому нашествію прусскихъ ремесленниковъ, промышляющихъ всякими полезными ремеслами до шпіонства включительно, а по всему краю стали разселяться цѣлые легіоны германскихъ колонистовъ, захватывающихъ сельскую недвижимость и занимающихся всякими физическими работами, до „гимнастическихъ" упражненій, „охотничьихъ" экскурсій и стрѣлковыхъ состязаній включительно.

Такой же „мирной" оккупаціи подверглись со стороны Германіи въ семидесятыхъ-восьмидесятыхъ годахъ и другія наши западныя окраины, особенно Волынь, Ковенская губ. и бывшая Бѣлостокская область. Но нигдѣ эта оккупація не встрѣтила такихъ благопріятныхъ условій, какъ въ Привислинскомъ краѣ. Во-первыхъ, здѣсь были уже цѣлые уголки Германіи, какъ Лодзь, Згержъ, Пабіанице, Томашевъ и т. д., послужившіе опорными—въ смыслѣ какъ экономическомъ, такъ и нравственно-политическомъ—пунктами для дальнѣйшей оккупаціи. Во-вторыхъ, послѣ неудачнаго мятежа, разорившаго многихъ польскихъ помѣщиковъ, и послѣ освобожденія крестьянъ, лишившаго помѣщиковъ даровыхъ рабочихъ рукъ и затруднившаго для многихъ изъ нихъ обработку всего наличнаго количества земли, часть которой приходилось продавать,—во всемъ краѣ было обиліе продающихся земель, которыя и начали скупать въ раздробь (участками) и по дешевымъ цѣнамъ нѣмцы, хлынувшіе изъ Германіи. Въ-третьихъ, во главѣ управленія краемъ стояли долгое время единоплеменники Бисмарка, направлявшаго въ Россію колонистовъ изъ Германіи,—сначала графъ Бергъ, а потомъ Коцебу, усердно проводившіе свою теорію „обрусенія" Польши при помощи нѣмцевъ и раздававшіе конфис-

кованныя у польскихъ помѣщиковъ-мятежниковъ земли германскимъ пришельцамъ, которые и водворялись, такимъ образомъ, прочно въ краѣ, вмѣсто русскихъ крестьянъ, о переселеніи которыхъ на конфискованныя польскія земли тщетно хлопотали русскіе дѣятели—князь Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ и др.

Не удивительно, а вполнѣ естественно, что, при наличности всѣхъ этихъ условій, Привислинскій край подвергся „мирному завоеванію“ со стороны Германіи въ наибольшей степени, сравнительно съ прочими западными окраинами, и что эта окраина Русскаго государства, и такъ съ трехъ сторонъ охваченная германскими владѣніями, въ которыя она выступаетъ какъ-бы полуостровомъ, оказалась на положеніи сербско-турецкихъ Босніи и Герцеговины, съ тою лишь разницей, что послѣднія были отданы въ австрійскую оккупацію европейскимъ ареопагомъ, Привислинскій-же край мы сами отдали въ германскую оккупацію.

Численность германскаго элемента въ этомъ краѣ не превышая въ шестидесятыхъ годахъ 120—130 тыс., къ концу девятидесятыхъ годовъ (перепись 1897 г.) достигла 408 тыс. чел., а въ настоящее время достигаетъ уже *полумилліона* (497 тыс.) чел. Германскія оккупаціонныя силы сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ приграничномъ (съ Германіей) районѣ, откуда радіусами стягиваются къ центру края—Варшавѣ.

Интересно отмѣтить, что нашъ Привислинскій край гуще заселенъ въ послѣднія три-четыре десятилѣтія нѣмцами, чѣмъ даже Познань, составляющая прусскую провинцію. Познанской „колонизаціонной комиссіей“ въ два съ половиною десятилѣтія скуплено для нѣмецкой колонизаціи 180 помѣщичьихъ (польскихъ) имѣній и 230 крестьянскихъ надѣловъ, всего въ количествѣ 180 тыс. десятинъ. У насъ же, въ Привислинскомъ краѣ, нѣмцами скуплено съ шестидесятыхъ годовъ свыше полумилліона десятинъ земель. Образуя въ краѣ свыше 5.000 колоній, они владѣютъ 13.529 сельскими и городскими недвижимостями, общею стоимостью свыше 400 милл. руб. При этомъ обращаетъ на себя внима ніе какъ-бы планомѣрное разселеніе нѣмцевъ, наиболѣе густо заселяющихъ слѣдующія мѣстности края:

1) Лѣвый берегъ Вислы—отъ Варшавы до прусской границы (уѣзды: Сахачевскій, Гостынскій, Влоцлавскій и Нешавскій);

2) западныя, т. е. приграничныя части, Калишской и Плоцкой губерній (уѣзды: Калишскій, Кольскій, Конинскій, Слупецкій, Липновскій и Рыпинскій);

3) сѣверо-западную, т. е. приграничную, часть Сувалкской губ. (уѣзды: Владиславовскій и Волковышскій),—и

4) пограничную Петроковскую губернію (уѣзды: Лодзинскій, Бразинскій, Ласкій и Петроковскій) и Холмскій уѣздъ пограничной Люблинской губ.

Во всѣхъ этихъ (поименованныхъ) уѣздахъ, образующихъ какъ бы цѣпь вдоль германской границы, нѣмецкій элементъ составляетъ отъ 15 до 20%, т. е. до пятой части, всѣхъ жителей, а въ отдѣльныхъ городахъ, посадахъ и волостяхъ—до 50 и болѣе процентовъ.

Нельзя также не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: изъ семи выходящихъ изъ Варшавы желѣзныхъ дорогъ, только двѣ (Варшава-Петербургъ и Варшава-Брестъ-Москва) связываютъ ее *со своимъ* государствомъ, прочія-же пять (Варшава-Млава, Варшава-Александровъ, Варшава-Граница, Варшава-Калишъ, и Варшава-Ивангородъ-Стремешицы) связываютъ ее *съ чужими* государствами—Германіей и Австріей. Такимъ образомъ, Варшава, а съ нею и весь Привислинскій край какъ-бы искусственно отвлекаются въ другую сторону, поворачиваются спиной къ Россіи, а лицомъ къ Кракову, Львову, Бреславлю, Познани, Вѣнѣ, Берлину. Съ Петербургомъ, какъ равно и съ Москвой, Привислинскій край соединенъ въ одномъ лишь направленіи, а съ Берлиномъ—въ трехъ и съ Вѣной—въ двухъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ Варшава и весь край болѣе связаны съ Вѣной, Берлиномъ, и другими заграничными центрами, каковы Краковъ, Львовъ, Гнѣзно, Познань, Бреславль,—чѣмъ съ Петербургомъ, Москвой и вообще внутреннею Россіей. Связь эта одинаково сказывается какъ въ экономической области, такъ и въ общественной, культурной и политической.

Захваты нѣмцевъ, особенно земельные, въ послѣднее время составляютъ настоящую злобу дня въ мѣстной (польской) печати. Характерно, что вопросъ поднятъ крестьяна-

ми, которые, въ письмахъ въ польскія газеты, стали жаловаться на массовую, въ послѣднее время, скупку земель нѣмцами, тѣсняшими ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ Холмскомъ уѣздѣ, напр., уже свыше 16% всей частной земельной собственности находится въ нѣмецкихъ рукахъ. По словамъ корреспондентовъ, „имѣются основанія думать, что эта операція производится не стихійнымъ Drang nach Osten тевтонскаго элемента, а преднамѣреннымъ и планомѣрнымъ mot d'ordre, исходящимъ изъ Берлина и поддерживаемымъ въ финансовомъ отношеніи прусскими кредитными учрежденіями".

Польскій писатель и публицистъ Стефанъ Гурскій, въ рядѣ статей въ журналѣ „Swiat Slowianski", доказываетъ, что нѣмцы, заселяющіе Привислинскій край, преслѣдуютъ не только экономическія, но и политическія цѣли. Съ фактами и цифрами въ рукахъ г. Гурскій доказываетъ, что нѣмецкая колонизація Привислинскаго края и другихъ нашихъ западныхъ окраинъ проводится по строго выработанному плану. „Нѣмцы,—говоритъ г. Гурскій,—которыхъ въ Польшѣ болѣе полумилліона, заняли большею частью мѣста, имѣющія стратегическое значеніе. Нѣмецкія колоніи разбросаны по всей Вислѣ и въ районахъ всѣхъ крѣпостей, желѣзныхъ дорогъ и стратегическихъ шоссейныхъ путей. Поэтому, въ случаѣ войны у Германіи будетъ много людей, знающихъ хорошо мѣстность". Г. Гурскій указываетъ далѣе что „въ пограничныхъ съ Германіей Петроковской и Калишской губерніяхъ находится много запасныхъ офицеровъ германской арміи".

Польскій „Всеобщій Дневникъ" помѣстилъ не такъ давно статью, въ которой говорится: „Въ настоящее время на территоріи Царства Польскаго живетъ уже около полумилліона нѣмцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣмцы составляютъ половину населенія. Въ Рыпинскомъ и Липновскомъ уѣздахъ (пограничной Плоцкой губ.), напр., уже десять лѣтъ тому назадъ нѣмцы составляли 19% населенія. Съ тѣхъ поръ десятки имѣній перешли въ руки нѣмцевъ и нѣмецкое населеніе увеличилось въ полтора раза. Польское землевладѣніе съ каждымъ мѣсяцемъ сокращается. Вскорѣ пограничные уѣзды могутъ совсѣмъ стать нѣмецкой собственностью. Имѣемъ основаніе думать, что прусская колонизаціонная ко-

миссія не ограничиваетъ своей дѣятельности Познанью, а распространяетъ ее и на русскую Польшу. Посягновенія на земельную собственность проникли здѣсь уже далеко отъ границы, въ глубь края. Drang nach Osten ускоряетъ шаги“.

Въ рукахъ нѣмцевъ въ Привислинскомъ краѣ не только города (Лодзь, Сосновицы, Петроковъ, Калишъ, Згержъ и т. д.), посады, цѣлыя гмины, земли, промышленность, коммерція и т. д., но, какъ отмѣчалось выше, и цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, при томъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ первостепенное стратегическое значеніе, а именно: Варшава—Александровъ (германская граница), Варшава—Калишъ (германская граница), Варшава—Граница (Австрійская), Александровъ—Цѣхоцинскъ, Зомковицы—Сосновицы (германская граница). Желѣзныя дороги эти, протяженіемъ въ 900 верстъ, германскія не только по принадлежности ихъ германскимъ капиталистамъ („Общество Варшавско-Вѣнской дороги“), но и по самой конструкціи ихъ: колея ихъ (Варшава—Александровъ и Варшава—Граница) не наша (россійская), а германская, такъ что мы съ своимъ подвижнымъ составомъ не можемъ вовсе пользоваться этими важными стратегическими желѣзными дорогами. Весь подвижной составъ на нихъ—германскій и всегда можетъ быть угнанъ (отъ насъ) за границу. Такимъ образомъ, для насъ эти желѣзныя дороги какъ бы не существуютъ (ибо когда намъ онѣ понадобятся, на нихъ не окажется подвижного состава, нашъ-же подвижной составъ къ ихъ колеѣ не подходитъ). Германія-же и Австрія могутъ ими пользоваться противъ насъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ Привислинскомъ краѣ нѣмцы не только овладѣли городами, и землями, насадили свою промышленность и утвердили свой Vaterland, но и обзавелись и цѣлою сѣтью стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ главнѣйшіе центры и крѣпости этого края съ границей и заграницей и совсѣмъ пріобщающихъ лѣвобережную часть края къ сферѣ германскаго вліянія и протектората, какъ бы придвигающихъ русско-германскую границу къ Вислѣ...

Остается прибавить еще, что весь этотъ полумилліонный Привислинскій Vaterland имѣетъ въ Варшавѣ объединяющій и руководящій органъ, въ лицѣ Verein der deutschen Reichsangehörigen. Этотъ „ферейнъ“, составляющій филіальное отдѣленіе Берлинскаго „Всенѣмецкаго союза“ Allge-

meiner deutscher Verein), имѣющій, въ свою очередь, филіальныя развѣтленія по всему краю и получающій субсидію отъ германскаго правительства (въ размѣрѣ 6,000 марокъ въ годъ—важна не цифра, а фактъ), преслѣдуютъ цѣль объединенія всѣхъ привислинскихъ нѣмцевъ, поддержанія въ нихъ духа германизма (противодѣйствія какому бы ни было обрусенію или ополяченію) и устройства въ краѣ новоприбывающихъ германскихъ эмигрантовъ. Таковы гласныя, оффиціальныя задачи и цѣли Варшавскаго Verein'a der deutschen Reichsangehörigen, существующаго гласно и гласно же субсидируемаго германскимъ правительствомъ. Негласныя, неоффиціальныя задачи и цѣли его намъ, конечно, неизвѣстны...

Подобно Балтійскимъ губерніямъ, нашъ Привислинскій край, которымъ Пруссія владѣла съ 1795 по 1807 годы, считается въ Германіи какъ бы „своимъ“ (какъ считались до 1870 года Эльзасъ и Лотарингія, а Австріей—Боснія и Герцеговина) и до сихъ поръ очень часто именуется „Новой Восточной Пруссіей“, подъ каковымъ именемъ онъ входитъ въ составъ Пруссіи. Основываясь на этомъ двѣнадцатилѣтнемъ владѣніи, Пруссія неоднократно въ теченіе истекшаго столѣтія, заявляла свои права и претензіи на нашъ Привислинскій край даже оффиціально и открыто дѣлала попытки къ „возвращенію“ его себѣ. На Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года Пруссія, спасенная и возстановленная Россіей послѣ разгрома и полнаго уничтоженія ея (Пруссіи) Бонапартомъ, заявила протестъ,—конечно, не противъ спасенія и возстановленія ея Россіей, а противъ присоединенія къ Россіи шедшаго съ Наполеономъ противъ насъ и завоеваннаго нами „Герцогства Варшавскаго“, требуя „возвращенія“ его себѣ. Претензія не увѣнчалась успѣхомъ. Но своихъ „правъ“ на нашъ Привислинскій край,—въ составъ котораго входятъ, какъ извѣстно, не только польскія и литовскія, но и исконно русскія земли, какъ Холмщина и Подляшье, но не входитъ ни одной пяди нѣмецкой земли,—нѣмцы не забыли. Въ Крымскую кампанію, когда мы находились въ затруднительномъ положеніи, въ Пруссіи открыто обсуждался вопросъ объ удобномъ моментѣ для „возвращенія“ „Новой Восточной Пруссіи“, „захваченной“ Россіей. Такимъ же „удобнымъ“ моментомъ для этого признавался и 1863 годъ, когда Бисмаркъ открыто домогался нашего согласія на вводъ въ Царство Польское

прусскихъ войскъ, что,—подъ видомъ усмиренія польскаго мятежа, съ которымъ сама Россія не можетъ-де справиться и который, поэтому, угрожаетъ и Пруссіи,—явилось бы благовиднымъ занятіемъ его Пруссіей, которая и осталась бы въ немъ, какъ Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ.

Что же до частной, неоффиціальной пропаганды „возвращенія“ „Новой Восточной Пруссіи“, то таковая велась въ Германіи систематически и имѣетъ цѣлую литературу. Имѣются даже готовые проэкты (напримѣръ, Гартмана) такого раздѣла Россіи и карты, на которыхъ нашъ Привислинскій край, вмѣстѣ съ Балтійскимъ значатся германскими. Профессоръ Шейнбрухъ сдѣлалъ даже недавно „открытіе“, что Привислинскій край—такой-же „исконн нѣмецкій“, какъ и Балтійскій, и никогда-де не былъ ни русскимъ, ни польскимъ, ни вообще славянскимъ. По этому „открытію“ профессора Шейнбруха, нѣмцы владѣли теперешнимъ нашимъ Привислинскимъ краемъ до V вѣка; очистивъ его въ эпоху великаго переселенія народовъ, они съ VIII вѣка вновь водворились въ немъ (походы Генриха I и присяга на вѣчное подданство); города основаны-де германцами и большинство не только горожанъ, но и дворянъ здѣсь въ корнѣ не поляки, вообще не славяне, а нѣмцы...

Казалось бы, не можетъ быть двухъ мнѣній относительно „Новой Восточной Пруссіи“, насаждаемой Германіей на нашей смежной съ нею и составляющей предметъ ея давнихъ притязаній окраинѣ, не можетъ быть сомнѣній въ неудобствѣ и прямо опасности этого Vaterland'a, въ смыслѣ государственно-политическомъ. Германская „мирная“ оккупація еще болѣе ослабляетъ культурную и политическую связь привислинской окраины съ Россіей, создавъ и укрѣпляя связь ея съ Германіей и какъ бы повернувъ ее лицомъ къ ней; водворенная здѣсь прусская промышленность ослабляетъ экономически центръ Россіи, въ которомъ вся сущность и сила Русскаго государства; нѣмцы способствовали и развитію контрабанды изъ Пруссіи (въ фабричныя мѣстности края), они стѣснили и понизили экономическое благосостояніе мѣстнаго населенія, вынужденнаго ходить на заработки въ Пруссію и даже имигрировать въ Америку, уступая свои мѣста новымъ пришельцамъ изъ Пруссіи. Наконецъ, германская оккупація смежной съ Германіей окраины создала тамъ

чрезвычайно сложный и опасный прецедентъ на случай войны; полумилліонная армія нѣмецкихъ колонистовъ, сохраняющихъ тѣсную связь съ Германіей, взрастили здѣсь военно-политическое шпіонство, посредствомъ котораго уже въ мирное время головой выдаютъ своему Vaterland'у все русское, насколько это въ ихъ власти. Нужно ли говорить, какую роль можетъ сыграть, какой помѣхой можетъ явиться эта полумилліонная армія въ военное время?

Обо всемъ этомъ въ послѣдніе два—три десятилѣтія исписаны цѣлыя статьи газетныхъ, журнальныхъ и книжныхъ листовъ, все это не разъ уже служило предметомъ сужденій различныхъ правительственныхъ (гражданскихъ и военныхъ) и общественныхъ органовъ, совѣщаній и комиссій, все это давно общепризнано и вызвало даже въ свое время различныя предохранительныя мѣры, какъ законъ 14 марта 1887 года, правила 1892 года и др.,—къ несчастію, правда все лишь палліативнаго характера, почему сущность дѣла и остается до сего времени неизмѣнной. Все это, однако, не мѣшаетъ существовать у насъ особому и притомъ вліятельному (почему и приходится на немъ остановиться) теченію, не только отрицающему какія бы ни было неудобства, вредъ и опасность нѣмецкаго Vaterland'а на западной окраинѣ, но доказывающему, наоборотъ, пользу и благодѣтельность его какъ для самой этой окраины, такъ и еще болѣе для всей Россіи, и требующему, поэтому, не предохранительныхъ и противодѣйствующихъ, а поощрительныхъ мѣръ, то-есть предоставленія Германіи дальнѣйшаго, уже окончательнаго „мирнаго завоеванія“ нашей западной окраины. Это теченіе, систематически проводимое, внѣдряемое въ русское общество и навязываемое правительству десятками печатныхъ органовъ (какихъ—пояснять, конечно, излишне), нашло себѣ полное и всестороннее выраженіе въ послѣднемъ выпускѣ „Иностранныхъ капиталовъ“ Б. Ф. Брандта, написанныхъ по заказу С. Ю. Витте и изданныхъ при его участіи. На нихъ мы, поэтому, и остановимся.

Польза и благодѣтельность „мирной“ оккупаціи Германіей нашей привислинской окраины заключаются, какъ оказывается, прежде всего для нея самой—въ увеличеніи заработковъ мѣстнаго населенія, вслѣдствіе подъема заработной платы, которая въ привислинской деревнѣ ниже, а

на привислинскихъ фабрикахъ выше всѣхъ другихъ мѣстъ Имперіи. Главная причина низкой заработной платы въ привислинской деревнѣ заключается въ большой густотѣ населенія, къ чему присоединяется другая причина, именно—большое количество въ краѣ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, нуждающихся въ заработкахъ и идущихъ на работы за очень низкую плату: при освобожденіи привислинскихъ крестьянъ, въ 1864 году, всѣ они были надѣлены землей, за исключеніемъ 120,000 человѣкъ (рабочіе, батраки, прислуга) но уже въ 1891 году, по свѣдѣніямъ Варшавскаго статистическаго комитета, число безземельныхъ крестьянъ въ краѣ возросло до 889,000 душъ. Въ настоящее время цифра эта, несомнѣнно, еще повысилась.

„При такихъ условіяхъ,—говоритъ Б. Ф. Брандтъ, фабрично-заводская промышленность въ Царствѣ Польскомъ получаетъ особенное значеніе и выдвигается на первый планъ, какъ крупнѣйшій факторъ экономической жизни края, призванный играть въ ней если не первую, то во всякомъ случаѣ самую видную роль. Фабрично-заводская промышленность является тѣмъ средствомъ привлеченія избытковъ населенія изъ деревни въ городъ, которое даетъ возможность этимъ избыткамъ найти въ фабричныхъ центрахъ приложеніе для своего труда, не находящаго себѣ никакого примѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ, производя только крайнее давленіе на и безъ того низкую заработную плату въ деревнѣ. Если даже теперь тяжелыя экономическія условія принуждаютъ одну часть крестьянскаго населенія ежегодно массами (!) оставлять родную сторону и искать счастья за океаномъ а другую—уходить на фабрики въ сосѣднюю Пруссію, то можно себѣ представить, какихъ размѣровъ достигла-бы эмиграція, если-бы промышленность не приковала къ себѣ массы свободныхъ рукъ, выбрасываемыхъ за бортъ деревней“.

Но кто-же создалъ въ Привислинскомъ Краѣ тѣ „тяжелыя экономическія условія“ (густота населенія и ростъ безземельнаго пролетаріата), которыя вынуждаютъ мѣстныхъ крестьянъ искать заработковъ въ сосѣдней Пруссіи и даже въ Америкѣ? Да въ томъ-то и дѣло, что нѣмцы, по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ они, ихъ и создали: не втиснись въ край полмилліона пришельцевъ, не захвати они до мил-

лiона десятинъ земель,—и мѣстное населеніе не испытывало бы такой тѣсноты и не было-бы вынуждено уходить изъ края, въ который пришельцы все привходятъ и привходятъ, ergo—все больше и больше тѣснятъ и вытѣсняютъ его. Когда чуть не цѣлые уѣзды отдавались пришельцамъ—нѣмцамъ со всѣми жителями, обращаемыми въ ихъ батраковъ,—что-же удивительнаго что мѣстное населеніе очутилось въ „тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ?“

Совершенно справедливо указаніе, что „увеличеніе безземельныхъ кромѣ естественнаго прироста произошло вслѣдствіе перехода съ теченіемъ времени массы крестьянъ собственниковъ въ состояніе безземельныхъ“. Но нужно же пояснить при этомъ, что этотъ переходъ массы крестьянъ—собственниковъ въ состояніе бозземельныхъ произошелъ, въ очень большой степени, оттого именно, что земли ихъ или скуплены нѣмцами, или окружены ими кольцомъ, такъ что приходится бросать ихъ, сбывая кому (чаще всего нѣмцамъ же) и за что попало.

Во всякомъ случаѣ, густота населенія въ Привислинскомъ краѣ, недостатокъ земель и, вслѣдствіе того, тѣснота и „тяжелыя экономическія условія“ мѣстнаго населенія—все это, конечно, служитъ весьма существеннымъ и важнымъ аргументомъ, но только, какъ это всякому понятно, не въ пользу, а именно противъ иноземной колонизаціи края, понятно, не разрѣжающей населеніе, а создающей еще большую густоту и тѣсноту и еще болѣе „тяжелыя экономическія условія“ для мѣстнаго населенія. Оправданіе этого заработками, даваемыми мѣстному населенію нѣмецкими фабриками, въ дѣйствительности не служитъ никакимъ оправданіемъ: во-первыхъ, на нѣмецкихъ фабрикахъ и рабочіе большею частью (какъ увидимъ далѣе) пришельцы-же нѣмцы, отчего и оказывается, что, несмотря на огромный ростъ промышленности въ краѣ, мѣстному населенію все же приходится искать заработковъ въ сосѣдней Пруссіи и даже переселяться въ Америку, ибо мѣстныя нѣмецкія фабрики, обслуживаемыя главнымъ образомъ нѣмецкими же рабочими, не даютъ ему заработковъ: во вторыхъ же, ростъ и укрѣпленіе въ краѣ прусской промышленности влечетъ въ него изъ Пруссіи не только рабочихъ, но и колонистовъ, заселяющихъ весь край, сосре-

доточивающихъ въ своихъ рукахъ огромныя земельныя, пространства, ремесла и т. д. Такимъ образомъ, мѣстное населеніе все болѣе тѣснится и вытѣсняется со своихъ насиженныхъ мѣстъ пришельцами, промышленныя предпріятія которыхъ не только не даютъ ему почти ничего, въ смыслѣ заработка, но они именно, служа крѣпкими оплотами германизма, способствуютъ притоку новыхъ пришельцевъ, ergo—большему тѣсненію и вытѣсненію коренного населенія.

Другимъ „благодѣтельнымъ“ слѣдствіемъ „мирнаго завоеванія“ края нѣмцами считаютъ возникновеніе новыхъ городовъ и посадовъ, возрастаніе населенія старыхъ, вообще развитіе въ краѣ городской жизни: въ то время, какъ общее количество народонаселенія въ Привислинскомъ краѣ за послѣднія три десятилѣтія увеличилось на 75%, количество городского населенія увеличилось на 130% (деревенское населеніе увеличилося на 65%). Въ настоящее время городское населеніе составляетъ почти чертвертую часть (23%) всего населенія края (въ остальныхъ 50 европейскихъ губерніяхъ—13%). Но что же благодѣтельнаго въ томъ, что коренное населеніе края, обезпеченное Русскимъ правительствомъ земельными надѣлами, изъ хозяевъ-собственниковъ обращается въ безземельныхъ и безпріютныхъ, бѣжитъ въ городъ и становится батраками пришельцевъ-нѣмцевъ?

По картинному изображенію Б. Ф. Брандта, „развитіе городской жизни выразилось не только въ увеличеніи численнаго состава городского населенія, но и въ развитіи торговли и всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ промысловъ занятій и профессій, которые неразрывно связаны съ городскимъ обиходомъ. Каждая новая сотня тысячъ городскихъ жителей должна была вызвать къ жизни извѣстное количество новыхъ булочныхъ, мясныхъ, бакалейныхъ, галантерейныхъ и мануфактурныхъ лавокъ, новое число портныхъ, сапожниковъ, слесарей, столяровъ, печниковъ, извозчиковъ, парикмахеровъ, фельдшеровъ, акушерокъ, повивальныхъ бабокъ, докторовъ, дантистовъ, аптекарей, учителей, священниковъ, чиновниковъ, служащихъ въ разныхъ конторахъ и учрежденіяхъ, агентовъ по страхованію жизни и имущества и т. д. Учитывать все это нѣтъ никакой возможности, такъ какъ это значило бы подвести итоги всей экономической и соціальной жизни городовъ края, всѣмъ ремесленнымъ и промы-

шленнымъ заведеніямъ, домовладѣніямъ, гостинницамъ, ресторанамъ, кофейнямъ, лавкамъ, магазинамъ, конторамъ, учрежденіямъ городскимъ и государственнымъ и т. д.“.

И всѣмъ этимъ край обязанъ „мирному завоеванію“ его нѣмцами!

Эта апологія требуетъ только „маленькой“ оговорки, а именно: населеніе городовъ Привислинскаго края состоитъ, главнымъ образомъ, изъ пришельцевъ-нѣмцевъ и евреевъ, которые размножаются и богатѣютъ, а мѣстный крестьянинъ все-же принужденъ искать заработковъ, какъ это констатируютъ и сами апологеты „мирнаго завоеванія“, въ сосѣдней Пруссіи и даже переселяться въ Америку. Очевидно, развитіе городской жизни, гдѣ онъ въ лучшемъ случаѣ обращается въ батрака гг. пришельцевъ, немного ему дало.

Наконецъ, третьимъ полезнымъ и благодѣтельнымъ слѣдствіемъ „мирнаго завоеванія“ края нѣмцами является, какъ указываютъ его апологеты, коммерческое развитіе края —ростъ банковыхъ учрежденій, особенно замѣтный въ Лодзи, главномъ центрѣ привислинскаго Vaterland'a, или, какъ ее (Лодзь) называютъ, „столицѣ“ „Новой Восточной Пруссіи“. Въ одной Лодзи въ настоящее время 18 банковъ и крупныхъ банкирскихъ фирмъ, общій годовой оборотъ которыхъ достигаетъ полутора милліарда рублей.

Но что-же слѣдуетъ изъ этого? Дѣло въ томъ—*кому* принадлежатъ эти милліонные банки и *кто* ими пользуется, то есть для кого они существуютъ и кому служатъ?

Всѣ они принадлежатъ пришельцамъ-нѣмцамъ и часть евреямъ, которые и пользуются ими, то-есть для которыхъ они и существуютъ и которымъ служатъ. Что-же отъ этого мѣстному населенію, находящемуся въ „тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ и не имѣющему никакого касательства къ этимъ банкамъ? Тѣмъ болѣе—что же отъ этого Россіи, изъ которой, черезъ посредство этихъ (нѣмецкихъ и еврейскихъ) банковъ, перекачиваются милліоны за границу? Ихъ „оборотные“ милліоны—русскіе, собранные въ Россіи, но перешедшіе въ чужія, иностранныя руки и служащіе поддержанію и вящшему взращенію чужеземнаго Vaterland'a на русской окраинѣ. Не лучше-ли, еслибы эти милліоны (и очень многіе милліоны) оставались въ Россіи, откуда они

извлекаются лодзинскими, петроковскими и сосновицкими нѣмецкими фабрикантами для перевода ихъ въ Германію?

Но польза и благодѣтельность „Новой Восточной Пруссіи“ не ограничиваются самымъ райономъ германской оккупаціи (то-есть Привислинскимъ краемъ), а распространяются на всю Россію, на всѣ отрасли ея народно- и государственно-хозяйственной жизни, на все 150-милліонное населеніе ея. Горячо протестуя противъ очевидной истины, что прусская промышленность Привислинскаго края является чужою для Россіи, ничего общаго съ ея интересами не имѣющей, стараются провести связь иностранныхъ предпріятій съ разнообразными хозяйственными интересами всего населенія—не только мѣстнаго и ближайшаго, но даже самыхъ отдаленныхъ областей Имперіи. „Чрезвычайно ошибочнымъ—говоритъ Б. Ф. Брандтъ,—является представленіе объ иностранныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ въ Россіи, какъ о чемъ то внѣшнемъ, наносномъ и неимѣющемъ внутренней органической связи съ жизнью населенія, съ его интересами, нуждами и потребностями“.

Связи этой, заключающейся въ перекачиваніи золота изъ кармановъ русскаго народа (потребителя) и изъ русской казны въ карманы иностранныхъ предпринимателей, переводящихъ его за границу,—конечно, никто не станетъ отрицать. Но предъ нами проводится совсѣмъ иная связь. „Кѣмъ бы ни было основано предпріятіе въ Россіи, оно тотчасъ, несомнѣнно, тысячами нитей связывается съ жизненными интересами страны и чѣмъ оно крупнѣе, тѣмъ эта связь крѣпче, тѣмъ его вліяніе на окружающую жизнь значительнѣе и разнообразнѣе. Вліяніе это отражается не только непосредственно на интересахъ рабочихъ, но и на интересахъ разнообразныхъ производителей и тружениковъ, живущихъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества, изъ которыхъ многіе даже не подозрѣваютъ о существованіи тѣсной связи между ихъ работой или промысломъ и находящимся гдѣ-то далеко иностраннымъ предпріятіемъ“. Въ доказательство тѣсной связи между прусской промышленностью Привислинскаго края и самыми разнообразными, насущными интересами различныхъ классовъ населенія всей Россіи, приводятся такія соображенія: „Какая-нибудь шерстопрядильня въ Сосновицахъ или Лодзи не только даетъ

непосредственный заработокъ служащимъ и рабочимъ (нѣмцамъ-же изъ Пруссіи?) ежегодно на сотни тысячъ рублей, но, предъявляя спросъ на 2—3 милліона рублей на русскую шерсть, поддерживаетъ цѣлую отрасль сельско-хозяйственной промышленности далеко въ степяхъ Новороссіи и Донской области, вознаграждая трудъ и капиталъ многочисленныхъ помѣщиковъ и крестьянъ, для которыхъ овцеводство составляетъ главнѣйшій источникъ существованія. Сверхъ того, за провозъ этой шерсти по желѣзнымъ дорогамъ прядильня уплачиваетъ 150—200 тысячъ рублей за страхованіе во время транспорта 12—15 тысячъ рублей, за комиссію и куртажъ при покупкѣ разнымъ посредникамъ 25—30 тысячъ рублей. Нуждаясь въ разнообразныхъ матеріалахъ, она поддерживаетъ разныя производства какъ фабричныя, такъ и кустарныя, какъ крупныя, такъ и мелкія. Выписывая олеинъ изъ Петербурга на десятки тысячъ рублей, деревянное масло, керосинъ и смазочныя вещества на тысячи рублей, чугунныя отливки, желѣзо, мѣдь и разные инструменты изъ близь находящихся металлическихъ заводовъ (то же нѣмецкихъ) на десятки тысячъ рублей, уплачивая ежегодно десятки-же тысячъ рублей за кирпичъ, камень, лѣсъ, стекло и пр. (для текущихъ надобностей ремонта),—фабрика, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъявляетъ спросъ на спеціальные матеріалы, необходимые только для данной отрасли промышленности и вызываетъ такимъ образомъ, особыя спеціальныя производства“ и т. д.

Но этого мало: къ этому нужно прибавить еще доходъ желѣзныхъ дорогъ за провозъ готовой пряжи на мѣста сбыта (десятки тысячъ рублей въ годъ), доходъ разныхъ агентствъ по продажѣ (сотни тысячъ рублей), доходъ владѣльцевъ каменноугольныхъ шахтъ (сотни тысячъ рублей), наконецъ, крупный доходъ казны въ видѣ пошлины за употребленную заграничную шерсть (сотни тысячъ рублей). По вычисленію одной только Прусской фабрики (Шена въ Сосновицахъ), за время своего существованія она, такимъ образомъ, израсходовала въ Россіи свыше 38 милліоновъ рублей.

Выходитъ, такимъ образомъ, что пруссаки, мирно завоевывая нашу западную окраину, переводя туда изъ-за границы даже свою промышленность, буквально благодѣ-

тельствуютъ Россію и обогащаютъ ее: все только даютъ ей и ничего отъ нея не берутъ!

Но если бы это было такъ, если дѣйствительно нѣмцы охотно платятся въ нашу пользу милліонами за свое „мирное“ водвореніе и укрѣпленіе на нашихъ смежныхъ съ Германіей окраинахъ,—нужно-ли лучшее свидѣтельство и доказательство того, что ими преслѣдуются тутъ не коммерческія, а иныя, именно—политическія цѣли, что это „мирное завоеваніе“ представляетъ опасность для Россіи и потому недопустимо, не взирая на всѣ его матеріальныя выгоды: вѣдь это была-бы завѣдомая продажа части Россіи Германіи!

На самомъ дѣлѣ, однако, тутъ есть только опасность, но нѣтъ тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыми ее хотятъ замаскировать. Практичные нѣмцы тутъ сразу убиваютъ двухъ зайцевъ: мирно завоевывая нашъ приграничный край, обращая его систематически въ „Новую Восточную Пруссію“, они не только не несутъ на это матеріальныхъ жертвъ въ пользу Россіи, но извлекаютъ еще сами изъ этого и матеріальныя выгоды, не только окупающія исчисленное выше „обогащеніе“ Россіи, но ихъ еще обогащающія. Исчисленные выше расходы нѣкоторыхъ фабрикантовъ производятся ими изъ доходовъ. Съ кого же они получаютъ эти доходы? Отвѣтъ на это даютъ сами же апологеты „мирнаго завоеванія“, указывающіе (Б. Ф. Брандтъ), что „какъ въ двадцатыхъ годахъ промышленность Привислинскаго края опиралась, главнымъ образомъ, на сбытъ въ Имперію, широкое развитіе ея въ послѣднія десятилѣтія обусловливается открытіемъ для нея общерусскаго рынка“. Дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя, вся прусская промышленность Привислинскаго края существуетъ исключительно Россіей и притомъ преимущественно (55%) внутренней Россіи.

Такимъ образомъ, всѣ прибыли получаются прусскими фабрикантами Привислинскаго края *изъ Россіи*,—и всѣ вышеописанныя ихъ „огромныя расходныя суммы“, якобы „обогащающія“ Россію, *берутся ими съ Россіи и частью только возвращаются ей* (въ видѣ исчисляемыхъ выше расходовъ), другою-же частью (излишки дохода) отправляются въ Германію, ибо большинство привислинскихъ фабрикъ только

отдѣленія прусскихъ фабрикъ, открытыя у насъ для обхода таможенной границы, т. е. для безпошлиннаго сбыта произведеній въ Россіи, ergo—*для лишенія русской казны таможеннаго дохода!*

Въ книгѣ Б. Ф. Брандта приводятся отчеты двухъ крупныхъ нѣмецкихъ фабрикъ Привислинскаго края, изъ 10,894,441 руб. годового расхода, которыхъ 8,742,061 руб. причисляются имъ къ расходамъ, произведеннымъ въ Россіи, а 2,152,380 руб.—за границею. Такимъ образомъ, изъ доходовъ фабрикъ пятая часть возвращается въ Германію. По всѣмъ (слишкомъ 500) прусскимъ промышленнымъ предпріятіямъ Привислинскаго края одна эта пятая часть составитъ десятки милліоновъ рублей въ годъ, не считая чистыхъ прибылей.

Въ дѣйствительности, однако, за границу уходитъ гораздо больше, ибо такіе расходы, какъ топливо т. е. уголь (съ Домбровицкихъ копей, захваченныхъ и эксплоатируемыхъ тѣми-же пруссаками), содержаніе фабричной администраціи (почти поголовно состоящей изъ нихъ же), а также въ значительной части и оплата рабочихъ (наполовину тѣхъ же пруссаковъ) и т. д.—такъ-же точно не остаются въ Россіи, а переводятся въ ту-же Германію, какъ равно и чистыя прибыли фабрикантовъ, т. е. излишки доходовъ надъ расходами (дивиденды германскихъ акціонеровъ). Въ результатѣ окажется, такимъ образомъ, что не за границу уходитъ пятая часть милліоновъ, собираемыхъ прусскими фабрикантами Привислинскаго края въ Россіи, а въ Россіи едва-ли остается пятая часть ихъ. Кто-же кого въ дѣйствительности благодѣтельствуетъ и обогащаетъ?

Но если даже не большая, а меньшая часть собираемыхъ привислинскими фабрикантами въ Россіи милліоновъ уплываетъ въ Германію, большая-же часть остается въ Россіи,—можно-ли это считать аргументомъ въ пользу „мирнаго завоеванія“ и видѣть въ немъ „благодѣтельность“? Вѣдь то-же получала бы Россія отъ этой промышленности и тогда, если-бы въ Привислинскомъ краѣ не было ни одного пруссака и она находилась-бы въ русскихъ рукахъ, т. е. если-бы субсидіи, льготы, покровительства и т. д. оказывались въ свое время не чужеземнымъ пришельцамъ, а своимъ, русскимъ людямъ. Тогда промышленность эта дѣйстви-

тельно обогащала-бы Россію, ибо служила бы мобилизаціи національнаго капитала, который и оставался-бы весь дома, и въ то же время служила бы оплотомъ русской государственности на западной окраинѣ, которая нѣмецкой колонизаціей систематически обращается въ „Новую Восточную Пруссію“.

Но если даже допустить, что безъ пруссаковъ теперешней привислинской промышленности вовсе не существовало бы, то тогда всѣ эти фабрикаты или выдѣлывались бы въ Москвѣ, вообще внутри Россіи, дѣйствительно обогащая страну и питая ея ядро, нынѣ ослабляемое прусской промышленностью Привислинскаго края, или же, въ наихудшемъ случаѣ, привозились бы изъ-заграницы (Пруссіи), давая государству, т. е. Россіи, многомилліонный таможенный доходъ, котораго теперь, заполняемая тѣми же прусскими фабрикатами, только выдѣлываемыми по сю сторону границы, она не получаетъ.

Но если все же признать, что благополучіе Россіи находится въ связи и зависимости отъ прусскихъ и вообще иностранныхъ предпріятій, то какой же получится изъ этого выводъ? Выводъ получится отрицательный, ибо безспорный фактъ тотъ, что въ послѣднія десятилѣтія, т. е. именно въ то время, когда пресловутый, такъ называемый, „иностранный капитализмъ“ достигъ у насъ—и на западной окраинѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи—наибольшаго развитія, благосостояніе русскаго народа и вообще страны не улучшилось, а ухудшилось. Нужно ли лучшее свидѣтельство не—„благодѣтельности“ мирнаго завоеванія Россіи нѣмцами и вообще иностранцами, со стороны финансово-экономической? Со стороны же государственно-политической, съ которой вопросъ этотъ прежде всего долженъ разсматриваться, оно не только не „благодѣтельно“, но вредно и опасно, а слѣдовательно—вовсе недопустимо, даже если-бы было дѣйствительно „благодѣтельно“ въ финансово-экономическомъ отношеніи...

Существенную „пользу“ и „благодѣтельность“ „Новой Восточной Пруссіи“, пріютившейся на нашей западной окраинѣ, апологеты „мирнаго завоеванія“ видятъ уже въ самомъ фактѣ возникновенія ея здѣсь, что-де дало Россіи огромную промышленность, за которую она, Россія, всецѣло-де обязана нѣмцамъ, ихъ предпріимчивости и капи-

талу. Это подробно развивается въ книгѣ Б. Ф. Брандта „Иностранные капиталы“. Но та же книга, констатируя колоссальный ростъ центрально-русской промышленности (Московскій районъ), сумма производства которой (783 мил. р.) почти вдвое больше привислинской (425 милл. руб.), несмотря на всѣ льготы, ссуды, субсидіи, привилегіи и т. д., и по интенсивности (45 руб. производства на одного жителя) далеко уступающей Московской (62 руб. на жителя), —указываетъ, что послѣдняя (центрально-русская промышленность) является „самой крупной и самой національной“, такъ какъ „развилась собственными силами и средствами“, т. е. безъ какого-бы ни было участія иностранцевъ. „Русская (Московскаго района) мануфактурная промышленность,—говоритъ Б. Ф. Брандтъ,—можетъ указать на болѣе чѣмъ двухвѣковую исторію, въ теченіе которой ей пришлось переживать различныя стадіи развитія, подъ вліяніемъ измѣнявшихся условій русской жизни (укрѣпленіе и развитіе крѣпостного права, постепенное его ослабленіе и отмѣна, образованіе городского класса, отношеніе дворянства и правительства къ промышленной дѣятельности и т. д.), пока она достигла своего нынѣшняго развитія на началахъ крупнаго капиталистическаго производства“. И что-же? „Заимствованіе западно-европейской техники дало русскимъ возможность побить своихъ западныхъ учителей въ этой отрасли промышленности“ и въ настоящее время русская (Московская) мануфактурная промышленность достигла такой степени развитія, что въ качествѣ производства „по отзывамъ иностранныхъ изслѣдователей не уступаетъ любой изъ европейскихъ странъ“, причемъ, по признанію самихъ апологетовъ „мирнаго завоеванія“ Россіи нѣмцами и вообще иностранцами, „московскій товаръ по качеству выше лодзинскаго“.

Казалось-бы, при наличности такого факта,—почему Россія должна благоговѣть и расшаркиваться предъ нѣмцами, видѣть въ нихъ своихъ „благодѣтелей“ и считать себя обязанной имъ за привислинскую промышленность, когда и безъ нихъ, своею собственною предпріимчивостью и своими собственными капиталами у насъ, въ центрѣ Россіи, создалась и существуетъ большая и лучшая промышленность? Но, оставляя даже это въ сторонѣ, посмотримъ—дѣйстви-

тельно ли привислинская промышленность обязана своимъ существованіемъ нѣмцамъ?

Изъ исторіи возникновенія и развитія привислинской промышленности, подробно изложенной нами выше, ясно и очевидно, что своимъ возникновеніемъ, развитіемъ и всѣмъ существованіемъ она обязана мѣропріятіямъ русскаго правительства и безпримѣрнымъ матеріальнымъ жертвамъ русской казны. Можетъ быть, однако, эти мѣропріятія и жертвы играли только второстепенную роль въ возникновеніи и развитіи привислинской промышленности? Можетъ быть, явившись на призывъ русскаго правительства, нѣмцы привезли въ Россію свои капиталы, которымъ, въ связи съ ихъ предпріимчивостью, привислинская промышленность и обязана своимъ существованіемъ? Но такое предположеніе упраздняется самими апологетами „мирнаго завоеванія“, констатирующими, устами Б. Ф. Брандта, что „иностранцы широко воспользовались предоставленными имъ льготами и преимуществами для заселенія (Привислинскаго) края и для приложенія на новой родинѣ (!) своего труда, своихъ знаній и своихъ *скудныхъ* капиталовъ“. Далѣе указывается, что капиталы, вложенные нѣмецкими пришельцами въ привислинскую промышленность, „были преимущественно единоличные, сравнительно *не особенно крупные*“.

Можно было бы заключить изъ этого, что хотя „сравнительно не особенно крупные“ но все же нѣмцы вложили свои капиталы на „мирное завоеваніе“ нашей смежной съ Германіей окраины. Однако, оказывается, что даже и эти „сравнительно не особенно крупные“ капиталы были у нѣмцевъ не свои, привезенные изъ Германіи, а наши же, собранные въ Россіи. „Не всѣ,—говоритъ Б. Ф. Брандтъ,—привезли съ собою эти капиталы, а многіе изъ нихъ пріобрѣли ихъ въ Россіи же“.

Болѣе подробное объясненіе этому даютъ труды Высочайше учрежденной (въ 1886 году) комиссіи по изученію привислинскаго Vaterland'а [1]), которая указываетъ, что „не мало между ними (нѣмцами—фабрикантами) найдется такихъ, которые начали свою карьеру простыми рабочими на

---

[1]) Комиссія состояла изъ профессоровъ Янжула, Ланговаго и Ильина.

чужой фабрикѣ и путемъ усерднаго труда и всевозможныхъ сокращеній личныхъ своихъ расходовъ, при упорномъ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, достигали положенія фабриканта".

Тутъ можетъ быть рѣчь о нѣмецкомъ упорствѣ и предпріимчивости, но капиталы, легшіе въ основаніе фабричныхъ дѣлъ, были тутъ, очевидно, русскіе—скопленные въ Россіи, а не привезенные извнѣ.

В. Д. Бѣловъ, тоже изслѣдовавшій этотъ вопросъ, прямо указываетъ [2]), что „всѣ болѣе крупные лодзинскіе фабриканты, за исключеніемъ развѣ только одного Шейблера, вышли изъ служащихъ на фабрикахъ и даже просто-напросто изъ рабочихъ: Куницеръ—бывшій ткачъ, начавшій свою промышленную карьеру съ одного и то взятаго на прокатъ станка, на которомъ работалъ со своей женой; Мейеръ—киперъ; Познанскій—бывшій конторщикъ Шейблера. Теперь все это милліонеры, составившіе свои милліоны въ продолженіи какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ".

Все это, можетъ быть, дѣлаетъ честь нѣмецкой настойчивости. Но изъ всего этого очевидно, что объ иностранныхъ капиталахъ, притекающихъ въ Россію, благодаря „мирному завоеванію" ея западныхъ окраинъ, говорить не приходится. Все это капиталы—русскіе, нажитые и собранные въ Россіи, всѣ эти предпріятія созданы на наши-же, русскія, деньги. Первоначально нѣмецкія предпріятія возникали, какъ мы видѣли, на казенныя субсидіи, которыя щедро раздавались прусскимъ пришельцамъ и для раздачи которыхъ былъ учрежденъ даже особый „фабричный фондъ", въ теченіи семи лѣтъ только (1822—1828 гг.) раздавшій прусскимъ пришельцамъ на устройство фабрикъ 770,000 рублей, не считая субсидій и пособій, раздававшихся иными путями (чрезъ бывшую въ Царствѣ Польскомъ правительственную комиссію внутреннихъ дѣлъ и др.), а также даровой раздачи казеннаго строевого лѣса и кирпича изъ спеціально устроенныхъ для этого казенныхъ кирпичныхъ заводовъ. Сами апологеты „мирнаго завоеванія" Россіи нѣмцами затрудняются назвать иныя, главнѣйшія, изъ привислинскихъ

---

[2]) См. его брошюру „Лодзь и Сосновицы".

предпріятій, какъ Куницера, Гейнцеля и т. д., иностранными, „такъ какъ они прямо основаны средствами, накопленными въ Россіи“. Другія-же предпріятія, считаемыя иностранными, обязаны своимъ существованіемъ бывшему „Польскому банку“; на средства котораго они созданы, то-есть—тѣмъ-же русскимъ капиталамъ, положеннымъ (русской казной) въ основу этого банка.

Такимъ образомъ, банку (основанному въ 1828 году русскимъ правительствомъ и оперировавшему шестьдесятъ лѣтъ на средства русской казны) обязаны своимъ существованіемъ такія крупныя предпріятія, какъ механическая фабрика „Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ“, металлургическій заводъ Гута Банкова, Островецкіе заводы, писчебумажная фабрика въ Езернѣ и т. д. Изъ фабрикъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ въ значительной степени обязаны „Польскому банку“ Жирардовская мануфактура, которая, будучи основана въ 1833 году Жираромъ, Шольцомъ и К° (при помощи русскаго правительства), въ первое время ея существованія пережила тяжелый кризисъ и была спасена отъ упадка лишь пособіями банка, который ей ссудилъ до 450,000 руб. и въ 1846 году долженъ былъ самъ пріобрѣсти эту фабрику и управлять ею въ теченіе десяти лѣтъ, до передачи ея настоящимъ владѣльцамъ (Гилле и Дитрихъ).

Такова исторія извѣстной „Жирардовской мануфактуры“, являющейся самой грандіозной льнопромышленной фабрикой не только въ Россіи, но и на всемъ европейскомъ континентѣ. Можно ли назвать это предпріятіе—иностраннымъ? Оно, какъ и другія привислинскія промышленныя предпріятія, принадлежитъ иностранцамъ, но основано и, такъ сказать, выращено на русскіе капиталы и заботами русской администраціи („Польскій банкъ“). Тѣмъ, конечно, обиднѣе, досаднѣе, что оно служитъ на пользу не Россіи, а Германіи, что чрезъ его посредство милліоны, ежегодно собираемые въ Россіи, переводятся въ Германію.

Вообще, какъ признаетъ Б. Ф. Брандтъ, „вліяніе Польскаго банка на развитіе привислинской промышленности, несомнѣнно, было огромное“, настолько огромное, что „современное состояніе Царства Польскаго было бы немыслимо безъ банка“. Это и понятно, если принять во вниманіе, что за шестидесятилѣтіе своего существованія банкъ роздалъ

на мѣстныя торговыя и промышленныя предпріятія *до 100 милліоновъ рублей*! Вотъ каковы въ дѣйствительности иностранные капиталы и нѣмецкая предпріимчивость, которымъ Россія якобы обязана существованіемъ привислинской промышленности!

Къ этому нужно прибавить еще другія существенныя условія, способствовавшія укрѣпленію и росту привислинской промышленности, а именно: таможенное покровительство ей Россіей и открытіе для нея русскаго рынка. Когда въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, началось усиленіе у насъ протекціонной системы, путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ на иностранные фабрикаты, прусскіе фабриканты, снабжавшіе до того своими издѣліями Россію, дабы облегчить имъ дальнѣйшій доступъ на русскіе рынки, то-есть парализовать протекціонныя мѣропріятія русскаго правительства, начали переносить свои фабрики за русскую границу, въ предѣлы Привислинскаго края (а также Гродненской и Ковенской губерній), или же проще еще—открывать въ нашихъ предѣлахъ, у самой германской границы (Сосновицы, Ченстоховъ, Калишъ, Заверце) отдѣленія своихъ фабрикъ. Такимъ образомъ, несмотря на таможенное покровительство отечественной промышленности, русскіе рынки продолжали и продолжаютъ наводняться иностранными (прусскими) фабрикатами безпошлинно, то-есть, въ сущности, контрабандно, а прусская промышленность, перенесенная—въ видахъ и цѣляхъ этой контрабанды—по сю сторону границы, воспользовалась и пользуется нашимъ таможеннымъ покровительствомъ, установленнымъ для русской промышленности. Не правда-ли ловкій и выгодный—только не для Россіи, конечно, куншткъ?

Сами апологеты „мирнаго завоеванія“ признаютъ, что „безъ открытаго свободнаго рынка для сбыта привислинская промышленность не могла-бы достигнуть той степени развитія, на которой она стоитъ теперь, работая не только на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, но и, главнымъ образомъ, на широкій сбытъ за предѣлы собственнаго района во внутреннюю Россію. Такъ же точно „успѣхами своими привислинская промышленность, несомнѣнно, въ извѣстной степени обязана и счастливо сложившимся обстоятельствамъ

и благопріятнымъ условіямъ мѣстнаго производства", безъ которыхъ она „не могла-бы развиться такъ широко и свободно".

Прусская предпріимчивость, снабженная русскими капиталами и надѣленная всякими льготами и привиллегіями, такимъ образомъ, сумѣла только использовать широко всѣ эти благопріятныя условія и обстоятельства. Но развѣ русскіе люди не сумѣли бы использовать ихъ такъ же точно, а можетъ быть и лучше еще, если-бы они, а не нѣмцы были призваны и надѣлены ими? Почему же Россія должна считать себя за это обязанной нѣмцамъ и въ „мирномъ завоеваніи" ими ея смежной съ Германіей окраины видѣть „пользу" и „благодѣтельность" для себя, ergo—не видѣть очевиднаго экономическаго вреда и политической опасности?

На неудобство и опасность насажденія внутри государства иностранной промышленности, путемъ предоставленія ей не только одинаковыхъ со своей національной промышленностью, но большихъ правъ и привиллегій, впервые указывалось правительству еще въ 1824 году, то-есть при самомъ началѣ водворенія иностранной промышленности въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ. Черезъ два года, въ 1826 г., русскіе фабриканты вновь обращались къ правительству съ жалобой на то, что насаждаемая имъ прусская промышленность въ Царствѣ Польскомъ—развивается въ ущербъ русской промышленности. Въ 1830 году московскіе промышленники возбудили Всеподданнѣйшее ходатайство, въ которомъ, указывая на бѣдствія, грозящія русской промышленности отъ привиллегированнаго положенія прусской промышленности Царства Польскаго, просили объ уничтоженіи привиллегій, предоставленныхъ Царству Польскому при товарообмѣнѣ съ Имперіей. По повелѣнію императора Николая I послѣдовало уравненіе таможенныхъ пошлинъ на продукты, обмѣниваемые между Имперіей и Царствомъ Польскимъ. Но съ уничтоженіемъ въ 1850 году таможенной границы между внутренней Россіей и Царствомъ Польскимъ, германской промышленности послѣдняго открылся совершенно свободный безпошлинный доступъ на внутренніе русскіе рынки, что, естественно, создало для русской промышленности весьма затруднительное положеніе и явилось тормозомъ ея развитія. Но это были только цвѣточки. Когда, съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, началось у насъ усиленіе протекціонной си-

стемы путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ на иностранные фабрикаты, прусскіе фабриканты, дабы облегчить доступъ своихъ фабрикатовъ на русскіе рынки, какъ сказано, перенесли свои фабрики по сю сторону границы, или же просто открыли въ нашихъ предѣлахъ отдѣленія своихъ фабрикъ. Такимъ путемъ, рядомъ съ Лодзью, возники въ Привислинскомъ краѣ новые центры прусской промышленности—Сосновицы, Заверце, Ченстоховъ, Петраковъ. Въ результатѣ—несмотря на введеніе высокихъ таможенныхъ пошлинъ, русскіе рынки продолжали наводняться иностранными фабрикатами безпошлинно и прусская промышленность, переведенная съ этою цѣлью по сю сторону границы, воспользовалась и пользуется нашимъ таможеннымъ покровительствомъ. Такимъ образомъ, таможеннымъ протекціонизмомъ воспользовалась иностранная промышленность, русская же промышленность не только не избавилась отъ иностранной конкуренціи, но подвергалась ей еще въ большей степени. Въ Привислинскомъ краѣ быстро выросъ цѣлый Vaterland и внутренніе русскіе рынки подверглись форменному завоеванію Лодзи и Сосновицъ, въ ущербъ національной русской промышленности, сосредоточенной въ Москвѣ, Владимирѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Кинешмѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ.

Такое положеніе вызвало со стороны русскихъ промышленниковъ ходатайство, возбужденное прибывшею въ 1886 году изъ Москвы въ Петербургъ новою депутаціей, объ устраненіи привиллегіи иностранной промышленности въ Россіи. Въ 1887 году русскіе промышленники возбудили предъ министромъ финансовъ, при посѣщеніи имъ Нижегородской ярмарки, новое ходатайство объ уравненіи тарифа на хлопокъ для Москвы и Лодзи, пользующейся и въ этомъ отношеніи привиллегіей. Наконецъ, въ 1889 году возбуждено было новое ходатайство объ устраненіи привиллегій Лодзи.

Во всѣхъ этихъ ходатайствахъ и въ дебатахъ по поводу ихъ указано, что развитіе русской промышленности Привислинскаго края явилось результатомъ спеціальныхъ привиллегій и поощрительныхъ мѣръ, предпринимавшихся правительствомъ въ ея пользу и въ ущербъ русской промышленности, и что своими успѣхами она обязана съ одной стороны—охранѣ ея высокими таможенными пошлинами, а

съ другой—открытію широкаго сбыта ея произведеніямъ на внутренніе русскіе рынки; Россія на своей окраинѣ сама себѣ создала сильнаго и опаснаго врага-конкуррента, приносящаго вредъ коренной русской промышленности, питающагося и живущаго на ея счетъ. Тутъ не просто одинъ промышленный районъ принесенъ въ жертву другому, а промышленность коренная, національная принесена въ жертву чужеядной, иностранной, не имѣющей ничего общаго съ интересами Россіи, для которой она, напротивъ, представляетъ опасность въ смыслѣ какъ экономическомъ, такъ и политическомъ.

Что это такъ, что прусская промышленность Лодзи и Сосновицъ существуетъ за счетъ центрально-русской, національной промышленности, пользуясь привиллегированнымъ положеніемъ, установлено и удостовѣрено всѣми изслѣдователями этого вопроса начиная съ Высочайше учреждённой въ 1886 году комиссіи профессоровъ Янжула, Ильина и Лангового и кончая даже Б. Ф. Брандтомъ, извѣстнымъ апологетомъ иностраннаго капитализма и „мирнаго завоеванія“ Россіи. Изслѣдованіями Янжула—Ильина—Лангового установлено, что „преимущество условій привислинской промышленности предъ внутренней Россіей въ вопросѣ снабженія фабрикъ топливомъ во всѣхъ отношеніяхъ несомнѣнно, и не только уменьшаетъ, примѣрно вдвое, расходъ на топливо, сравнительно съ промышленникомъ московскимъ, но и даетъ возможность привислянскому предпринимателю вести дѣло съ меньшимъ основнымъ капиталомъ, не затрачивая крупныхъ суммъ для обезпеченія себя топливомъ на будущее время“. То же и со стоимостью сырья (хлопка и шерсти), составляющаго главную расходную статью производства (отъ 66 до 70% стоимости его). По вычисленію Б. Ф. Брандта („Иностранные капиталы“ т. III), иностранный хлопокъ обходится Лодзи, благодаря желѣзнодорожному тарифу, на 10—14,5 коп. дешевле на каждомъ пудѣ, чѣмъ Москвѣ; русскій хлопокъ также обходится ей дешевле. Шерсть и иностранная, и русская тоже Лодзи обходится дешевле. Рабочія руки оплачиваются въ Лодзи дороже, чѣмъ въ Москвѣ но, говоритъ Б. Ф. Брандтъ, „качества (интенсивность) нѣмецкаго рабочаго настолько перевѣшиваютъ болѣе высокій уровень его номинальной заработной платы,

что въ концѣ концовъ онъ стоитъ привислянскому фабриканту дешевле, чѣмъ московскому", въ чемъ и „заключается одна изъ главныхъ причинъ того перевѣса, который находится на сторонѣ лодзинскихъ фабрикантовъ въ ихъ борьбѣ съ московскими".

Наконецъ, ко всему этому, лодзинско-сосновицкіе фабриканты пользуются еще двойнымъ кредитомъ: русскимъ и германскимъ. „Нѣмецкій промышленникъ (въ Привислиньѣ), —говоритъ профессоръ Янжулъ,—пользуется, во-первыхъ, мѣстнымъ кредитомъ, какъ всякій другой промышленникъ, и сверхъ того, какъ германскій фабрикантъ, еще болѣе широкимъ и дешевымъ кредитомъ тамошнихъ (германскихъ) кредитныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Сохраняя постоянныя связи и сношенія съ Германіей и пользуясь личнымъ довѣріемъ, онъ можетъ сохранить за границею какъ товарный, такъ и денежный кредитъ". „Сложная и разнообразная организація торгово-промышленнаго кредита,—прибавляетъ къ этому Б. Ф. Брандтъ,—выработанная западно-европейской банковой практикой, даетъ возможность нѣмецкимъ промышленникамъ въ Польшѣ пользоваться самыми разнообразными формами заграничнаго кредита".

Всѣ эти условія, создавъ привиллегированное, по отношенію къ центрально-русской промышленности, положеніе прусской промышленности Привислянскаго края, и дали Лодзи, Сосновицамъ, Ченстохову и Петракову перевѣсъ. Тутъ какъ бы стоятъ другъ передъ другомъ Россія и Германія, которая, усиливая за счетъ Россіи свои позиціи на ея окраинѣ и ослабляя въ то же время центръ ея, тормозя его экономическое развитіе и парализуя естественный ростъ русскихъ промышленныхъ силъ, можетъ въ результатѣ извлечь изъ этой „мирной борьбы" не однѣ только финансово-экономическія выгоды, но и политическую пользу. Не нужно никакихъ очковъ, чтобы въ этомъ подрываніи національныхъ и, слѣдовательно, ослабленіи государственныхъ силъ Россіи видѣть не только не выгодный, но и опасный для нея прецедентъ".

Все, что было сдѣлано до сего времени противъ такой опасности, это—изданіе закона 14 марта 1887 года, воспретившаго иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать недвижимость внѣ городскихъ поселеній Привислянскаго края. Это

было сдѣлано, однако, только для очистки совѣсти, потому что прусская промышленность сосредоточена именно въ городахъ, и законъ 1887 года вовсе, такимъ образомъ, не явился помѣхой для ея дальнѣйшаго роста, въ ущербъ экономическимъ и политическимъ интересамъ Россіи.

Остается разрѣшить еще вопросъ: прусская промышленность Привислянскаго края—дѣйствительно-ли прусская, а не русская, а утвердившаяся на этой окраинѣ „Новая Восточная Пруссія“—дѣйствительно-ли „Новая Восточная Пруссія“, а не Россія?

Апологеты „мирнаго завоеванія“ Россіи нѣмцами рѣшительно возстаютъ противъ разсматриванія прусской промышленности Привислянскаго края, какъ таковой, то-есть—какъ прусской, чужой, наносной, ничего общаго съ интересами Россіи не имѣющей. По ихъ ученію, подробно излагаемому Б. Ф. Брандтомъ, къ этой прусской промышленности „не можетъ быть примѣненъ иной критерій, какъ ко всей имперіи“; предоставляя ей свои рынки, Россія вовсе-де не поступается этимъ своими интересами ради интересовъ чужой промышленности: это-де „ни что иное, какъ сбытъ русскихъ (sic) произведеній въ Россію“, на который прусская промышленность Привислянскаго края „имѣетъ такоеже право, какъ и промышленность центральнаго (Московскаго) района, такъ какъ и та и другая промышленность одинаково существуютъ для удовлетворенія общихъ потребностей единаго русскаго государства. Жалоба на конкурренцію, составляемую однимъ райономъ другому, имѣла-бы raison d'être только въ томъ случаѣ, если-бы слѣдствіемъ такой конкурренціи явилось принесеніе въ жертву интересовъ одной части населенія интересамъ другой части населенія“.

Между тѣмъ самъ-же Б. Ф. Брандтъ указываетъ въ своей книгѣ, что „наибольшее число фабрикъ и притомъ наиболѣе крупныхъ было основано (нѣмцами въ Привислянскомъ краѣ) въ періодъ *послѣ* 1870 года, совпадающій съ усиленіемъ нашей протекціонной системы, начавшимся установленіемъ съ 1877 года взиманія пошлинъ золотою валютой, что увеличило послѣднія почти на 50% и продолжавшимся дальнѣйшимъ ихъ возвышеніемъ въ теченіи восьмидесятыхъ годовъ, вплоть до установленія протекціоннаго та-

моженнаго тарифа 1891 года. Подъ вліяніемъ этихъ пошлинъ, иностранные производители, снабжавшіе русскій рынокъ своими издѣліями, доступъ которымъ теперь оказался затруднительнымъ, перенесли свои фабрики или, лучше сказать, ихъ отдѣленія за русскую границу вмѣстѣ съ полнымъ обзаведеніемъ машинами, орудіями, свѣдущими опытными рабочими“!

Очевидно, эта промышленность чужая, наносная, это—Пруссія, врѣзавшаяся въ русскіе предѣлы и переводящая къ себѣ безнаказанно и безпошлинно, то-есть контрабандно, русскіе милліоны, ослабляя такимъ образомъ, матеріальныя силы Россіи и усиливаясь за ея счетъ, въ видахъ и цѣляхъ едва-ли благопріятныхъ Россіи. О какихъ же „одинаковыхъ правахъ“ можетъ быть тутъ рѣчь на почвѣ даже только экономической, не говоря уже о государственно-политической? Если недопустимо принесеніе въ жертву даже интересовъ одной части населенія государства интересамъ другой, то вѣдь здѣсь мы видимъ нѣчто неизмѣримо большее, а именно—принесеніе въ жертву интересовъ одного—своего—интересамъ другого—чужого государства, и интересовъ, притомъ, не экономическихъ только, но и политическихъ.

„Привислянскія предпріятія, основанныя иностранцами не должны считаться чужими,—поучаетъ Б. Ф. Брандтъ,—ихъ нельзя называть иностранными, въ настоящемъ значеніи этого слова, также и по подданству ихъ владѣльцевъ“; большинство прусскихъ фабрикантовъ приняли русское подданство, „хотя,—оговаривается даже Б. Ф. Брандтъ,—конечно, остались такими-же нѣмцами и мало сроднились съ окружающимъ населеніемъ“, а затѣмъ и поясняетъ еще, что съ семидесятыхъ годовъ фабрики и заводы стали устраиваться нѣмцами и у насъ возлѣ самой границы (германской) „въ видахъ „возможности постоянныхъ сношеній съ заграницей“ (то-есть съ Германіей). Если принять еще во вниманіе, что и самая приписка прусскихъ фабрикантовъ къ русскому подданству послѣдовала не добровольно, а вынужденно,—въ силу законовъ 14 марта 1887 г. (о запрещеніи иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать въ собственность и какое бы то ни было временное пользованіе недвижимыхъ имуществъ въ привислянскихъ и западныхъ губерніяхъ) и 1892 года (о запрещеніи иностраннымъ

подданнымъ въ привислянскихъ губерніяхъ быть управляющими фабрикъ и мастерскихъ и мастерами въ нихъ,—причемъ, несмотря даже на эти законы, до сихъ поръ очень многіе фабриканты и большинство управляющихъ и мастеровъ остаются по прежнему прусскими подданными (съ соблюденіемъ лишь извѣстнаго маскарада, а именно: фиктивно управляющимъ считается кто-либо изъ служащихъ русскій подданный, фактическимъ же управляющимъ состоитъ пруссакъ), а также, что въ Германіи для такихъ случаевъ существуетъ законъ (1 іюня 1870 г.) „о двойномъ подданствѣ“ (допускающій принятіе германскими подданными внѣ Германіи другого подданства, при условіи сохраненія въ полной силѣ первоначальнаго, германскаго, подданства, то-есть —фиктивности второго подданства),—принявъ все это во вниманіе, яснымъ становится, какими должны и могутъ считаться, то-есть какими въ дѣйствительности являются промышленныя предпріятія Привислянскаго края и другихъ нашихъ западныхъ окраинъ (Бѣлостокская область, Ковенская губернія): прусскими или русскими, а также чьимъ интересамъ и выгодамъ они служатъ: германскимъ или русскимъ.

Но можетъ быть, будучи прусскими по своему происхожденію и по своей принадлежности и руководительству, привислянскія промышленныя предпріятія являются русскими по составу своихъ служащихъ и рабочихъ?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самъ Б. Ф. Брандтъ, по словамъ котораго „нельзя отрицать, что на привислянскихъ фабрикахъ и до сихъ поръ еще имѣется значительное число иностранныхъ техниковъ и мастеровъ“ и тамъ „въ значительной степени преобладаетъ въ техническомъ персоналѣ иностранный элементъ“. Но это, оказывается, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ-де „въ этомъ отношеніи привислянскія фабрики не составляютъ исключеніе сравнительно съ русскими фабриками центральнаго (Московскаго) района“, гдѣ тоже есть иностранные техники.

Во-первыхъ, какъ это видно изъ статистическихъ данныхъ (имѣющихся и въ книгѣ Б. Ф. Брандта), привислянскія фабрики, гдѣ 58,3% техниковъ и 24,3% завѣдующихъ иностранцы (Петроковская губернія), причемъ и всѣ остальные тѣ-же иностранцы—нѣмцы, только приписавшіеся (вынужденно и фиктивно) къ русскому подданству, русскаго-

же техника или завѣдующаго нѣтъ *ни одного* въ Привислинскомъ краѣ,—составляютъ именно исключеніе сравнительно съ центральной Россіей, гдѣ вообще иностранцевъ-техниковъ 33,7%, а завѣдующихъ 8,8%, въ частности-же, напримѣръ, во Владимірской губерніи, только 15,3 и 7,9%, и гдѣ весь остальной технической персоналъ, вся администрація и всѣ рабочіе—русскіе. Во-вторыхъ-же, что можетъ быть терпимо внутри Россіи, то, какъ это всякому понятно, совершенно недопустимо, по соображеніямъ политическаго свойства, въ Привислянскомъ краѣ и вообще на окраинахъ.

Что касается рабочаго класса, то какъ уже отмѣчалось выше, русскій элементъ въ его средѣ совершенно отсутствуетъ. Очень мало и мѣстнаго элемента (поляковъ). Преобладающая масса рабочихъ на привислянскихъ фабрикахъ —нѣмцы, пришельцы изъ Пруссіи, въ огромномъ большинствѣ даже и прусскіе подданные. Это цѣлая двухсотъ-тысячная германская армія въ нашихъ предѣлахъ.

„Трудно видѣть,—говоритъ Б. Ф. Брандтъ,—какое либо преимущество польской (!) промышленности предъ русской въ томъ, что на нее была распространена общая покровительственная система. Система эта одинаково охраняетъ какъ русскую, такъ и польскую промышленность и поскольку на нее имѣетъ право первая, постольку-же имѣетъ права и вторая“, такъ какъ „цѣлью протекціонизма является укрѣпленіе и развитіе промышленности внутри страны“.

Но, во-первыхъ, это не польская, а прусская, то-есть *иностранная* промышленность,—съ какой же стати Россіи покровительствовать чужой для ей промышленности, назначеніе которой высасывать жизненные соки русскаго народа и государства въ пользу германскаго народа и государства? Съ какой стати Россіи своими собственными руками ослаблять себя и усиливать своего врага? Во-вторыхъ-же, преимущество этой иностранной (прусской) промышленности въ Россіи предъ русской не въ томъ заключается, что на нее распространяется общая покровительственная система, оберегающая ее извнѣ, а въ томъ, что въ то время, какъ наша, національная, промышленность пользуется однимъ (таможеннымъ) покровительствомъ, прусская промышленность Привислянскаго края пользуется *двойнымъ покровительствомъ*: со стороны Россіи (то-же таможенное покрови-

тельство) и со стороны Германіи, какъ вѣрная дщерь ея (кредитъ, страхованіе рабочихъ и т. д.).

Любопытно и характерно, что наши апологеты „мирнаго завоеванія“ Россіи нѣмцами въ другихъ случаяхъ—отъявленные фритедеры, въ данномъ случаѣ хватаются за протекціонизмъ, стараясь съ его помощью оправдать германскую оккупацію западной окраины и доказать ее не только, такъ сказать, „законность“, но даже „пользу и благодѣтельность“ для Россіи, которая, поэтому, не только не должна предпринимать что-либо противъ этой оккупаціи, но должна мирволить ей,—а прусскую промышленность холить и лелѣять такъ же, какъ и русскую. И все это во имя протекціонизма!

Но смыслъ протекціонизма заключается въ укрѣпленіи и развитіи не всякой вообще, а отечественной, *національной* промышленности, развитіе которой сторицею окупаетъ покровительственныя жертвы страны, тогда какъ развитіе и укрѣпленіе внутри страны чужой, наносной, промышленности, ничего не давая государству, только беретъ отъ него все то, что даетъ своему, выдвинувшему ее, государству, и при этомъ если не подавляетъ собственныя матеріальныя силы пріютившаго ее государства, то, во всякомъ случаѣ, *ослабляетъ* ихъ, мѣшаетъ ихъ естественному росту. Наши невольные „протекціонисты“, конечно, не укажутъ намъ ни одного живого примѣра, ни одного государства, гдѣ протекціонная система преслѣдовала бы цѣль укрѣпленія и развитія не отечественной, а иностранной промышленности. Совершенно наоборотъ: цѣль и смыслъ протекціонизма вездѣ одни, это—оградить свою національную промышленность отъ конкурренціи чужой, иностранной промышленности. Не думаемъ, чтобы апологеты „мирнаго завоеванія“ Россіи нѣмцами стали убѣждать Германію насаждать и развивать у себя не свою, германскую, а русскую промышленность, и предоставить свои восточныя окраины для ихъ русской колонизаціи и оккупаціи. Почему же они такъ усердно стараются убѣдить въ этомъ Россію?

Но въ данномъ случаѣ дѣло вовсе не въ финансово-экономическихъ построеніяхъ, какъ бы они ни были правильны и мудры, а въ государственно-политическихъ соображеніяхъ, не допускающихъ утвержденія на окраинѣ госу-

дарства, къ тому же инородческой, чужого, сосѣдняго государства, какими бы мотивами это ни прикрывалось и какія бы матеріальныя выгоды ни представляло.

VII.

Какъ-же быть?

Изображенная нами картина „мирнаго завоеванія западныхъ и юго-западныхъ окраинъ Германіи естественно выдвигаетъ вопросъ: *какъ же быть?*

Дѣло, очевидно, такъ оставаться не можетъ. Нельзя пренебрегать столь рельефно—раскрывающеюся предъ нами если не неизбѣжною, то во всякомъ случаѣ *возможною* опасностью. Не слѣдуетъ забывать, что нѣмецкое „мирное завоеніе“ нашихъ западныхъ окраинъ далеко еще не сказало своего послѣдняго слова. Германія не только не собирается прекращать, но въ послѣднее время вновь усилила его. Судьба Босніи и Герцеговины, „мирно“ поглащенныхъ, послѣ тридцатилѣтней оккупаціи, германо-мадьярскимъ міромъ, должна, наконецъ, обратить вниманіе взволнованнаго этимъ вѣроломствомъ русскаго общества и правительства на нашу собственную „Боснію и Герцеговину“, которой, при дальнѣйшемъ нашемъ безпечномъ благодушіи, можетъ грозить при „удобномъ“ случаѣ та-же участь, что и сербско-турецкимъ Босніи и Герцеговинѣ.

Въ 1867 г., по поводу начавшейся тогда Германской колонизаціи нашихъ западныхъ окраинъ, М. Н. Катковъ писалъ:

„Всякое государство старается всего болѣе о томъ, чтобы на своихъ окраинахъ упрочить и поставить внѣ всякаго вопроса свой національный характеръ. Неужели одна Россія должна оставаться въ этомъ отношеніи непонятнымъ исключеніемъ? Неужели Россіи суждено отрицаться въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она по преимуществу должна быть собою? Гдѣ видано, чтобы тѣ пункты государственной территоріи, которыми она соприкасается съ остальнымъ міромъ, и гдѣ, стало быть, должны быть особенно дѣятельны національныя силы, искусственно пріурочивались къ національности сосѣднихъ государствъ, или просто-напросто отдавались ино-

странцамъ?.. Устройствомъ иностранныхъ особняковъ среди Русскаго государства мы готовимъ себѣ большія затрудненія въ будущемъ".

Это сознается рѣшительно всѣми государствами—какъ некультурными (Китай, Турція), такъ и самыми культурными, которыя у насъ именуются „передовыми", и которымъ мы такъ любимъ подражать во всемъ, только—увы!—не въ національной политикѣ. „Свободная" Сѣверо-Американская республика давно провозгласила принципъ „Америка для американцевъ" (доктрина Монроэ) и, положивъ его въ основу всей своей какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, ограничила и стѣснила иностранную колонизацію своихъ штатовъ. Во Франціи, тоже „свободной" республикѣ, въ парламентѣ, несмотря на господство въ немъ радикаловъ и соціалистовъ, то-же уже обсуждался и дебатировался вопросъ объ иностранной колонизаціи, причемъ указывалось, что „присутствіе во Франціи нѣсколькихъ милліоновъ иностранцевъ, за которыми нельзя услѣдить, представляетъ для страны большую опасность".

Въ Австріи, по закону, иностранцы, при малѣйшемъ подозрѣніи въ неблагонадежности, подлежатъ высылкѣ за предѣлы государства. Несмотря даже на союзъ съ Германіей, законъ этотъ примѣнялся неоднократно даже къ германскимъ подданнымъ. Русскіе же не допускаются въ пограничныя австрійскія области даже въ качествѣ простыхъ туристовъ. Въ Англіи изданъ въ 1906 г. законъ (Alien bille), почти закрывшій доступъ въ соединенное королевство иностраннымъ колонистамъ. Румынская конституція воспрещаетъ иностранцамъ пріобрѣтать въ странѣ недвижимыя имущества и владѣть таковыми даже при наслѣдованіи отъ румынскихъ подданныхъ по прямой линіи родства. Не говоримъ уже о Германіи, гдѣ осѣдлость иностранцевъ почти совершенно не допускается, и гдѣ всѣ даже свои подданные не нѣмцы (Славяне, Французы) германизуются. Въ то время когда Россія—и притомъ, главнымъ образомъ, ея западныя, смежныя съ Германіей окраины—систематически подвергается массовому заполоненію германскими нѣмцами, русскіе подданные систематически высылаются изъ Пруссіи, какъ элементъ для нея опасный. Конечно, этимъ самымъ Германія и намъ указываетъ на дѣйствительную опасность

нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ у насъ не единицы, какъ русскихъ подданныхъ въ Пруссіи,—а два слишкомъ милліона.

Но у насъ германскіе колонисты не только не удаляются, не говоримъ уже вовсе изъ Россіи (какъ русскіе подданные изъ Пруссіи), но хотя бы только отъ австро-германской границы, а продолжаютъ заполнять русскую землю, занимать территорію Россіи, вытѣсняя коренной ея русскій элементъ въ Азію. По оффиціальнымъ даннымъ о переселенческомъ движеніи въ Сибирь почти четвертая часть (23%) приходится на восемь губерній, подвергшихся „мирному завоеванію“ Германіи. Такимъ образомъ, у насъ форменнымъ образомъ водворяется нѣмецкій Vaterland.

Этотъ „фатерландъ“ въ Россіи какъ будто признается даже оффиціально. Такъ, сравнительно недавно еще въ (шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія) на югѣ Россіи выходила *казенная* газета на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „Unterhaltungsblatt für deutsche Colonisten in Russland“. Газета, какъ это видно изъ ея названія, предназначена была для южныхъ нѣмецкихъ колонистовъ и издавалась Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ.

Какъ извѣстно, нѣмцы пользовались русскимъ гостепріимствомъ съ очень давнихъ временъ. Но въ давнія времена, во-первыхъ, и Германіи не было, а во-вторыхъ, они и допускались только въ качествѣ коммерсантовъ, вообще практическихъ дѣятелей и учителей, а не въ качествѣ тѣснителей и вытѣснителей коренного русскаго элемента и замѣстителей его на русской землѣ, какъ это мы видимъ теперь. Однако, заполоненіе Руси нѣмцами и въ давнія времена смущало русскихъ людей. Выразителемъ этого смущенія явился извѣстный Юрій Крижаничъ [1]), написавшій въ 1675 г., цесаревичу Ѳеодору Алексѣевичу „Письмо объ освобожденіи“, въ которомъ, подобно Карамзину, предупреждав-

[1]) Хорватъ по рожденію, истинный славянинъ въ душѣ, Юрій Крижаничъ былъ высокообразованнымъ по своему времени богословомъ, филологомъ, историкомъ и проницательнымъ политикомъ—можно сказать, первый славянскій политикъ, ибо онъ первый поставилъ и разъяснилъ славянскую точку зрѣнія въ европейской политикѣ (см. его „Политику“, „О Промыслѣ“ и др. сочиненія). Юрій Крижаничъ долгое время путешествовалъ по Россіи, изучалъ ее и жилъ въ ней, находясь близко ко двору.

шему письмомъ Александра I объ опасности увлеченія полонофильствомъ, предупреждалъ объ опасности допущенія заполоненія Руси нѣмцами. „Нѣмцы,—говорится въ этомъ „Письмѣ“,—не только войною, но и всякимъ коварствомъ забираютъ каждое государство, гдѣ люди менѣе осторожны и недостаточно остерегаются отъ ихъ нападенія и наводненія... Такъ какъ у нѣмцевъ много разнообразныхъ причинъ, чтобы приходить въ чужія страны и въ нихъ жить, то сталось, что въ разныхъ государствахъ нѣмецкіе рабы очень размножились, когда же они видятъ, что ихъ въ какомъ-либо городѣ уже достаточно, то скоро, при удобномъ случаѣ, завладѣвали имъ, или передавая его какому-нибудь властителю своего рода, или измѣняя на войнѣ чужому государю, у котораго находились они въ военной службѣ. Такимъ путемъ сдѣлались нѣмецкими Чехія, Силезія, Моравія, Поморье и т. д. Иногда они сначала вкрадываются, а потомъ вѣроломно и жестоко захватываютъ чужія земли, коренныхъ жителей либо прогоняютъ, либо обращаютъ въ рабство. Такъ поступили они въ Пруссіи и Ливоніи... Что сбудется съ Россіей—Russia quo spectat“ [1]).

Въ своемъ сочиненіи „Политика“ Юрій Крижаничъ такъ поясняетъ эту мысль:

„Все наше славянское племя нѣмцы ненавидятъ непримиримою, вѣчною, демоническою ненавистью, особенно Русское Царство. Послѣ того, какъ имъ удалось вытѣснить славянскія племена изъ Моравіи, Поморья, Силезіи и Пруссіи и уничтожить ихъ тамъ, послѣ захвата господства въ Чехіи, Польшѣ и др. славянскихъ земляхъ,—они не могутъ терпѣть того, что остается свободною отъ ихъ прелютаго ига Русская держава, которая можетъ послужить надеждой и опорой для (порабощенныхъ ими) славянъ. Способы, посредствомъ которыхъ приносятъ они вредъ, крайне разнообразны, они проникаютъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь и политику. Какъ ненавистники славянства, нѣмцы всюду сѣютъ въ славянахъ междоусобныя распри, вовлекаютъ ихъ въ безполез-

---

[1]) Заимствуемъ это письмо (въ извлеченіяхъ) изъ книги проф. Дм. В. Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи“. Москва, 1890, стр. 774—775. Подлинникъ письма находится въ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ.

ныя и убыточныя войны; какъ заклятые враги Россіи, усиленно стараются ослабить, унизить ее".

Это писалось двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ. А кажется, что рѣчь идетъ именно объ этихъ двухъ вѣкахъ, особенно о послѣднемъ,—такъ все это отвѣчаетъ позднѣйшей дѣйствительности.

Конечно, мы теперь „въ самыхъ лучшихъ", какъ принято говорить, отношеніяхъ съ Германіей. Если наши внутренніе нѣмцы держатъ себя высокомѣрно и ведутъ себя непокорно и часто буйно, зато внѣшніе нѣмцы—наши лучшіе, „традиціонные", какъ тоже принято говорить, друзья... Въ такихъ же „самыхъ лучшихъ" отношеніяхъ находились мы съ Пруссіей и въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, что, однако, не помѣшало ей въ Крымскую кампанію, сохраняя нейтралитетъ „со всею доступною государству честностью", предлагать свое участіе въ коалиціи противъ Россіи [1]). И теперь „самыя лучшія" отношенія и „традиціонная" дружба къ Россіи не мѣшаютъ Германіи систематически высылать изъ своихъ предѣловъ русскихъ подданныхъ, лишь только таковые обнаружатся въ восточныхъ провинціяхъ, въ видахъ политической безопасности этихъ провинцій, сопредѣльныхъ съ Россіей. Почему же эти „самыя лучшія" отношенія и эта „традиціонная" дружба мѣшаютъ намъ позаботиться о политической безопасности нашихъ западныхъ провинцій, сопредѣльныхъ съ Германіей? Если сама Германія, высылая русскихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ, очевидно, не придаетъ никакого значенія „самымъ лучшимъ" отношеніямъ и своей „традиціонной" дружбѣ, то какимъ же образомъ мы, полагаясь на нихъ, можемъ пренебрегать существеннѣйшими элементами нашей государственной безопасности?

Мы необыкновенно щепетильны въ обрусеніи окраинъ, въ пріобщеніи ихъ къ культурѣ и національности русскаго государства. Это считается „варварствомъ" и преступленіемъ. А германизація этихъ самыхъ окраинъ, т. е. пріобщеніе ихъ къ культурѣ и національности чужого, сосѣдняго

---

[1]) Съ этою цѣлью въ 1855 году командированы были графъ Узедомъ въ Лондонъ и генералъ Ведель въ Парижъ. Только благодаря тому, что Пруссія не сошлась въ цѣнѣ съ Франціей и Англіей, Россія не подверглась въ 1855 г. и сухопутному нашествію нѣмцевъ.

государства происходитъ невозбранно. И это не только не считается варварствомъ и преступленіемъ, но находитъ себѣ даже ярыхъ защитниковъ въ той же самой средѣ, которая осуждаетъ и клеймитъ малѣйшій шагъ къ обрусенію этихъ окраинъ!

Наша война съ Японіей воочію показала неудобства и опасность заселенія окраинъ государства чужеземными элементами: она ярко вырисовала значеніе и назначеніе окраинъ, какъ форпостовъ государства, призванныхъ охранять извнѣ его организмъ и долженствующихъ, поэтому, быть связанными съ государствомъ не только политически, но и нравственно. Конечно, этому отнюдь не можетъ способствовать „мирное завоеваніе“ окраинъ иностранцами вообще, въ особенности-же выходцами изъ сосѣднихъ государствъ, въ случаѣ разрыва съ которыми именно эти окраины должны послужить театромъ войны. Иностранной колонизаціей не только ослабляется нравственное, психическое согласіе окраинъ государства съ его организмомъ, но создается политическая опасность, усложняющая и затрудняющая задачи государственной обороны. На Дальнемъ Востокѣ успѣхи японцевъ и наши пораженія были значительно подготовлены японской колонизаціей, предшествовавшей войнѣ: японскіе промышленники, торговцы, ремесленники, рабочіе, прислуга и т. п., благодушно допущенные нами въ свои владѣнія, оказались военными шпіонами и политическими агентами Японіи, изучавшими будущій театръ войны и снабжавшими свое правительство всѣми нужными свѣдѣніями о численности и дислокаціи нашихъ войскъ, о состояніи крѣпостей, слабыхъ сторонахъ нашей обороны и т. д. Разумѣется, то, что имѣетъ *особое* значеніе для окраинъ, не можетъ быть упущено изъ виду и вообще для всей страны.

Почти всѣ государства поспѣшили воспользоваться урокомъ дальне-восточной войны принявъ различныя мѣры къ огражденію своихъ приграничныхъ областей отъ наплыва въ нихъ иностранцевъ, особенно же выходцевъ изъ политически-соперничающихъ государствъ. Въ Англіи уже въ 1905 г. былъ изданъ спеціальный законъ, закрывшій доступъ въ предѣлы Соединеннаго королевства „нежелательнымъ иностранцамъ“. По этому закону въ Соединенномъ королевствѣ допускается осѣдлость иностранцевъ только съ

„безукоризненной репутаціей“ и не иначе, какъ съ особаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія высшей правительственной власти, причемъ осѣдлость ихъ допускается только въ опредѣленныхъ мѣстахъ—„гдѣ ихъ пребываніе не можетъ представить опасности или неудобства для англійскихъ интересовъ“. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ также изданъ законъ „объ иммиграціи и натурализаціи“, ограничившій доступъ въ штаты иностранцевъ и затруднившій натурализацію ихъ, т. е. пріобрѣтеніе полноправія. Въ западныхъ же штатахъ, уязвимыхъ со стороны Японіи, приняты болѣе радикальныя мѣры. Въ штатѣ Калифорнія воспрещено иностранцамъ пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ и владѣніе таковыми. Такой же законъ изданъ и въ штатѣ Невада.

Въ приграничныхъ областяхъ Пруссіи (Познани, Силезіи, Эльзасѣ, Лотарингіи и т. д.) осѣдлость иностранцевъ не допускается, даже рабочіе, приходящіе изъ сосѣднихъ государствъ—на временные заработки, допускаются съ большими предосторожностями и только на опредѣленный срокъ. Всѣмъ памятны массовыя высылки изъ приграничныхъ областей русскихъ подданныхъ. Въ настоящее время и во Франціи принимаются мѣры противъ переполненія страны иностранцами: 29 декабря 1909 г. французскимъ парламентомъ принятъ законъ, по которому промышленныя и торговыя предпріятія не могутъ имѣть въ числѣ своихъ рабочихъ или служащихъ болѣе пяти иностранцевъ; предпріятія, допустившія въ число своихъ рабочихъ или служащихъ болѣе пяти иностранцевъ, облагаются высокимъ налогомъ. Даже въ „нейтральной“ Швейцаріи, которой никто не угрожаетъ, поднятъ вопросъ объ ограниченіи притока иностранцевъ. Въ концѣ 1909 года по этому вопросу созвана была въ Бернѣ конференція, пришедшая къ заключенію, что „чрезмѣрный ростъ иностраннаго населенія въ Швейцаріи представляетъ опасность для ея національной цѣлости“, и предложившая верховному федеральному совѣту представить союзному собранію законопроэктъ, заключающій въ себѣ мѣры къ устраненію этой опасности.

Словомъ, неудобство и опасность иностраннаго захвата признается вездѣ. Самою практикой властей не допускается осѣдлость на окраинахъ иностранцевъ вообще, тѣмъ болѣе

выходцевъ изъ непосредственно угрожающихъ государствъ. Возможна ли германская колонизація восточныхъ департаментовъ Франціи или французская колонизація западныхъ провинцій Германіи? Мыслимое ли дѣло заселеніе англичанами французскихъ побережій или заселеніе французами или нѣмцами англійскихъ побережій? Объ этомъ и рѣчи не можетъ быть такъ же, какъ не допустятъ русской колонизаціи восточныхъ провинцій Пруссіи, англійской Индіи или японскихъ острововъ.

У насъ же приходится наблюдать совершенно обратное: западныя окраины, смежныя съ Германіей и ея союзницей Австріей, колонизуются нѣмцами, выходцами изъ Германіи; дальневосточныя окраины широко колонизуются японцами и китайцами; Кавказъ, служащій для насъ „мостомъ“ въ Персію, Малую Азію и Индію, колонизуется множествомъ иностранныхъ элементовъ и т. д.

Но не только окраины, а вся страна у насъ какъ губка все болѣе пропитывается иностранцами. Относясь слишкомъ благодушно къ иностранцамъ, мы безпечны одинаково и къ судьбамъ національнымъ, и къ интересамъ государственной безопасности.

Давно уже необходимъ сталъ пересмотръ нашего законодательства объ иностранцахъ. Осѣдлость ихъ на окраинахъ, особенно на такихъ угрожаемыхъ окраинахъ, какъ дальневосточныя, западныя, Кавказъ, Туркестанъ, Крымъ, должна быть ограничена серьезными мѣрами. На всѣхъ окраинахъ иностранные поселенцы, во всякомъ случаѣ, могутъ сыграть, въ критическій моментъ, ту же роль, какую сыграли японскіе иммигранты на Дальнемъ Востокѣ въ минувшую войну. „Мирное завоеваніе“ нашихъ окраинъ, между тѣмъ, продолжается, усложняя дѣло государственной обороны и угрожая серьезной опасностью въ случаѣ какихъ-либо внѣшнихъ осложненій. Урокъ дальневосточной войны долженъ убѣдить даже и самыхъ небрежныхъ людей въ стратегическомъ неудобствѣ и государственной опасности иностранной колонизаціи окраинъ. Пора подумать о серьезныхъ мѣрахъ. Окраины государства должны быть органически связаны со своей метрополіей, а не отчуждаться отъ нея чужеземными элементами. Для послѣднихъ не должно

быть осѣдлости на окраинахъ, которыя требуютъ прочнаго занятія кореннымъ русскимъ элементомъ.

Два милліона нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ представляютъ собою цѣлую маленькую Германію, хотя и находящуюся въ Россіи, но враждебную ей и совершенно обособленную ото-всего русскаго, живущую и дышущую не русскими, а германскими интересами. Такое положеніе подвергаетъ гусударственное дѣло Россіи слишкомъ большимъ случайностямъ, а потому, очевидно, не можетъ быть терпимо. Мы все успокаивали себя тѣмъ, что вѣдь это не болѣе какъ простые колонисты, не могущіе представить существенной опасности. Но и южно-африканскіе Буры—колонисты,—какихъ, однако, усилій стоило Англіи покорить ихъ? Но Буровъ всего 250 тысячъ, у насъ же нѣмецкихъ колонистовъ 2 милліона, за спиной которыхъ стоитъ 60-ти милліонная Германія.

Очевидно, это плохое успокоеніе...

Въ прошлое царствованіе, въ законодательствѣ нашемъ появилось нѣсколько новыхъ статей, ограничивающихъ нѣкоторыя права иностранцевъ въ губерніяхъ западной и юго-западной Россіи. Это были первые шаги къ огражденію государственныхъ интересовъ Россіи отъ чужеземныхъ посягательствъ; эти первые шаги до сего времени остаются и послѣдними, а потому, весьма естественно, и не могутъ устранить зла, разросшагося до огромныхъ размѣровъ и пустившаго глубокіе корни.

Въ силу закона 14 марта 1887 года, въ десяти губерніяхъ Привислянскаго края, въ девяти западныхъ губерніяхъ и въ губерніяхъ Бессарабской, Лифляндской и Курляндской „иностранные подданные не могутъ пріобрѣтать, какими бы то ни было способами и на какомъ бы то ни было изъ допускаемыхъ общими и мѣстными законами основаній, внѣ портовыхъ и другихъ городскихъ поселеній, права собственности на недвижимыя имущества, а равно права владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами отдѣльнаго отъ права собственности вообще, въ частности же вытекающаго изъ договора найма и аренды“. Относительно Волынской губерніи, наиболѣе подвергавшейся „мирному завоеванію“ германскихъ колонистовъ, издано было еще спеціальное узаконеніе (14-го марта 1892 года), коимъ было запрещено

„всѣмъ иностраннымъ выходцамъ, въ томъ числѣ и принявшихъ русское подданство“, не только пріобрѣтать въ этой губерніи права собственности на недвижимыя имущества, а также право владѣнія или пользованія таковыми, но и вообще „впредь селиться въ предѣлахъ Волынской губерніи внѣ городскихъ поселеній“.

Законами этими, казалось, вполнѣ ограждаются государственные русскіе интересы на западныхъ окраинахъ отъ посягательствъ на нихъ со стороны чужеземныхъ элементовъ. Но дѣйствіе перваго изъ этихъ законовъ съ самаго же начала было не только умалено, но во многихъ случаяхъ даже совсѣмъ сведено на нѣтъ—массовымъ принятіемъ „мирными завоевателями“ нашихъ западныхъ окраинъ русскаго подданства. Хотя, въ силу германскаго закона 1 іюня 1870 года о двойномъ подданствѣ, русское подданство ихъ совершенно фиктивно, но это парализовало законъ 14-го марта 1887 года, обратившійся, благодаря этому, чуть ли въ мертвую букву.

Что же касается закона 14-го марта 1892 года, то онъ вскорѣ-же (въ 1895 году) и совсѣмъ почему-то былъ отмѣненъ.

Такимъ образомъ, все осталось и по сіе время остается по прежнему, сущность дѣла нисколько не измѣнилась, измѣнилась лишь его форма: селятся и пріобрѣтаютъ земли тѣ же Нѣмцы, только принявшіе русское подданство. Но послѣднее само по себѣ не только не дѣлаетъ Нѣмцевъ русскими гражданами, но даже, какъ объяснено выше, не освобождаетъ ихъ отъ подданства Германіи, гдѣ для такихъ случаевъ существуетъ законъ о двойномъ подданствѣ.

Какъ же быть?

Очевидно, для прекращенія „мирнаго завоеванія“ нашихъ западныхъ окраинъ необходимы болѣе дѣйствительныя мѣры. Это, повидимому, сознано, наконецъ, и правительствомъ, которымъ, какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго (1910) года внесенъ въ Государственную Думу законопроэктъ объ ограниченіи германской колонизаціи нашихъ западныхъ окраинъ. Согласно законопроэкту, иностраннымъ выходцамъ, хотя-бы и принявшимъ русское подданство, воспрещается впредь пріобрѣтеніе въ собственность земель, какъ равно и срочное (арендное) владѣніе ими въ губерніяхъ Юго-За-

паднаго края—Волынской, Кіевской и Подольской. Собственно говоря, это не новый законъ, а возстановленіе существовавшаго уже закона (14-го марта 1892 года), съ расширеніемъ лишь района его дѣйствія. Дѣйствіе правилъ 14-го марта 1892 года ограничивалось одной Волынской губерніей, наиболѣе подвергшейся германской колонизаціи, дѣйствіе же новаго закона распространяется на всѣ три губерніи Юго-Западнаго края. Правила 14 марта 1892 года просуществовали всего три года и были замѣнены въ 1895 году новыми правилами (19 марта 1895 года), которыя дѣйствуютъ и посейчасъ, но которыя оказались совершенно не отвѣчающими своему назначенію—прекращенію дальнѣйшаго роста германской земельной колонизаціи. Правилами этими запрещено пріобрѣтеніе земель только новымъ иностраннымъ выходцамъ, за колонистами-же, уже осѣвшими въ краѣ до изданія правилъ, сохранено право и пріобрѣтенія въ собственность, и аренднаго владѣнія землями, притомъ право потомственное. Правилами 14 марта 1892 года ростъ германской колонизаціи Волыни былъ остановленъ, съ замѣной-же ихъ правилами 19 марта 1895 года колонизація не только возобновилась, но вскорѣ-же приняла размѣры крайне тревожные.

Это обстоятельство, въ связи съ упорной національной обособленностью и враждебнымъ отношеніемъ ко всему русскому колонистовъ, что свидѣтельствуетъ и объяснительная записка къ законопроэкту, и вызываетъ необходимость принятія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ огражденію западныхъ окраинъ отъ дальнѣйшаго роста иностранной колонизаціи, принявшей характеръ форменной оккупаціи. Прочная осѣдлость ихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя, въ случаѣ разрыва нашего съ Германіей, должны послужить театромъ войны, не только неудобна, но и вовсе, понятно, недопустима.

Къ сожалѣнію, теперь уже трудно устранить скопленіе ихъ, допущенное въ семидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и своевременно просмотрѣнное. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что столь нежелательное явленіе должно развиваться и далѣе, и что Россія должна отказаться отъ храненія своихъ государственныхъ интересовъ и государственной безопасности на западныхъ окраинахъ. Можно остановить дальнѣйшій ростъ колонизаціи, можно ослабить значительно и существующую опасность. Значи-

тельная часть колонистовъ еще владѣетъ землей на правѣ срочной аренды.

Запрещеніе послѣдней заставитъ многихъ удалиться по истеченіи сроковъ аренды. Къ этому и сводится законопроэктъ, внесенный въ Государственную Думу: запрещеніе новымъ иностраннымъ выходцамъ, хотя-бы и принявшимъ русское подданство, пріобрѣтенія земель въ собственность и срочнаго (арендnаго) владѣнія ими (правила 19-го марта 1895 года), онъ дополняетъ такимъ-же запрещеніемъ и въ отношеніи колонистовъ, уже осѣвшихъ въ краѣ.

Эта мѣра—вполнѣ цѣлесообразна, которую нельзя не признать важнымъ шагомъ къ разрѣшенію вопроса объ иностранной колонизаціи, и которую нельзя не привѣтствовать, какъ актъ благоразумной государственной предусмотрительности.

Но предпринимаемая мѣра хороша только какъ частичный, только какъ первый шагъ. Проэктируемый законъ распространяется не вообще на западныя окраины, смежныя съ Германіей и Австріей, а только на три губерніи Юго-Западнаго края, смежныя съ Австріей. Почему это? Совершенно непостижимо! Германская колонизація идетъ въ тѣхъ-же и болѣе еще тревожныхъ размѣрахъ и по другимъ частямъ границы, особенно въ Привислянскомъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Ясно, что новый законъ является лишь частичной мѣрой, только крупицей того, что требуется для огражденія государственной безопасности Россіи.

Итакъ, что-же нужно, что должно быть сдѣлано для огражденія государственной безопасности Россіи,—сдѣлано при томъ безотлагательно?

Вопервыхъ, дѣйствіе новаго (проектируемаго) закона распространить на *всѣ* западныя, смежныя съ Германіей и Австріей, окраины (а не на одинъ только Юго-Западный край), а именно—на всѣ девять западныхъ губерній, на десять губерній Привислянскаго края, на три губерніи Прибалтійскаго края, и на губерніи Петербургскую и Бессарабскую.

Вовторыхъ, нужно запретить германскимъ пришельцамъ пріобрѣтеніе въ собственность земель, вообще ограничить и вовсе прекратить дальнѣйшую нѣмецкую осѣдлость въ остальныхъ трехъ губерніяхъ Новороссіи (Таврической, Херсонской

и Екатеринославской), о чемъ давно уже, но—увы! тщетно ходатайствовали мѣстныя земства и дворянство.

Въ третьихъ, такъ какъ главнымъ источникомъ обособленности и германства нѣмецкихъ колонистовъ, осѣвшихъ уже въ Россіи и изъ поколѣнія въ поколѣніе остающихся пламенными германцами, не дѣлаясь русскими гражданами, (какими они должны быть, живя въ Россіи и считаясь ея подданными), являются нѣмецкія колонистскія школы, нужно совершенно уничтожить особыя колонистскія школы, преобразовавъ ихъ въ общія народныя, конечно, русскія, школы, состоящія въ фактическомъ вѣдѣніи учебнаго вѣдомства, на общемъ основаніи. Въ настоящемъ ихъ положеніи, т. е. въ видѣ особыхъ школъ, колонистамъ принадлежащихъ, для нихъ только предназначенныхъ, завѣдуемыхъ и руководимыхъ нѣмецкими пасторами и учителями, нѣмецкія школы уже преобразовывались. Преобразованіе это, однако, не измѣнило ихъ германскаго характера и духа и не можетъ, при теперешнемъ ихъ обособленномъ положеніи, измѣнить. Опытъ показалъ и государственные интересы требуютъ—не преобразованія нѣмецкихъ школъ въ Россіи, а полнаго *уничтоженія* ихъ. Только въ русской школѣ, на одной скамьѣ съ русскими дѣтьми подрастающее поколѣніе Нѣмцевъ—колонистовъ отрѣшится отъ той исключительности и обособленности ото всего русскаго, которыя препятствуютъ ихъ сближенію съ пріютившимъ ихъ русскимъ отечествомъ и создаетъ опасный политическій прецедентъ на окраинахъ. Пока будутъ существовать особыя нѣмецкія школы отдѣльно отъ общихъ школъ, Нѣмецкіе колонисты всегда будутъ замыкаться въ отдѣльную группу, особо держаться отъ прочаго населенія и составлять государство въ государствѣ, Германію въ Россіи.

Наконецъ, *въ четвертыхъ*, такъ какъ утвержденіе Германіи, при помощи Багдадской желѣзной дороги, въ Малой Азіи создаетъ возможность германскаго вторженія къ намъ не только съ европейскаго фронта, но и съ азіатскаго (Кавказъ), то съ нашей стороны теперь-же должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы обезопасить себя противъ такого *двойного*, хотя бы и самаго „мирнаго“, вторженія. Въ чемъ же могутъ и должны заключаться эти мѣры? Въ томъ, конечно, чтобы германское „мирное завоеваніе“ было стѣснено съ Юга такъ же, какъ и съ Запада, то-есть, чтобы водвореніе

Нѣмцевъ, вообще иностранцевъ, было воспрещено и на Кавказѣ, особенно въ Закавказьѣ. Если на западныхъ окраинахъ это сдѣлано, къ несчастію только тогда, когда тамъ успѣло уже водвориться цѣлое милліонное нѣмецкое населеніе, то на Кавказѣ, въ виду такого печальнаго урока, конечно, это должно быть сдѣлано своевременно, то есть пока онъ еще не „занятъ“ Германіей, подобно Привислянскому краю. Багдадская желѣзная дорога, посредствомъ которой Германія утверждается въ сопредѣльныхъ намъ азіатскихъ краяхъ, служитъ намъ предостереженіемъ и указаніемъ необходимости и безотлагательности занятія нами прочныхъ позицій на нашемъ Европейско-Азіатскомъ мостѣ, то есть русской колонизаціи Закавказья. Мы должны, наконецъ, „произвести въ Нѣмцы“ тамошнихъ русскихъ переселенцевъ, то есть проявить къ нимъ тѣ заботливость и щедрость, какія до сего времени мы проявляли къ нѣмецкимъ колонистамъ и которыя дали послѣднимъ возможность такъ прочно укрѣпиться въ краѣ, что никакіе Армяне ихъ оттуда не вышибутъ.

Только совокупностью всѣхъ этихъ мѣръ можетъ быть ограждена государственная безопасность Россіи со стороны Германіи, можетъ быть ограждена, конечно настолько, насколько это возможно теперь, когда двухмилліонный германскій авангардъ уже внѣдренъ въ Россію и расположенъ въ ней по стратегическому плану германскаго генеральнаго штаба.

Насъ стараются, правда, увѣрить въ „традиціонной вѣрности“ германскихъ колонистовъ Россіи (а не Германіи), въ томъ что они „такіе-же подданные“ опять таки Россіи, а не Германіи, какъ и всѣ другіе, и что, поэтому, всякія мѣры противъ нихъ не только—де излишни, но и недопустимы [1]).

Странно, однако, говорить о „традиціонной вѣрности“ германскихъ колонистовъ Россіи: они еще *не успѣли* проявить ея, такъ какъ со времени ихъ поселенія на нашихъ смежныхъ съ Германіей окраинахъ случаевъ для этого, къ счастью, не представлялось. Россія второе столѣтіе живетъ

---

[1]) Для увѣреній во всемъ этомъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго года (послѣ внесенія въ Государственную Думу законопроекта объ ограниченіи иностранной колонизаціи) пріѣзжала даже изъ Юго-Западнаго края особая депутація германскихъ колонистовъ.

въ мирѣ съ Германіей, съ которой не имѣла вооруженнаго столкновенія съ половины XVIII столѣтія. Богъ дастъ и далѣе добрососѣдскія отношенія не нарушатся, хотя не далѣе, какъ въ 1909 году, какъ извѣстно, Австрія угрожала намъ войной и Германія, какъ союзница ея, готова была послѣдовать за нею... Но какъ бы ни были мирны наши отношенія съ Германіей, послѣдняя никогда не допуститъ заселенія ея восточныхъ окраинъ, смежныхъ съ Россіей, русскими колонистами, вполнѣ основательно считая это стратегическимъ неудобствомъ, несовмѣстимымъ съ государственной безопасностью. Почему-же Россія не должна считаться со своей государственной безопасностью?

Совершенно вѣрно, что наши германскіе колонисты проявили „лойяльность“ въ революціонные годы. Но, во первыхъ, тутъ вѣдь передъ ними не представала диллема „традиціонной вѣрности“ Россіи *или* Германіи. Во вторыхъ-же, главное, это не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ политическимъ и стратегическимъ соображеніямъ, по которымъ осѣдлость, да еще такая массовая (цѣлый милліонъ по западной границѣ!) германскихъ колонистовъ въ приграничномъ съ Германіей районѣ представляется крайне неудобной для Россіи, конечно, а не для Германіи—и, поэтому, нежелательной и недопустимой.

Что-же касается того, что германскіе колонисты, о которыхъ идетъ рѣчь, якобы „такіе-же подданные Россіи“, какъ и всѣ другіе, то это далеко не такъ. Вопервыхъ, около третьей части германскихъ колонистовъ Западной Россіи даже оффиціально являются германскими подданными, не пожелавъ до сего времени даже формально только приписаться къ русскому подданству. Вовторыхъ-же, и остальные, хотя приписались формально къ русскому подданству, но не могутъ считаться русскими гражданами и разсматриваться какъ таковые, въ силу существованія въ Германіи закона (1 іюня 1870 года) о двойномъ подданствѣ, по которому колонисты, приписавшись (формально лишь, въ силу требованій нашего закона) къ русскому подданству, остаются все-же германскими подданными. Которое изъ этихъ двухъ подданствъ дѣйствительное и которое фиктивное, едва-ли нужно пояснять. Можно-ли, при такомъ положеніи, полагаться на „традиціонную вѣрность“ германскихъ колонистовъ Россіи?

Очевидно, государственная предусмотрительность требуетъ со стороны Россіи не усиленія германскаго авангарда въ приграничномъ съ Германіей раіонѣ, а ослабленія его и, по возможности, удаленія отсюда въ другіе, не приграничные районы. Къ этому, только къ этому и сводятся указанныя нами выше, въ четырехъ пунктахъ, мѣры, только совокупностью которыхъ могутъ быть ограждены существенные государственные интересы Россіи, нарушенные и и нарушаемые „мирнымъ завоеваніемъ“ со стороны Германіи нашихъ смежныхъ съ нею и ея союзницей—Австріей окраинъ.

Нѣмцы не могутъ жаловаться на насъ: по отношенію къ нимъ мы были слишкомъ долготерпѣливы и слишкомъ многомилостивы. Не говоря объ инородцахъ, по отношенію къ которымъ Нѣмцы находятся у насъ въ привиллегированномъ положеніи, самому Русскому народу приходится лишь завидовать тѣмъ великимъ и богатымъ, но совершенно не заслуженнымъ милостямъ, которыя до послѣдняго почти времени сыпались на головы этихъ чужеземныхъ пришельцевъ. И что же мы видимъ въ результатѣ? обособленность, вражду и опасный политическій прецедентъ на окраинахъ, и безъ того не отличающихся надлежащей благонадежностью, въ смыслѣ государственно-политическомъ.

Въ русскомъ государствѣ не должно быть никакой Германіи, и если Нѣмцамъ удалось, благодаря былымъ ошибкамъ нашимъ, утвердить у насъ свой Vaterland, то *еще не поздно* свести съ нимъ счеты, и, очевидно, нужно и должно свести ихъ, *пока не поздно*...

Гос. Центр. Историческая Библиотека